

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 3 дня 1862 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, священникъ *Филаретъ Сергіевскій*.

16. О ДУШѢ И О ВОСКРЕСЕНІИ,

РАЗГОВОРЪ СЪ СЕСТРОЮ МАКРИНОЮ (а).

Когда великій во святыхъ Василій изъ жизни человѣческой преселмися къ Богу, и содѣлаемъ для церкви общимъ поводомъ къ плачу, оставалась же еще въ жизни сестра и наставница, съ поснѣнностію пошелъ я раздѣлить съ нею горе о братѣ. Болѣла у меня душа, сильно скорбя о таковой утратѣ, и сообщникомъ въ слезахъ искалъ я человѣка, который бы несъ равное со мною бремя печали. Но какъ скоро мы увидали другъ друга; явившаяся предъ глазами моими наставница сильнѣе возбудила мое страданіе; потому что и сама была больна едва не при смерти; она же, подобно свѣдущимъ въ искусствѣ править конями, давъ мнѣ не надолго увлечься порывомъ страсти, начи-

(а) Переводъ сдѣланъ по изданію Георг. Краблнгера, Лейпцигъ 1837 года.

наеть потомъ сдерживать словомъ, какъ бы уздою какою, разсужденіемъ своимъ успокоивая возмущенную душу, и произнесено было ею сіе апостольское изреченіе: не должно скорбѣть о почившихъ (1 Сол. 4, 13.), потому что скорбь эта свойственна только немѣющимъ упованія. И поелику сердце мое кипѣло еще отъ печали, то сказалъ я:

Гр. Возможно ли людямъ это исполнить, когда въ каждомъ есть какое-то естественное отвращеніе отъ смерти; кто видитъ умирающихъ, тѣ съ трудомъ сносятъ это зрѣлище; а къ кому приближается смерть, тѣ, сколько можно, отъ нея бѣгутъ. Да и господствующіе законы признаютъ ее крайнимъ изъ преступленій и крайнимъ изъ наказаній; поэтому какая же возможность почитать ни за что изшествіе изъ жизни, даже кого либо изъ чужихъ, не только изъ близкихъ, когда они оканчиваютъ жизнь? Къ тому еще видимъ, продолжалъ я, что и все человѣческое стараніе имѣетъ въ виду то, чтобы продлить намъ время жизни; поэтому у насъ и дома придуманы для жительства, чтобы тѣла въ окружающемъ ихъ воздухѣ не страдали отъ холода или жара. И земледѣліе что иное, какъ не заготовленіе потребнаго для жизни? Забота же о жизни, конечно, происходитъ отъ страха смертнаго. Что такое врачебное искусство? Отчего оно почитено у людей? Не отъ того ли, что сред-

ствами своими, по видимому, борется нѣсколько со смертію? И брони, и щиты, и воинская обувь, и шлемы, и оборонительныя оружія, и ограды стѣнъ, и желѣзомъ кованныя ворота, и доставляющіе безопасность рвы, и подобное тому, по чему иному дѣлается все это, какъ не по страху смерти? Поселику же естественнымъ образомъ такъ страшна смерть, то легко ли послушаться того, кто велить остающемуся въ живыхъ не предаваться скорби объ умершемъ?

Мак. Что же, спрашиваетъ наставница, что же тебѣ особенно само по себѣ кажется при-скорбнымъ въ смерти? Ибо обычая неразумныхъ недостаточно къ худому о ней мнѣнію.

Гр. Что же? Ужели не стоить того, чтобы и скорбѣть, отвѣчалъ я ей, когда видимъ, что человѣкъ, дотолѣ живой и разговаривающій, вдругъ дѣлается бездыханнымъ, безмолвнымъ, неподвижнымъ; всѣ естественныя чувства въ немъ потухаютъ, не дѣйствуютъ ни зрѣніе, ни слухъ, ни все прочее способствующее ощущенію? Поднесешь ли къ нему огонь, или желѣзо, станешь ли тѣло разсѣкать мечемъ, отдашь ли плотояднымъ звѣрямъ, зароешь ли въ землю; при всемъ этомъ лежитъ онъ одинаково. Посему, когда усматривается въ этомъ перемѣна, а та жизненная причина, которая находилась нѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается невидимою и непримѣтною, подобно тому,

какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшій дотолѣ пламень и на свѣтильнѣ не остается, и не переходитъ куда либо въ другое мѣсто, но совершенно исчезаетъ; какъ тогда сдѣлается возможнымъ безъ печали перенести такую перемѣну тому, кто не имѣетъ никакой явной опоры? Ибо, услышавъ объ исходѣ души, хотя видимъ оставленное, однакоже не знаемъ объ удалившемся, что такое было оно прежде по природѣ своей, и во что перешло, такъ какъ ни земля, ни воздухъ, ни вода, ни другая какая стихія не показываетъ въ себѣ оной силы, преселившейся изъ тѣла, по несуществіи которой оставленное ею мертво и готово уже къ тлѣнію.

Мак. Какъ скоро заговорилъ я это, наставница, помававъ рукою, начинаетъ рѣчь: не такой ли страхъ смущаетъ тебя, и объемлетъ твою мысль, будто бы душа не вѣчно пребываетъ, но съ разрушеніемъ тѣла и сама прекращаетъ бытіе?

Гр. А какъ я, по причинѣ страданія, не собрался еще съ разсудкомъ; то отвѣчалъ нѣсколько смѣло, не разбирая строго того, что произношу. Ибо сказалъ: Божественныя сіи изреченія подобны приказамъ, по которымъ вынуждены мы убѣдиться, что душа должна пребывать вѣчно; хотя не доказательствомъ какимъ приводимся къ таковому ученію; а напротивъ того, внутри насъ умъ, по видимому,

рабски по страху принимает повелѣваемое, а не по произвольному какому либо влеченію соглашается съ сказаннымъ. Отчего и скорби наши объ умершихъ дѣлаются болѣе тяжкими; потому что не знаемъ точно, существуетъ ли еще сама по себѣ животворная эта причина, и гдѣ, и какъ существуетъ, или пигдѣ болѣе ея нѣтъ. Ибо неизвѣстность дѣйствительно существующаго равными дѣлаетъ предположенія о томъ и другомъ; и какъ многимъ кажется справедливымъ одно, такъ многимъ противное тому; и иные у елшиновъ, пріобрѣтшіе не малую славу по философін, держались сего мнѣнія, и подтверждали оное.

Мак. Оставь языческія бредни, говоритъ она, въ нихъ изобрѣтатель лжи къ ущербу истины въ видѣ вѣроятныхъ слагаетъ погрѣшительныя предположенія; а ты обрати вниманіе на то, что думать такъ о душѣ не что иное значить, какъ стать чуждымъ для добродѣтели и имѣть въ виду только настоящую пріятность, а о жизни умопредставляемой въ вѣчности, по которой одна добродѣтель имѣетъ преимущество, отложить и надежду.

Гр. Но какъ, спросилъ я, твердымъ и непреложнымъ сдѣлается для насъ мнѣніе о вѣчномъ пребываніи души? Ибо и самъ чувствую, что жизнь человѣческая лишится прекраснѣйшаго своего достоянія, разумью, добродѣтели, если не превозможетъ въ насъ несомнѣнная

вѣра въ это. Ибо можетъ ли имѣть мѣсто добродѣтель въ тѣхъ, которыми настоящая жизнь признается предѣломъ бытія, и которымъ послѣ нея нечего больше надѣяться?

Мак. Поэтому надлежитъ разыскать, говорить наставница, что рѣчь наша объ этомъ можетъ принять для себя за должное начало; и, если угодно, пусть за тобою останется защищеніе противоположныхъ ученій; ибо вижу, что и твоя мысль готова къ таковому состязанію. Пусть же такимъ образомъ чрезъ противуположеніе отыскано будетъ основаніе истины.

Гр. Послѣ сего приказа, попросивъ ее не подумать, будто бы на самомъ дѣлѣ споримъ противъ истины, ибо напротивъ того стараемся придать твердость ученію о душѣ по разрѣшеніи съ этою цѣлю сдѣланныхъ возраженій, сказалъ я: защитники противнаго мнѣнія скажутъ, можетъ быть, что тѣло, будучи сложнымъ, конечно, разлагается на то, изъ чего составлено. По расторженіи же сродства стихій въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ, вѣроятно, стремленіе къ состоящему съ нею въ свойствѣ, такъ какъ самое естество стихій по какому-то необходимому влеченію возвращаетъ однородному свойственное ему. Ибо съ теплымъ опять соединится, что есть теплаго въ насъ, и съ твердымъ, что въ насъ землянистаго, и съ каждымъ изъ прочихъ ка-

чествъ произойдетъ переходъ къ сродному. Посему, гдѣ же послѣ этого будетъ душа? Ибо, если кто скажетъ, что она въ стихіяхъ, то по необходимости согласится, что она тождественна съ ними, потому что не могло бы произойти какое либо смѣшеніе инороднаго съ чуждымъ. И если это будетъ, то душа, конечно, окажется какою-то разнообразною, какъ входящая въ смѣшеніе съ противоположными качествами. А разнообразное не просто, но непременно умопредставляется въ сложеніи; все же сложное по необходимости и разлагаемо; а разложеніе есть распадёніе состава; но распадающееся не бессмертно. Въ противномъ случаѣ бессмертною можно было бы назвать и плоть, разлагаемую на то, изъ чего составлена. Если же душа есть нѣчто иное съ стихіями, то гдѣ бытіе ея предположить разумъ, когда въ стихіяхъ по разнородности она не находится, въ мірѣ же не существуетъ ничего инаго, въ чемъ могла бы обитать душа подобно съ своею природою? А чего нигдѣ нѣтъ, то, конечно, и не существуетъ.

Мак. И наставница, слегка воздохнувъ при этихъ словахъ, говоритъ: это и подобное этому, можетъ быть, предлагали нѣкогда Апостолу въ Аѳинахъ собравшіеся стоики и эпикурейцы. Ибо къ тому, какъ слышу, всего болѣе въ своихъ предположеніяхъ клонится Епикуръ, чтобы придумано было какое-то случай-

ное и самодвижное естество существъ, между тѣмъ какъ никакой промыслъ не входитъ въ дѣла; почему въ слѣдствіе этого и жизнь чело-вѣческую представлялъ себѣ въ подобіи пузыря происходящаго, когда тѣло наше наполнено какимъ-то духомъ, и этотъ духъ содержится въ объемлющемъ его; по опаденіи же надутости угасаетъ и заключенное внутри. Ибо для Епикура предѣломъ естества существъ было видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онъ ощущеніе, совсѣмъ смеживъ чувствлища души, и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и безплотное, какъ заключенный въ какой-либо хижинѣ остается не видящимъ небесныхъ чудесъ, потому что стѣны и потолокъ препятствуютъ ему видѣть, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно есть какая-то земная стѣна, которая людямъ несильнаго ума преграждаетъ собою путь къ воззрѣнію на умственное. Таковой видить только землю, воду, воздухъ и огонь; а откуда каждая изъ сихъ стихій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ содержится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть по низости ума. И хотя иной, увидѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и вмѣстѣ со взглядомъ на зданіе въ мысли зрителей представляется рука здателя; однакоже они, взи-

рая на міръ, остаются слѣдными для усмотрѣнія Указуемаго имъ. Посему-то учащими несуществованію души и произносятся эти хитрыя и остроумныя положенія: тѣло изъ стихій, стихіи изъ тѣла, и: душа не можетъ быть сама по себѣ, если не будетъ чѣмъ либо изъ нихъ, или въ нихъ. Ибо если противники думаютъ, что душа, поелику она не однородна съ стихіями, то и вовсе несуществуетъ; пусть сначала признаютъ они за истину, что жизнь во плоти бездушна; ибо тѣло не иное что есть, какъ стеченіе стихій. Поэтому пусть не утверждаютъ и того, что въ стихіяхъ—душа, оживотворяющая собою тѣлесный составъ, если только, но ихъ мнѣнію, не возможно послѣ этого, при существованіи стихій, быть и душѣ; такъ что у нихъ жизнь наша оказывается не иначе, какъ мертвою. Если же не сомнѣваются, что теперь есть душа въ тѣлѣ, то почему учать уничтоженію ея по разложеніи тѣла на стихіи? Но послѣ этого отважатся они тоже сказать и о самомъ Божественномъ естествѣ. Ибо на какомъ основаніи скажутъ, что разумное, невещественное и не имѣющее вида естество, проникая во влажное, мягкое, теплое, и твердое, содержитъ въ бытіи существа, не имѣя сродства съ тѣмъ, въ чемъ оно бываетъ, и будучи не въ состояніи быть въ этомъ по разнородности? Итакъ изъ ученія ихъ да будетъ вовсе исключено и самое

Божество, Которымъ существа содержатся въ бытіи.

Гр. Но какъ, спросилъ, я, сдѣлается несомнѣннымъ для возражающихъ и это самое, что все отъ Бога, и что Имъ содержатся существа, или и вообще, что есть нѣчто Божественное, превысшее естества существъ?

Мак. Она же говорить: о подобномъ сему приличіи было бы молчать, и не удостоивать отвѣта глушья и нечестивыя предложенія, какъ и нѣкое Божественное слово повелѣваетъ не отвѣщать *безумному по безумію ея* (Притч. 26, 4.); *безуменъ* же, конечно, по слову пророка, кто говорить: *нѣсть Богъ* (Иса. 13, 1.). Но поелику надобно сказать и это, изреку тебѣ, продолжаетъ наставница, слово, впрочемъ не мое и не другаго какого человѣка (потому что малъ всякій, каковъ бы онъ ни былъ), но то самое, которое о существахъ высказываетъ тварь чудесами совершаемыми въ ней, и слушателемъ котораго дѣлается око, когда посредствомъ видимаго оглашается въ сердцѣ премудрое и художническое слово. Ибо тварь ясно возглашаетъ о Творцѣ, потому что самыя *небеса*, какъ говорить пророкъ, неизглаголанными вѣщаніями *повѣдаютъ славу Божию* (Иса. (18, 1.). Ибо кто, видя стройность вселенной, небесныхъ и земныхъ чудесъ, какъ стихій, по природѣ одна другой противоположныя, по нѣкому неизреченному общенію

всѣ соединяются къ достиженію одной и той же цѣли, и каждая привноситъ отъ себѣ силу къ пребыванію цѣлаго; несоединимое и несообщимое между собою по особенностямъ качествъ не разлучается одно съ другимъ, и не истребляется одно другимъ, взаимно сраствленное противоположными качествами; напротивъ того стихіи, естество которыхъ несется выспрь, опускаются долу, солнечная теплота изливается въ лучахъ, а тѣла тяжелыя дѣлаются легкими, будучи истончаемы испареніями, такъ что вода, вопреки своей природѣ, дѣлается стремящеюся выспрь, когда при вѣтрахъ носится по воздуху, и эѳирный огонь сближается съ землею, такъ что и глубина получаетъ свою долю теплоты, а изливающаяся въ дождяхъ на землю влага, будучи одна по природѣ, поражаетъ тысячи разностей въ растеніяхъ, сообразуясь со всякимъ свойствомъ того, во что входитъ; также, видя самое быстрое вращеніе неба и обратное движеніе внутреннихъ круговъ, сближенія, соединенія и стройныя разъединенія звѣздъ,—видя сіе разумнымъ окомъ души, не явно научается изъ видимаго, что художественная и премудрая Божія сила, открывающаяся въ существахъ и все проникающая, и части приводитъ въ стройность съ цѣлымъ, и цѣлое восполняетъ въ частяхъ, и что вселенная единою нѣкою силою содержится, сама въ себѣ пре-

бывая и около себя самой вращаясь, и движения никогда не прекращая, и изъ того мѣста, въ которомъ она, не переходя въ какое либо другое?

Гр. И какъ же, сказалъ я, вѣра, что есть Богъ, доказываетъ вмѣстѣ, что есть и душа человѣческая? Ибо душа не одно и тоже съ Богомъ, чтобы, если признано бытіе одного, несомнѣнно было признаваемо и прочее?

Мак. Она же говоритъ: мудрецы утверждаютъ, что человѣкъ есть нѣкій малый міръ, содержащій въ себѣ тѣ же стихіи, которыми наполнена вселенная. Если положеніе это вѣрно (что и вѣроятно), то не будемъ, можетъ быть, имѣть нужды въ другомъ пособіи къ подтвержденію признаннаго нами о душѣ. Признали же мы, что существуетъ она сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной дебели. Ибо, какъ цѣлый міръ, познавая при помощи чувствъ, тою же самою дѣятельностію нашего чувства путеводимся къ уразумѣнію того, что на дѣлѣ и по понятію выше чувства, и глазъ дѣлается для насъ истолкователемъ всемогущей премудрости, и созерцаемой во вселенной и указующей собою Того, Кто премудро въ рукѣ Своей содержитъ вселенную: такъ, смотря на міръ, который въ насъ, не мало имѣемъ поводовъ отъ видимаго гадать и о сокровенномъ. Сокровенно же то, что, само въ себѣ будучи мысленнымъ и не

имѣющимъ вида, избѣгаетъ чувственнаго пониманія.

Гр. И я сказалъ: но о премудрости преевысшей міра можно умозаключать по усматриваемымъ въ природѣ существъ мудрымъ и художественнымъ законамъ этого стройнаго міроуправленія: какое же познаніе о душѣ можетъ быть изъ указуемаго въ тѣлѣ для тѣхъ, которые въ видимомъ слѣдятъ за сокровеннымъ?

Мак. А для тѣхъ, говоритъ дѣва, которые по мудрому оному уроку желаютъ познать себя, всего болѣе достаточною учительницею въ томъ, что думать о душѣ, служить сама душа, и именно, что она невещественна и безплотна, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей движенія обнаруживаетъ тѣлесными органами; потому что органическое устройство тѣла въ полной мѣрѣ тоже и въ умершихъ, но остается неподвижнымъ и недѣятельнымъ, по отсутствію въ немъ душевной силы. Тогда же движется оно, когда въ органахъ есть чувствительность, и въ ней дѣйствуетъ умственная сила, которая собственными своими стремленіями, какъ угодно ей, движетъ и чувственные органы.

Гр. Посему, сказалъ я, что же такое душа, если только естество ея можетъ быть описано какимъ либо словомъ, такъ чтобы посему описанію составилось въ насъ какое либо понятіе о предметѣ?

Мак. И наставница говорить: разные разно излагали учение о душѣ, и каждый дѣлалъ опредѣленіе, какое было ему угодно; а наше мнѣніе о ней таково: душа есть сотворенная сущность, сущность живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріемлющую чувственное силу до тѣхъ поръ, пока способное къ принятію сего естество оказывается состоятельнымъ. И говоря это, указываетъ она рукою на врача, сидѣвшаго при ней для уврачеванія тѣла, и говорить: вотъ недалеко отъ насъ и свидѣтельство сказаннаго. Ибо почему этотъ врачъ, приложивъ персты къ боевой жилѣ и ощупывая ее, чувствомъ осязанія слышитъ нѣкоторымъ образомъ, что говорить ему естество, и какъ пересказываетъ свои страданія, а именно, что тѣлесный недугъ приходитъ въ силу, и болѣзнь ведетъ начало отъ такихъ-то частей во внутренности, и на столько-то прострется усиленіе воспаления? А иному, подобному сему, учить его и глазъ, когда смотреть, какъ я лежу, какъ измождено тѣло, и какое внутреннее расположеніе означаютъ блѣдноватый и желчный цвѣтъ наружности, и взглядъ очей, самъ собою расположенный къ выраженію печали и скорби. Но также и слухъ дѣлается учителемъ въ подобномъ сему, по учащенному дыханію и по стону, издаваемому при дыханіи, познавая страданіе. Иной же ска-

жетъ, что и обоняніе свѣдущаго не остается незамѣчающимъ страданія, напротивъ того по извѣстному особенному качеству дыханія познаетъ сокрытый во внутренностяхъ недугъ. Посему что же, если бы въ каждомъ изъ чувствилищъ не была присущею нѣкая разумная сила? Чему научила бы насъ сама по себѣ рука, если бы не мысль путеводила осязаніе къ вѣдѣнію предмета? Чѣмъ содѣйствовали бы къ познанію искомаго и слухъ, несопряженный съ разумѣніемъ, или глазъ, или носъ, или другое какое чувственное орудіе, если бы каждое изъ нихъ было въ дѣйствиіи само по себѣ одно? Но всего справедливѣе прекрасно сказанное, какъ упоминается о семъ, однимъ изъ ученыхъ язычниковъ, что и видитъ умъ и слышитъ умъ (б). Ибо если кто не согласится, что это справедливо, то скажи, почему, смотря на солнце, какъ наученъ ты смотрѣть наставникомъ, говоришь, что по величинѣ округности оно не таково, какимъ кажется многимъ, но мѣрою во много кратъ превосходить всю землю? Не потому ли, что, по извѣстному движенію, по временнымъ и мѣстнымъ разстояніямъ и по причинамъ затмѣній, изъ видимаго сдѣлавъ заключеніе разумомъ, осмѣливаешься утверждать, что это дѣйствительно

(б) У бл. Θεодорита de fide I, p. 15 ed. Sylburg. Это изреченіе приписывается Епихарму.

такъ? И видя ущербъ и возрастаніе луны, учаешься иному снмъ видимымъ очертаніемъ ея состава, а именно, что луна по собственной своей природѣ не свѣтла, что она описываетъ ближайшій къ землѣ кругъ, свѣтитъ же солнечными лучами, какъ это обыкновенно бываетъ съ зеркалами, которыя, принимая въ себя солнце, издають сіяніе, не собственное свое, но солнечнаго свѣта, отражаемаго тѣломъ гладкимъ и блестящимъ. И сіе-то, если смотрѣть безъ изслѣдованія, кажется свѣтомъ самой луны. А что въ дѣйствительности сіе не такъ, доказывается тѣмъ, что, когда она прямо противоположна солнцу, освѣщается цѣлый обращенный къ намъ кругъ луны; но, въ меньшемъ отдѣленномъ ей пространствѣ скорѣе обходя тотъ описываемый ею кругъ, прежде нежели солнце однажды совершитъ свое теченіе, она болѣе двѣнадцати разъ протекаетъ свой путь. Отсего бываетъ, что составъ ея не всегда полонъ свѣта; потому что при учащеніи обращеній, луна, въ меньшее время протекающая много разъ путь свой, не остается постоянно противоположною совершающему свой оборотъ долгое время; но какъ прямо противоположное солнцу положеніе луны дѣлаетъ, что вся часть, обращенная къ намъ, освѣщается солнечными лучами: такъ, когда приходитъ въ косвенное положеніе относительно къ солнцу, посліку полушаріе луны.

обращенное къ солнцу, всегда объято потокомъ лучей, по необходимости потемняется сторона, обращенная къ намъ, такъ какъ свѣтлость переходитъ съ стороны, которая не можетъ смотрѣть къ солнцу, на сторону, которая всегда обращена къ нему, и сіе продолжается до тѣхъ поръ, какъ, подошедши прямо подъ солнечный кругъ, начнетъ принимать лучъ сзади, и такимъ образомъ, по причинѣ освѣщенія верхняго полушарія, обращенную къ намъ сторону дѣлаетъ невидимою, потому что луна по собственной своей природѣ вовсе не издаетъ лучей и несвѣтла; и это называется совершеннымъ ущербомъ стихіи. Если же луна, продолжая движеніе своимъ путемъ, опять минуетъ солнце, и придетъ въ косвенное положеніе къ лучу; то не за долго до сего бывшая неосвѣщеннойю часть начинаетъ свѣтлѣть, потому что лучъ съ освѣщеннаго мѣста переходитъ на издававшее дотола свѣта. Видишь, чему учить тебя зрѣніе, которое само по себѣ не доставило бы тебѣ такого взгляда, если бы не было чего-то видящаго посредствомъ зрѣнія, что, какъ нѣкими путеводителями, пользуясь познаніями, приобретенными чувствомъ, посредствомъ видимаго проникаетъ въ невидимое? Должно ли присовокуплять къ сему геометрическіе способы, посредствомъ чувственныхъ начертаній руководящіе насъ къ сверхъ-чувственному, и сверхъ

того тысячи иныхъ доказательствъ, что чрезъ совершающееся въ насъ тѣлесно постигается сокрытая въ природѣ нашей разумная сущность?

Гр. Что же? сказалъ я. Если, какъ въ чувственной природѣ стихіи для всѣхъ общее есть то, что онѣ вещественны, но великая разность въ каждомъ видѣ вещества взятомъ особо потому что и движеніе у нихъ противоположно, иное несется высирь, иное тяготѣетъ долу, и видъ не одинъ и тотъ же, и качество разное),—если кто скажетъ, что съ стихіями по одному и тому же закону тѣсно соединена сила, производящая эти умственные представленія и движенія по естественному свойству и по естественной способности, какъ много сему подобнаго, видимъ, производится строителями машинъ, у которыхъ въ искусственно расположенномъ веществѣ происходитъ подражаніе природѣ, не во внѣшности одной показывающее сходство, а напротивъ того и въ движеніи состоитъ оно, и поддѣлывается подъ иное слово, между тѣмъ какъ машина издастъ звуки въ голосистой части своей,—но въ томъ, что дѣлается, не видимъ мы какой либо умственной силы, производящей каждое изъ сихъ явленій, очертаніе, видъ, звукъ, движеніе; если скажемъ, что тоже происходитъ и въ этомъ механическомъ органѣ нашей природы, безъ всякой примѣси особой умственной сущности, но вслѣдствіе вложенной въ

природу тѣхъ стихій, которыя въ насъ, нѣкоей движущей силы, и таковая дѣятельность есть ея произведеніе, и не иное что, какъ нѣкое стремительное движеніе, направленное къ знанію того, что занимаетъ насъ; въ такомъ случаѣ, что больше будетъ доказано этимъ, то ли, что сама по себѣ существуетъ оная умственная и безплотная сущность души, или что вовсе ея нѣтъ?

Мак. На сіе отвѣчаетъ она: слову нашему поможетъ и примѣръ, да и все построеніе представленнаго намъ возраженія не мало будетъ содѣйствовать къ подтвержденію того, что думаемъ.

Гр. Что хочешь этимъ сказать?

Мак. То, говоритъ она, что умѣть взять въ руки и расположить неодушевленное вещество такъ, чтобы веществу едва не замѣнило душу искусство вложенное въ машины, которыми подражательно производятся движеніе, звукъ, очертанія и тому подобное,—сіе само можетъ служить доказательствомъ, что есть въ человѣкѣ нѣчто такое, что умопредставительною и изобрѣтательною силою уразумѣваетъ въ себѣ это, и приготавливаетъ мыслію машины, а потомъ искусствомъ приводитъ въ дѣйствіе, и веществомъ выражаетъ мысль. Ибо сперва человѣкъ примѣтилъ, что для произведенія голоса потребно дуновеніе, потомъ, чтобы примыслить дуновеніе для машины, разсмотрѣлъ природу стихій, изслѣдовалъ раз-

судкомъ. что въ существахъ нѣтъ ничего пустаго, но пустымъ въ сравненіи съ болѣе тяжелымъ почитается легкое: потому что и воздухъ самъ по себѣ, по своему существенному составу, густъ и полонъ: и сосудъ по неправильному словоупотребленію называется опустѣвшимъ, когда нѣтъ въ немъ жидкости, человекъ же ученый тѣмъ не менѣе и о немъ скажетъ, что онъ полонъ воздуха. А признакомъ сего то, что кувшинъ, опущенный въ водоемъ, не вдругъ наполняется водою, но сперва плаваетъ, потому что заключенный во внутренности его воздухъ поднимаетъ его въ верхъ, пока кувшинъ рукою черпающаго не будетъ вдавленъ въ глубину, и тогда приметъ воду въ горло, чѣмъ самымъ доказывается, что и прежде воды не былъ онъ пустъ: потому что въ горлѣ кувшина усматривается нѣкая борьба двухъ стихій: вода изъ глубины втѣсняется и втекаетъ во внутренность, а воздухъ, заключенный во внутренности, чрезъ то же горло сгнетается водою, и течетъ въ противную сторону, такъ что вода и задерживается этимъ и клокочетъ сдвигиваемая силою духа. Посему человекъ уразумѣлъ это и придумалъ, какъ сообразно съ естествомъ стихій вложить духъ въ машину. Изъ непроницаемаго вещества изготовивъ нѣкую полость, и отсюду несходно заключивъ въ ней воздухъ, горломъ вводитъ въ полость воду, количество воды

соразмѣривъ съ потребностію; потомъ даетъ воздуху ходъ въ противоположную сторону до придѣланной трубки, и воздухъ сильно тѣснимый водою, дѣлается дуновеніемъ, которое, входя въ строеніе трубки, производитъ звукъ. Не явно ли доказывается видимымъ, что въ человѣкѣ есть какой-то умъ--ное нѣчто съ видимымъ, и онъ тѣмъ, что въ собственной его природѣ невидимо и духовно, предуготовляетъ въ себѣ это примышленіями, и потомъ составившуюся такимъ образомъ внутри мысль при помощи вещества приводитъ въ видимость? Ибо, если бы, по сдѣланному намъ выше возраженію, таковыя чудесныя дѣйствія можно было приписать природѣ стихій, то, конечно, сами собою составлялись бы у насъ машины, мѣдь не ждала бы искусства, чтобы стать подобіемъ человѣческимъ, но прямо была бы такою по самой природѣ, ни воздухъ для произведенія звука не имѣлъ бы нужды въ трубкѣ, но звучалъ бы всегда самъ собою, безъ всякой причины совершая теченіе и движеніе, и стремленіе воды въ верхъ въ трубкѣ не было бы вынужденное, когда искусство давленіемъ приводитъ ее въ противоположенное движеніе, а напротивъ того вода, конечно, сама собою шла бы въ машинѣ, по собственной своей природѣ лясь вверхъ. Если же все это производится не само по себѣ природою стихій, но искусствомъ отъ каждаго вещества

пріобрѣтается, что угодно; а искусство есть твердая иѣкая мысль, для какой либо цѣли приводимая въ исполненіе съ помощію вещества: мысль же есть иѣкое собственное движеніе и дѣйствіе ума: то представленнымъ намъ возраженіемъ въ слѣдствіе сказаннаго доказывається, что умъ есть иѣчто иное съ видимымъ.

Гр. На сіе отвѣчаю, что и самъ держусь той же мысли, а именно, что невидимое не одно и то же съ видимымъ; но въ словѣ этомъ не вижу искомага. Ибо для меня еще не явно, чѣмъ надлежитъ наконецъ признать сіе невидимое; напротивъ того твоимъ отвѣтомъ научень я, что оно не есть что либо вещественное, не узнавъ еще, что прилично сказать о семъ. А всего болѣе нужно мнѣ было бы дознать не то, чѣмъ оно не есть, но что такое оно есть.

Мак. Она же говоритъ на сіе: многое и о многомъ дознаемъ такимъ образомъ; сказавъ: сіе не есть то-то, объясняемъ тѣмъ самое бытіе искомага, что оно такое. Ибо сказавъ: не худъ, показываемъ, что добръ, наименовавъ не мужественнымъ даемъ знать, что робокъ, и многое можно выражать подобнымъ сему образомъ, при чемъ, или чрезъ отрицаніе дурнаго получаемъ лучшее мнѣніе, или наоборотъ предполагаемъ въ мысляхъ худшее, отрицаніемъ хорошихъ качествъ показавъ дурное. Посему,

кто такъ выразумѣлъ и настоящій предметъ, тотъ не погрѣшитъ въ надлежащемъ понятіи искомаго. Спрашивается же, чѣмъ принадлежитъ почитать умъ въ самой его сущности. Поэтому, кто не сомнѣвается въ бытіи того, о чемъ у насъ рѣчь, такъ какъ доказываетъ сіе намъ дѣйствіе этого, хочетъ же знать, что это такое, тотъ достаточнымъ для себя найдетъ дознать, что это не что либо постигаемое чувствомъ, не цвѣтъ, не очертаніе, не упорство, не тяжесть, не количество, не протяженіе по тремъ измѣреніямъ, не мѣстное положеніе, и вообще не что либо изъ усматриваемаго въ веществѣ, ежели въ немъ и есть нѣчто иное, кромѣ исчисленнаго.

Гр. Пока еще перечисляла она это, сказалъ я: не знаю, возможно ли, чтобы съ отрицаніемъ всего этого не изгладилось вмѣстѣ съ тѣмъ искомое; ибо чтобы безъ этого осталось у кого пытливое извѣдываніе, по моему предположенію, сего не видно. При изслѣдованіи существъ, вездѣ испытующимъ умомъ касаясь искомаго, какъ нѣкіе слѣпцы, по стѣнамъ дощупываясь до двери, непременно добираемся до чего нибудь одного изъ сказаннаго, находя или цвѣтъ, или очертаніе, или количество, или другое что либо изъ исчисленнаго теперь тобою: когда же скажутъ, что нѣтъ ничего этого, тогда по малоумію приводимся къ такой мысли, что и вовсе ничего нѣтъ.

Мак. Она же, изъяснивъ негодование въ продолженіе этой рѣчи, говоритъ: какая нелѣпность! Вотъ къ какому концу обращаетъ это низкое отъ земли неподнимающееся сужденіе о существахъ! Ибо если изъ существующаго изъемлется все, что не познается чувствомъ, то утверждающій сіе, конечно, не признаетъ и той самой силы, которая правитъ вселенною, и въ рукѣ своей объемлетъ существа: но наученный о Божіемъ естествѣ, что оно безплотно и неимѣетъ вида, въ слѣдствіе такого образа мыслей заключить, безъ сомнѣнія, что вовсе нѣтъ и Его. Если же тамъ небытіе этого не дѣлается исключеніемъ бытія; то почему вытѣсняется изъ существующаго человѣческой умъ, утрачиваемый вмѣстѣ съ отъятіемъ тѣлесныхъ свойствъ?

Гр. Посему, сказалъ я, при этомъ послѣдованіи мыслей, одну нелѣпность обмѣниваемъ на другую: потому что рѣчь наша идетъ къ тому, чтобы умъ нашъ признать однимъ и тѣмъ же съ естествомъ Божіимъ, если то и другое уразумѣвается чрезъ отвлеченіе находямаго чувствомъ.

Мак. Не говори: признать однимъ и тѣмъ же, замѣчаетъ наставница; потому что рѣчь сія нечестива, но, какъ наученъ Божественнымъ словомъ, скажи: признать одно подобнымъ другому. Ибо сотворенное по образу, конечно, во всемъ имѣетъ уиодобленіе перво-

образу, умственное—умственному и безплотное—безплотному, свободно отъ всякаго бремени какъ и первообразъ, подобно ему избѣгаетъ всякаго пространственнаго измѣренія, но по свойству природы есть иѣчто иное съ нимъ, потому что не было бы образомъ, если бы во всемъ было одно и тоже съ первообразомъ; напротивъ того какими чертами въ не-созданномъ естествѣ отличается первообразъ, съ тѣми же самыми созданная природа показываетъ намъ образъ; и какъ часто въ маломъ осколкѣ стекла, когда случится лежать ему подъ лучемъ, бываетъ видимъ цѣлый кругъ солнца, показываясь въ немъ не въ собственной своей величинѣ, но въ какомъ объемѣ круга вмѣщаетъ въ себѣ его малость осколка, такъ и въ малости нашей природы сияютъ образы невыразимыхъ оныхъ свойствъ Божества, такъ что руководимый ими разумъ не уклоняется отъ представленія ума въ его сущности, при изслѣдованіи предмета очищеннаго отъ тѣлеснаго свойства, и опять веприводитъ въ равенство съ невидимымъ и пречистымъ естествомъ естества малаго и временнаго, но хотя признаетъ сущность умною, потому что она образъ умной сущности, однакоже образа не называетъ тождественнымъ съ первообразомъ. Посему, какъ по причинѣ неизреченной Божіей мудрости, открывающейя во вселенной, не сомнѣваемся,

что Божіе естество и Божія сила во всѣхъ существахъ, чтобы всѣ они пребывали въ бытіи, и хотя (если кто потребуеть слова объ естествѣ) сущность Божія весьма далека отъ того, что открывається и умопредставляется отдѣльно въ твари, однакоже и далекое по естеству признается сущимъ въ тваряхъ: такъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и сущность души, будучи сама въ себѣ чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чему иногда уподобляемъ ее, не встрѣчаетъ препятствія къ бытію, если представляемое въ мірѣ основнымъ по естеству несходно съ нею. Ибо, какъ уже сказано было прежде, и въ живыхъ тѣлахъ, которыхъ существенный составъ изъ растворенія стихій, относительно къ сущности нѣтъ никакого общенія между простотою и невидимостію души и между тѣлесною дебелистію: однакожь нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ есть жизненная дѣятельность души, срастворенная съ ними по какому-то закону, превышающему человѣческое разумѣніе. Поэтому и по разложеніи стихій въ тѣлѣ на самихъ себя связывающее ихъ жизненною дѣятельностію не гибнетъ; но, какъ при сохраняющейся еще связи стихій каждая изъ нихъ одушевляется, потому что душа равно и подобно проникаетъ всѣ части, составляющія тѣло, и никто не скажетъ, что она, какъ срастворенная съ земнымъ, тверда и упорна, что она есть влажное

или холодное, или противоположное холодному качество. существующее во всѣхъ стихіяхъ, и каждой сообщающее жизненную дѣятельность; такъ, когда составъ разлагается и возвращается опять въ то, что было ему свойственно, нѣтъ нисколько невѣроятности въ той мысли, что простое и несложное оное естество остается въ каждой изъ частей и по разложеніи, а напротивъ того однажды по необъяснимому какому-то закону сопряженное съ составомъ стихій, навсегда пребываетъ въ томъ, съ чѣмъ срастворено, никакимъ способомъ нерасторгаемое съ тѣмъ, съ чѣмъ однажды приведено въ сопряженіе; потому что, когда разлагается сложное, не подвергается опасности разложиться вмѣстѣ съ сложнымъ и несложное.

Гр. На сіе сказалъ я: но никто не станетъ противорѣчить тому, что стихіи сходятся между собою, и одна отъ другой отдѣляются, и это есть составленіе и разложеніе тѣла. Но тогда, какъ умопредставляется великое разстояніе каждой изъ сихъ, и по мѣстному положенію, и по разности и свойству качествъ, одна съ другою разнородныхъ стихій, сошедшихся между собою въ подлежащемъ; духовному этому и непротяженному естеству, которое называемъ душою, слѣдуетъ быть сопряженнымъ, съ чѣмъ оно соединено. А если отдѣлится одно отъ другаго, и каждое будетъ

тамъ, куда приведетъ естество; что постигнетъ душу, когда ея колесница распадется на много частей? Какъ пловець какой, когда въ крушеніи разбитъ корабль, не имѣя возможности въ одно и то же время плыть на всѣхъ частяхъ корабля, и тамъ и здѣсь разбросанныхъ по морю, конечно, ухватясь за что случилось, прочее предоставляетъ носить волнамъ: такимъ же образомъ и душа, не имѣя свойства съ раздѣленіемъ стихій дѣлиться на части, если нераздѣльна съ тѣломъ, то, конечно, сопрягшись съ одною какою либо стихією, отдѣлится отъ прочихъ, и послѣдовательность слова приведетъ къ той мысли, что она не больше безсмертна, потому что живетъ въ одной стихіи, сколько и смертна: потому что нѣтъ ея во многихъ.

Мак. Но мысленное и непротяженное, говоритъ она, и не сжимается, и не расширяется (потому что сжатіе и расширение свойственно только тѣламъ), но по собственному своему естеству, не имѣющему вида и безплотному, равно присутствуетъ и при соединеніи стихій въ тѣло, и при ихъ раздѣленіи, не стѣсняясь, когда стихіи сжимаются въ одинъ составъ, и не оставаясь въ бездѣйствіи, когда онѣ расходятся въ сродное и сходное съ ними по естеству, хотя великимъ кажется разстояніе, усматриваемое въ инаковости стихій. Ибо велика разность между идущимъ выспръ

и легкимъ, а также тяжелымъ и землянистымъ, между теплымъ и холоднымъ, между влажнымъ и также противоположнымъ сему. Однако же естеству духовному нѣтъ никакого труда быть при каждой изъ стихій, съ которыми однажды вступило оно въ сопряженіе при сраствореніи, не дѣлясь на части противоположностію стихій. Ибо когда по мѣстному разстоянію и извѣстному свойству стихіи сіи почитаются далекими одна отъ другой, не страдаетъ отъ сего непротяженное естество, приходя въ соприкосновеніе съ имѣющими мѣстное разстояніе: потому что и теперь можно въ одно и тоже время и обозрѣвать мыслію небо и простирается любознательностію до предѣловъ міра, и умозрительная сила души нашей, простираясь на такія широты, не раторгается. Посему нѣтъ никакого препятствія душѣ равно быть въ стихіяхъ тѣла, и срастворяемыхъ взаимнымъ стеченіемъ и разлагаемыхъ сраствореніемъ. Ибо какъ въ сплавленныхъ золотѣ и серебрѣ усматривается нѣкая искусственная сила, слиявшая сіи вещества, и если чрезъ новое плавленіе вещества отдѣлятся одно отъ другаго, тѣмъ менѣе законъ искусства остается въ силѣ при томъ и другомъ, и хотя вещество раздѣлилось, однакоже искусство не распалось съ веществомъ на части (ибо какъ раздѣлиться недѣлимому?): по тому же закону и духовное естество души

и въ стеченіи стихій усматривается, и по разложеніи ихъ не отдѣляется, но въ нихъ пребываетъ и разлученіемъ ихъ расширяемое не разсѣкается, и не дробится по числу стихій на части и отсѣки; потому что это свойственно естеству тѣлесному и протяженному: естество же духовное и непротяженное не терпитъ послѣдствій разстоянія. Посему душа пребываетъ въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, въ которыхъ начала быть однажды, такъ какъ никакая необходимость не отторгаетъ ее отъ сопряженія съ ними. Поэтому что при скорбнаго въ семь, если видимое обмѣнивается на невидимое, и за что у тебя мысль въ такомъ раздорѣ со смертію?

Гр. А я, повторивъ мысленно опредѣленіе, какое въ предыдущихъ словахъ было сдѣлано душѣ, сказалъ, что усматриваемыя въ душѣ силы недостаточно показаны мнѣ въ томъ словѣ, по которому она есть духовная сущность, и органическому тѣлу сообщаетъ жизненную силу для дѣятельности чувствъ: потому что душа наша дѣятельна, не только познавательнымъ и созерцательнымъ умомъ совершая таковыя дѣйствія духовною стороною сущности, и не одни чувствилища направляютъ къ естественной дѣятельности; напротивъ того въ естествѣ усматривается великое движеніе вождельвательной и великое движеніе раздражительной силы, и между тѣмъ какъ та

и другая дѣйствуетъ въ насъ въ родовомъ своемъ видѣ, усматриваемъ, что движеніе сіе въ дѣятельностяхъ обѣихъ силъ переходитъ во многіе и многообразные виды. Ибо можно видѣть, что во многомъ управляетъ вождѣленіе, и опять многому причиною служитъ раздражительность, и все это не есть тѣло, а безплотное, безъ сомнѣнія, духовно; духовнымъ же чѣмъ-то наименовало душу опредѣленіе, такъ что по самой связи рѣчи возникаетъ одна изъ двухъ несообразностей, или признать, что раздраженіе и вождѣленіе суть новыя въ насъ души, и вмѣсто одной усматривается множество душъ, или и разумной въ насъ силы не признавать душею; потому что слово: духовный, какъ равно удобоприложимое ко всему, или покажетъ, что всѣ эти силы суть души, или каждую изъ нихъ равно лишитъ отличительнаго свойства души.

Мак. Она же говоритъ: по слѣдамъ уже многихъ другихъ, разыскивавшихъ объ этомъ предметѣ, и самъ ты доискивался, чѣмъ наконецъ надлежитъ признать эти силы, вождѣлѣвательную и раздражительную, существенно ли принадлежащими душѣ и появившимися въ ней въ началѣ тотчасъ по ея сотвореніи или чѣмъ-то инымъ, внѣ души существующимъ и приданнымъ душѣ нашей въ послѣдствіи. Ибо что усматриваются онѣ въ душѣ, это равно признается всѣми; но что надлежитъ о нихъ

думать, этого въ точности не обрѣлъ разумъ, чтобы о силахъ этихъ имѣть твердое понятіе, напротивъ того многіе колеблются еще среди разныхъ и погрѣшительныхъ объ этомъ мнѣній. Намъ же, если бы для доказательства истины достаточно было внѣшняго любомудрія, искусно о семъ разсуждавшаго, излишнимъ, можетъ быть, сдѣлалось бы предлагать на разсмотрѣніе слово о душѣ. Но поелику у внѣшнихъ, по кажущейся послѣдовательности возымѣлъ силу свой взглядъ на душу, а намъ не дано этой власти, разумѣю власти—утверждать, что угодно; мы, какъ правиломъ и закономъ во всякомъ догматѣ пользуемся святымъ Писаніемъ: то необходимо, взирая на оное, принимать одно то, что можетъ быть согласнымъ съ цѣлю написаннаго. Итакъ, оставивъ Платонову колесницу и впряженную въ нее пару молодыхъ коней (в), не одинаково другъ съ другомъ порывающихся, и правящаго ими возницу (подобно сему во всемъ этомъ Платонъ вносказательно любомудрствуетъ о душѣ),—оставивъ и все то, что другой по Платонѣ философъ (г), искусно заключая изъ видимаго и со тщаніемъ изслѣдывая подлежащее теперь нашему разсмотрѣнію, на основаніи этого утверждалъ, что ду-

(в) Раздражительное и вождельвательное въ душѣ.

(г) Аристотель.

ша смертна.—оставивъ и всѣхъ прежде и послѣ
любомудрствовавшихъ въ рѣчи плавной, или
изложенной съ какимъ либо складомъ и раз-
мѣромъ, стражемъ слова содѣлаемъ богодух-
новенное Писаніе, которое вмѣняетъ въ за-
конъ не признавать доблестнымъ въ душѣ
ничего несвойственнаго естеству Божествен-
ному. Ибо сказавшій, что душа есть подобіе
Божіе, симъ утвердилъ, что все чуждое Богу
не входитъ въ опредѣленіе души; потому что
въ вещахъ различныхъ не можетъ сохраняться
подобное. Итакъ, послѣку ничего такого
не усматривается въ естествѣ Божественномъ,
то никто и по разуму не предположитъ, что-
бы могло сіе осуществиться въ душѣ. Посему
откажемся и наши догматы, по правиламъ ді-
алектическаго искусства, подтверждать на умо-
заключеніяхъ и разложеніи понятій построен-
нымъ знаніемъ, такъ какъ подобный родъ въ
изложеніи неблагонадеженъ и подозрителенъ
при доказательствѣ истины. Ибо всякому явно,
что діалектическая утонченность имѣетъ рав-
ную силу для того и другаго, и для испро-
верженія истины, и для осужденія лжи. От-
чего и самую истину, когда предлагается съ
какимъ либо подобнымъ сему искусствомъ,
часто оставляемъ въ подозрѣніи, будто бы
тонкость въ этомъ вводитъ умъ нашъ въ об-
манъ, и отвращаетъ его отъ истины. Но если
кто приметъ безъискусственное и обнаженное

отъ всякаго прикровенія слово; то скажемъ ему свое мнѣніе, сколько будетъ возможно, представляя взглядъ на это въ слѣдствіе указаній Писанія. Посему что же такое говоримъ мы? Что человѣкъ, это словесное живое существо, обладаетъ умомъ и свѣдѣніями, какъ засвидѣтельствовано даже неприемлющими нашего ученія. Не изображало бы такъ нашего естества сіе опредѣленіе, если бы видѣло, что раздражительность, похотливость и все сему подобное составляютъ сущность естества: ибо и въ чемъ либо другомъ никто не станеть опредѣлять подлежащаго, высказывая общее вмѣсто особеннаго. Итакъ, поелику вождельвательное и раздражительное равно усматриваются въ естествѣ безсловесномъ и словесномъ, то никто не имѣеть основанія особенное изображать въ чертахъ общихъ. А что въ изображеніи естества излишне и нейдетъ къ оному, то, какъ часть естества, можетъ ли имѣть силу при опроверженіи опредѣленія? Ибо всякое опредѣленіе сущности имѣеть въ виду особенность подлежащаго. А что не принадлежитъ къ особенности, то, какъ чуждое, въ опредѣленіи оставляется безъ вниманія. Но сила раздражительная и вождельвательная признается общею для всякаго словеснаго и безсловеснаго естества. Все же общее не одно и то же съ составляющимъ особенностью. На основаніи этого необходимо заклю-

чить, что нѣтъ тождественныхъ чертъ въ числѣ тѣхъ, которыми по преимуществу отличается естество человѣческое. Но какъ, видя въ насъ силу чувствительную, питательную и растительную, никто по причинѣ оныхъ не станетъ опровергать даннаго выше опредѣленія души (изъ того, что одно есть въ душѣ, не слѣдуетъ, что нѣтъ другаго): такъ и примѣтившій раздражительное и вождельвательное движенія естества нашего не имѣетъ основанія оспаривать опредѣленіе, будто бы оно недостаточно показываетъ естество.

Гр. Посему, что надлежитъ знать о семъ, спросилъ я наставницу? Ибо еще не въ состояніи я усмотрѣть, какъ можно отъ того, что въ насъ, отказаться, какъ отъ чуждаго нашему естеству.

Мак. Видишь, говорить, что у разсудка есть нѣкая борьба съ этимъ, и стараніе, сколько можно, уединить отъ сего душу. Нѣкоторые и преусиѣли въ этомъ стараніи, какъ слышимъ о Моусеѣ, что былъ онъ выше раздраженія и похотѣнія; потому что и то и другое свидѣтельствуетъ о немъ исторія, а именно, что былъ онъ *кротокъ паче всѣхъ чловѣкъ* (Числ. 12, 3.). кротостию же показываются негнѣвливость и отчужденіе отъ раздражительности, и также, что не имѣлъ похотѣнія ни къ чему такому, на что, какъ видимъ, во многихъ обращена вождельвательная

сила, и чего не было бы съ нимъ, если бы раздраженіе и похотѣніе принадлежали естеству, и входили въ основаніе сущности; ибо ставшему внѣ естества невозможно оставаться и въ бытіи. Напротивъ того, если Моусей и бытіе сохранялъ, и этого въ себѣ не имѣлъ; то значитъ, что это есть нѣчто иное съ естествомъ, а не естество; ибо естество въ дѣйствительности есть то, въ чемъ заключается бытіе сущности. Отчужденіе же отъ этого въ нашей волѣ, такъ что уничтоженіе сихъ качествъ не только не вредно, но даже полезно естеству. Посему явно, что принадлежатъ они къ числу усматриваемаго внѣ, какъ немощи, а не сущность естества. Ибо сущность вещи есть то самое, что составляетъ вещь; а раздраженіе, по мнѣнію многихъ, есть воскипѣніе крови около сердца; другіе же называютъ желаніемъ воздать оскорбленіемъ пачавшему оскорблять; а какъ думали бы мы, раздраженіе есть стремленіе сдѣлать зло огорчившему. Ничто изъ всего этого нейдетъ къ опредѣленію души. И если похотѣніе станемъ опредѣлять, что оно само въ себѣ, то назовемъ желаніемъ недостающаго у насъ, или пристрастіемъ къ наслажденію удовольствіями или печалію о томъ, что не въ нашей власти желаемое, или какою либо привязанностію къ пріятному, когда наслажденіе симъ невозможно; ибо все сіе и подобное сему указываетъ

на похотѣніе, но не касается опредѣленія души. Но что иное усматривается въ душѣ, представляясь одно другому противоположнымъ, напримѣръ боязнь и смѣлость, печаль и удовольствіе, страхъ и презорство, и всякое подобное движеніе, изъ которыхъ каждое, повидимому, имѣеть сродство съ вождельвательнымъ и раздражительнымъ свойствомъ души, въ особенномъ опредѣленіи изображаетъ особенное свое естество. Ибо смѣлость и презорство даютъ разумѣть нѣкое обнаруженіе раздражительнаго стремленія; умаленіе же и ослабленіе нѣкое того же самаго показываетъ происходящее въ душѣ отъ боязни и страха. Печаль остается тѣмъ и другимъ; ибо безсиліе раздражительности, по невозможности отмстить опечалившимсяъ, дѣлается печалію, и отчаяніе въ полученіи желаемаго и лишеніе вождельнаго производятъ въ умѣ угрюмое это расположеніе. И представляющееся противоположнымъ печали, разумѣю исполненную удовольствія мысль, подобнымъ образомъ дѣлится между раздраженіемъ и похотѣніемъ: потому что тѣмъ и другимъ равно правитъ удовольствіе. Все это близко къ душѣ, но не душа, а какъ бы нѣкіе возбуждающіе зудъ наросты, зараждающіеся въ мыслительной части души; и они, какъ приросшіе къ душѣ, почитаются частями ея, однакоже не то, что душа въ сущности.

Гр. И точно видимъ, говорю дѣвѣ, что и

они не малымъ пособіемъ служатъ къ усовершенію доблестнымъ: ибо Даніилу въ похвалу обратилось *желаніе* (Дан. 9, 23. 10, 11. 19.), и Финеесъ раздражительностію умиловилъ Бога (Числ. 25, 11.); дознали мы также, что *начало премудрости страхъ* (Притч. 9, 10.), и отъ Павла слышали, что печали, *яже по Бозь*, конецъ есть *спасеніе* (2 Кор. 7, 10.), и не смущаться грозными событіями предписываетъ намъ Евангеліе (Лук. 21, 9.), и не бояться страшнаго не иное что есть, какъ знакъ смѣлости, которую мудрость причисляетъ къ добрымъ качествамъ. А подобными симъ мѣстами Писаніе показываетъ, что таковыя движенія не должно почитать страстными, потому что страстныя движенія не были бы употреблены къ преспѣванію въ добродѣтели.

Мак. И наставница говоритъ на сіе: видно, сама я служу причиною такого смѣшенія понятій, не раздѣливъ слова о семъ на части, чтобы къ обозрѣнію приложенъ былъ нѣкій послѣдовательный порядокъ. Посему теперь въ разсужденіи нашемъ да будетъ, по возможности, придуманъ какій либо порядокъ, чтобы, когда обозрѣніе будетъ происходить послѣдовательно, подобныя возраженія не имѣли уже мѣста. Ибо говоримъ, что душѣ по самому естеству свойственна сила созерцательная, обозрѣвающая и обсуживающая существа; и чрезъ это сохраняетъ она въ себѣ образъ

богоподобной благодати; потому что и божественному, сколько гадаеть разумъ объ его естествѣ, свойственно все обозрѣвать, и хорошее отличать отъ худаго. А что въ душѣ сопредѣльно тому и другому изъ противоположнаго, къ тому и другому склоняется по собственной природѣ, и отъ чего при извѣстномъ употребленіи исходъ дѣла ведетъ къ добру или къ противоположному, каковы раздраженіе, или страхъ, или какое либо изъ подобныхъ движеній въ душѣ, безъ которыхъ невозможно и представить себѣ естества человѣческаго; все это, какъ разсуждаемъ, произошло въ душу отънѣ, потому что въ первообразной красотѣ не усматривается ни одной таковой черты. Слово же объ этомъ пусть будетъ у насъ излагаемо пока, какъ въ училищѣ, чтобы чрезъ это избѣжать ему нападеній отъ слушающихъ съ намѣреніемъ оклеветать. Писаніе повѣствуетъ, что Божество нѣкимъ путемъ и послѣдовательнымъ порядкомъ приступило къ сотворенію человѣка. Ибо, когда пришла въ бытіе вселенная, человѣкъ, какъ говоритъ исторія, не вдругъ является на землѣ, но ему предшествовало естество безсловесныхъ, а прежде ихъ появились растенія. Но сямъ, думаю, Писаніе показываетъ, что жизненная сила въ нѣкоемъ послѣдованіи присоединяется къ тѣлесному естеству, сперва проникая въ безчувственные твари, послѣ сего

поступая въ чувствующее, а потомъ уже восходя до разумнаго и словеснаго. Посему одно изъ существъ, конечно, есть тѣлесное, а другое разумное; изъ тѣлесныхъ одно одушевленное, другое неодушевленное, одушевленнымъ же называю причастное жизни. А изъ живыхъ существъ одни одарены чувствомъ, другіе же лишены чувства. Опять изъ одаренныхъ чувствомъ одни словесны, другіе бессловесны. Итакъ, поелику не могла бы и чувственная жизнь состояться безъ вещества, и разумное иначе находится въ тѣлѣ, какъ въ соединеніи съ чувственнымъ; то поэтому въ повѣствованіи заключительнымъ представлено сотвореніе человѣка, какъ объявшаго собою всякій видъ жизни, усматриваемый и въ растеніяхъ, и въ бессловесныхъ. Ибо то, что питается и растетъ, имѣетъ онъ изъ жизни растительной, потому что подобное сему можно видѣть и въ растеніяхъ; они привлекаютъ себѣ пищу корнями, извергаютъ же ее изъ себя въ плодахъ и листьяхъ; а то, что водится чувствомъ, имѣетъ отъ бессловесныхъ. Даръ же разумѣнія и слова, разсматриваемый самъ въ себѣ, не раздѣляется съ другими существами, и составляетъ особенность естества человѣческаго. Но какъ естество имѣетъ въ себѣ влеченіе къ необходимому для вещественной жизни, и это влеченіе, когда бываетъ въ насъ, называется пожеланіемъ, это же называемъ растительнымъ видомъ жизни, по-

тому что и въ растеніяхъ можно видѣть какъ бы нѣкоторыя естественно происходящія стремленія наполниться свойственнымъ и откинуть отростки; такъ и принадлежащее собственно безсловесному естеству примѣшано къ разумной части души. Такъ безсловеснымъ принадлежитъ раздраженіе, имъ свойственъ страхъ, имъ и все иное, что совершается въ насъ въ противоположность сему, кромѣ словесной и разумной силы, которая одна служитъ преимуществомъ нашей жизни, имѣющимъ въ себѣ, какъ сказано, подобіе божественнаго образа. Но послѣду на основаніи изложеннаго уже выше, разумная сила не иначе можетъ имѣть мѣсто въ тѣлесной жизни, какъ подъ условіемъ силы чувственной, и чувство предваряетъ въ естествѣ безсловесныхъ; то чрезъ посредство одного необходимо происходитъ общеніе души нашей и съ тѣмъ, что соединено съ симъ однимъ. И это суть движенія, которыя, происходя въ насъ, называются страстями, и которыя вовсе не на зло какое либо даны въ удѣлъ человѣческой жизни (ибо виновнымъ во злѣ былъ бы создатель, если бы Имъ въ естество вложены были необходимыя побужденія къ погрѣшностямъ). Напротивъ того, по извѣстному употребленію произволенія, орудіями или добродѣтели или порока дѣлаются подобныя душевныя движенія, какъ желѣзо, выковываемое по волѣ художника,

какой видъ пожелаетъ сообщить ему мысль ко-
вача, въ тотъ и преобразуется, дѣлаясь или
мечемъ, или какимъ либо земледѣльческимъ
орудіемъ. Итакъ, если разумъ, это преимуще-
ство нашего естества, возымѣетъ господство
надъ тѣмъ, что привзошло въ насъ отъ нѣ,
какъ слово Писанія дало сіе разумѣть, выра-
зивъ загадочно, когда повелѣло начальство-
вать надъ всѣми безсловесными: то ни одно
изъ подобныхъ движеній не будетъ намъ со-
дѣйствовать въ услуженіи пороку, потому что
страхъ производитъ въ насъ послушаніе, раз-
драженіе—мужество, боязнь—приведеніе себя
въ безопасность, да и стремленіе вождельнія
доставитъ намъ божественное и чистое удо-
вольствіе. Если же разумъ кинетъ бразды, и
подобно какому-то возничему, привязанному
къ колесницѣ, будетъ влачиться сзади ея,
увлекаемый туда, куда понесетъ неразумное
движеніе впряженныхъ коней; тогда стремле-
нія обращаются въ страсть, какъ это можно
видѣть и въ безсловесныхъ. Послику движені-
емъ естественно въ нихъ возбужденнымъ не
управляетъ разумъ; то животныя раздражи-
тельныя, управляемыя раздражительностію, гу-
бятъ другъ друга; и рослыя и сильныя не
пользуются силою къ собственному благу, по
неразумію дѣлаясь достояніемъ существа раз-
умнаго; похотливая и сластолюбивая дѣятель-
ность не занимается ничѣмъ возвышеннымъ,

и ничто иное изъ усматриваемаго въ нихъ не проводится какимъ либо расчетомъ къ полезному. Такъ и въ насъ, если страсти не будутъ направлены разумкомъ, къ чему должно, но возмутъ верхъ надъ владычествомъ ума; то человѣкъ, стремленіемъ таковымъ страстныхъ движеній претворенный въ скота, изъ разумнаго и богоподобнаго состоянія переходить въ неразумное и безсловесное.

Гр. На меня сильно подѣйствовало сказанное, и я отвѣчалъ: всякому, кто имѣеть умъ, достаточно такъ просто и безыскусственно въ въ порядкѣ изложеннаго слова, чтобы признать его основательнымъ и нигдѣ непогрѣшающимъ противъ истины. Но какъ старающимся объ искусственныхъ способахъ доказательствъ достаточнымъ для удостовѣренія кажется силлогизмъ, а у насъ всѣхъ искусственныхъ выводовъ признается достовѣрнѣйшимъ подтверждаемое священными ученіями Писанія: то думаю, что должно доискаться о сказанномъ: согласно ли съ этимъ богодухновенное ученіе?

Мак. Наставница говоритъ на это: кто жъ будетъ спорить, что истина заключается въ томъ одномъ, на чемъ лежитъ печать свидѣтельства Писанія? Посему, если въ защиту сего ученія надлежитъ заимствовать что либо и изъ ученія евангельскаго, то не неблаговременнымъ будетъ для насъ взглянуть на притчу

о плевелахъ (Матѳ. 13, 24.). Тамъ доброе сѣмя сѣетъ домовладыка (домъ же, безъ сомнѣнія, мы); а врагъ, подстерегши, что люди снятъ, къ годному въ пищу подсѣваетъ негодное, въ средину самой пшеницы вмѣшавъ плевелы. И сѣмена произрастаютъ вмѣстѣ однѣ съ другими; потому что сѣмени, вмѣшанному въ самую пшеницу, невозможно было не вырости вмѣстѣ съ нею. Послику противоположныя сѣмена сраслись въ корнѣ, то смотритель работъ запрещаетъ служителямъ выдергивать негодное, чтобы съ чуждымъ не выдергать и годнаго въ пищу. Ибо думаемъ, что добрыми сѣменами слово указываетъ на подобныя стремленія души, изъ которыхъ каждое, если бы только воздѣлываемо было на что либо доброе, непременно возрастило бы намъ плодъ добродѣтели. Но посліку привсѣяно къ этому негрѣшительное сужденіе о хорошемъ, и что дѣйствительно и единственно по собственной своей природѣ хорошо, то затѣнено выросшимъ вмѣстѣ быліемъ обмана (ибо вождельніе не того, что по естеству хорошо, почему и посѣяно въ насъ, и дало отпрыскъ, и возрасло, но скотскаго и безсловеснаго, претворило произрастеніе; потому что неумѣніе отличить хорошее къ этому обратило стремленія вождельнія; а также и сѣмя раздражительности, не въ мужествѣ утвердило, но вооружило къ борьбѣ съ едино-

племенными; сила же любви оставила умственное, съ безмѣрною роскошью предавшись наслажденію чувственнымъ; а такимъ образомъ и прочія сѣмена вмѣсто хорошихъ отростковъ пустили дурные); то посему самому премудрый Дѣлатель попускаетъ выросшему отъ сѣмени прозябенію оставаться при немъ, промышляя о томъ, чтобы не лишитъ насъ лучшаго, вмѣстѣ съ негоднымъ отросткомъ вовсе искоренивъ вождѣленіе. Ибо если бы сіе потерпѣло естество человѣческое; чтó восторгало бы насъ къ единенію съ небеснымъ? По отъятіи любви, какимъ бы способомъ привязать насъ къ божественному? По угашеніи раздраженія, какое оружіе имѣли бы мы противъ борющагося съ нами? По этому Дѣлатель оставляетъ въ насъ подложныя сѣмена не для того, чтобы навсегда превозмогали надъ достойнѣйшимъ посѣвомъ, но чтобы сама пива (такъ иносказательно называетъ сердце) вложенною въ нее естественною силою (а это есть разумъ) иныя отростки изсушила, а другіе содѣлала плодоносными и всегда цвѣтущими. Если же сего не будетъ, то судъ надъ воздѣланною пивою блюдетъ огню. Посему, если кто воспользуется сими стремленіями по надлежащему, пріемля въ себя оныя, но не увлекаясь ими самъ; то какъ нѣкій царь, пользующійся содѣйствіемъ множества рукъ своихъ подданныхъ, удобно преуспѣетъ,

по желанію, въ добродѣтели. Если же увлечется ими, какъ бы при возстаніи на владѣтеля какихъ-то рабовъ, будетъ ими поработенъ, неблагогородно поддавшись рабской наглости, и сдѣлается достояніемъ подчиненныхъ по естеству: то по необходимости обратится въ то, во что принудить превосмогающая сила властвующихъ. Если же симъ образомъ происходитъ это, не будемъ утверждать, что стремленія сіи сами по себѣ суть или добродѣтель, или порокъ; такъ какъ это движенія души, то во власти пользующихся состоитъ, чтобы они были или хороши, или нѣтъ. Но когда бываетъ въ нихъ движеніе къ лучшему, дѣлаются предметомъ похвалъ, какъ у Даніила *желаніе* (Дан. 10, 11), у Финееса *инъевъ* (Числ. 25, 11.), и у хорошо плачущаго печаль (Іоан. 16, 20); если же произойдетъ склонность къ худшему, то они дѣлаются и называются страстями.

Гр. А я, поелику изложивъ это, прекратила она рѣчь и дала не надолго умолкнуть слову, собравъ въ мысли сказанное, и возвратилась опять къ прежней связи разговора, когда было доказываемо, что душѣ разложившагося тѣла невозможно быть въ стихіяхъ, и слѣдующее сказалъ наставницѣ: гдѣ это часто повторяемое имя ада весьма обычное въ жизни, весьма употребительное въ писаніяхъ языческихъ и нашихъ, куда, по мнѣнію всѣхъ, какъ

въ хранилише какое, преселяются отсюда души; ибо стихіи не назовешь адомъ?

Мак. И наставница говорить на сіе: видно не слишкомъ внимателенъ былъ ты къ слову: ибо, говоря о переселеніи души изъ видимаго въ невидимое, какъ думалось мнѣ, не миновала я вопроса объ адѣ. И кажется мнѣ, что именемъ ада, въ которомъ, какъ говорятъ, находятся души, и у язычниковъ и въ Божественномъ Писаніи не иное что означается, какъ преселеніе въ темное и невидимое.

Гр. И почему же, спросилъ я, иные думаютъ, что адомъ называется подземная область, и что онъ, какъ въ гостинницѣ, содержитъ въ себѣ души, подобно какому-то вмѣстилищу, способному принимать въ себя подобное естество и привлекающему души, восхищенные уже изъ человѣческой жизни.

Мак. Но отъ этого мнѣнія, говорить наставница, нисколько не потерпитъ вреда догмать. Ибо, если справедливо твое слово, и небесный сводъ есть нѣчто сплошное и непрерывное, все объемлющее своею окружностію, а въ срединѣ повѣшена земля и окружающее ее, движеніе же всѣхъ кругообращающихся тѣлъ совершается около неподвижнаго и твердаго; то по всей необходимости, продолжаетъ она, что происходитъ съ каждою стихіею въ той ея части, которая надъ землею, то же должно быть и въ протвѣ уположенной ча-

сти. такъ какъ одна и таже сущность обходить кругомъ цѣлаго земнаго состава. И какъ при появленіи солнца надъ землею тѣнь ея обращается въ противоположную сторону, потому что шарообразная поверхность не можетъ въ одно и тоже время быть кругомъ объята лучемъ: но, по всей необходимости, на какую часть земли отбросить солнце лучи, безъ сомнѣнія, дѣлаясь нѣкимъ средоточіемъ шара, на другомъ концѣ прямого поперечника будетъ тма, и такимъ образомъ на прямо противоположномъ концѣ по прямой чертѣ идущаго луча непрестанно сопутствуетъ солнечному теченію тма, такъ что надземное и подземное мѣсто по очереди въ равной мѣрѣ бывають во свѣтѣ и во тмѣ; такъ и о всемъ иномъ. что усматривается въ видѣ стихій на нашемъ земномъ полушаріи, естественно не сомнѣваться, что тоже самое бываетъ съ этимъ и на другомъ полушаріи. Поселку на всякой части земли одинъ и тотже стихійный покровъ, то не должно, думаю, ни оспоривать, ни поддерживать возражающихъ, будто бы надобно полагать, что или эта верхняя или подземная сторона опредѣлена душамъ, отрѣшившимся отъ тѣль. Ибо, пока возраженіе не будетъ колебать главнаго догмата о бытіи душъ послѣ жизни во плоти, слово наше не будетъ спорить о мѣстѣ, признавая, что мѣстное положеніе свойственно однимъ тѣламъ, а что душа,

какъ безплотная, по естеству не имѣеть никакой нужды содержаться въ какихъ либо мѣстахъ.

Гр. Посему что же? спросилъ я. Если возражающій сошлется на Апостола, который говоритъ, что при всеобщемъ возстановленіи къ Владычеству надъ вселенной обратитъ взоръ всякая разумная тварь, и въ числѣ тварей въ посланіи къ Филипписеямъ упоминаетъ о какихъ-то преисподнихъ, сказавъ: *Ему поклонится всяко коленно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10.)?

Мак. Хотя и слышимъ говорящихъ это, говорить наставница, но останемся при догматѣ касательно бытія души, имѣя согласнымъ съ нами и возражающаго, а относительно мѣста, какъ сказано выше, не входя въ споръ.

Гр. Посему, говорилъ я, доискивающимся въ семь изреченіи апостольской мысли, что можетъ кто либо сказать, если отъ выраженія сего устранить значеніе мѣста?

Мак. Она же говоритъ: мнѣ кажется, что божественный Апостоль, не мѣстомъ различая духовную сущность, именуетъ нѣчто одно небеснымъ, другое земнымъ, а иное преисподнимъ. Но поелику три состоянія разумнаго естества, одно въ началѣ получившее въ удѣлъ безплотную жизнь, которое именуемъ ангельскимъ, другое сопряженное съ плотію, которое называемъ человѣческимъ, и еще дру-

гое, отрѣшенное отъ тѣлъ посредствомъ смерти, какъ усматривается это въ душахъ: то думаю, что божественный Апостоль, въ глубинѣ мудрости взирая на это, означаетъ то согласіе въ добръ всего разумнаго естества, какое произойдетъ нѣкогда, и небеснымъ называетъ ангельское и безплотное, земнымъ сопряженное съ тѣломъ, а преисподнимъ отдѣленное уже отъ тѣла, или если въ числѣ разумныхъ естествъ усматривается и какое либо иное кромѣ поименованныхъ, которое угодно кому будетъ наименовать демонами, или духами, или инымъ чѣмъ подобнымъ, не будемъ сему противорѣчить. Ибо на основаніи общаго мнѣнія и преданія Писаній пріемлется вѣрою, что внѣ подобныхъ тѣлъ есть нѣкое естество, враждебно расположенное къ добру и вредоносное для человѣческой жизни, добровольно отложившееся отъ лучшаго жребія и отступничествомъ отъ добраго осуществившее въ себѣ разумѣемое противоположно, и его-то, говорятъ, Апостоль причисляетъ къ преисподнимъ, симъ словомъ означая то, что, наконецъ, послѣ длинныхъ вѣковыхъ періодовъ, порокъ исчезнетъ, и ничего не останется внѣ добра, напротивъ того и преисподними единогласно исповѣдано будетъ господство Христова. Посему, если это дѣйствительно такъ, то никто не принудитъ насъ подъ именемъ преисподнихъ разумѣть подземную область.

потому что земля отовсюду равно окружена воздухомъ, и ни одна ея часть не остается обнаженною отъ воздушнаго покрова.

Гр. Когда наставница проговорила это, помолчавъ недолго, говорю ей: не удовлетворяюсь найденнымъ о предметъ изслѣдованія, напротивъ того мысль моя сомнѣвается еще нѣсколько въ сказанномъ, и имѣю нужду возвратиться къ прежней связи рѣчи, оставивъ только то, въ чемъ уже согласились мы между собою. Ибо не слишкомъ упорные достаточно, думаю, убѣждены сказаннымъ не обращать душу по разложеніи тѣлъ въ небытіе и уничтоженіе, и не утверждать, что она никакъ не можетъ принадлежать къ числу существъ, потому что имѣетъ разнородную съ стихіями сущность. Если и не сходно съ ними естество духовное и не вещественное, то не имѣетъ препятствія быть въ нихъ, потому что мнѣніе сіе подтверждается у насъ съ двухъ сторонъ, и тѣмъ, что теперь въ этой жизни душа пребываетъ въ тѣлахъ, будучи по сущности нѣчто иное съ тѣломъ, и тѣмъ, что Естество божественное, какъ доказано въ словѣ, будучи нѣчто совершенно иное съ сущностію чувственною и вещественною, проникаетъ однако же Собою каждое изъ существъ, и раствореніемъ силы Своей во вселенной содержитъ существа въ бытіи. Почему въ слѣдствіе этого не должно думать и о душѣ, будто, переселив-

шись изъ жизни видимой въ невидимую, состоятъ она внѣ существъ. Но какъ, продолжалъ я? Когда при единеніи стихій отъ взаимнаго между собою смѣшенія примуть инѣй нѣкій видъ, отличный отъ того, съ какимъ освоилась душа (потому что, по разложеніи стихій, вѣроятно, и этотъ видъ исчезнетъ): тогда какому знаку будетъ послѣдовать душа, если не останется того, что было ей знакомо?

Мак. Она же, помедливъ недолго, говоритъ: да будетъ мнѣ позволено свободно сложить нѣкое слово въ видѣ примѣра къ уясненію нашего предмета, хотя сказанное мною покажется и невозможнымъ. Пусть согласится, что живописное искусство имѣетъ возможность смѣшивать не только противныя краски, какъ въ обычаѣ у живописцевъ дѣлать это, чтобы изобразить подобіе снѣсываемаго, но и разлагать смѣшанное, и каждой краскѣ возвращать опять природный ся цвѣтъ. По этому для подобія изображаемаго предмета смѣшаны вмѣстѣ краски бѣлая и черная, или красная и златовидная, или другая какая: если каждая опять будетъ отдѣлена отъ смѣшенія съ другою и возмется сама по себѣ, то утверждаемъ, что тѣмъ не менѣе художникъ узнаетъ тотъ же родъ краски и не произойдетъ въ немъ никакого забвенія ни о красномъ, ни о черномъ, если отъ взаимнаго смѣшенія пріавшее

на себя иной цвѣтъ опять возвратится въ свою природную краску; помня же способъ, какъ цвѣта посредствомъ растворенія дѣлаются изъ однихъ другими, знаетъ онъ, какая краска и съ какою произвела извѣстный цвѣтъ, и какъ, по отмытіи другой, опять придетъ въ свой собственный; и если опять нужно будетъ смѣшеніемъ произвести тоже, легче для него будетъ работа, которой уже обучился въ предшествовавшемъ производствѣ. Если въ представленномъ примѣрѣ рѣчь наша, продолжастъ она, имѣетъ какою либо послѣдовательность, то остается изслѣдовать самый предметъ: вмѣсто живописнаго искусства пусть представлена будетъ въ словѣ душа, вмѣсто искусственныхъ красокъ пусть разумѣется естество стихій, а разноцвѣтная смѣсь изъ красокъ неодинаковаго цвѣта, и уступленное намъ предположительно возвращеніе красокъ въ свойственные имъ опять цвѣта, пусть изображаютъ соединеніе и разъединеніе стихій. Посему, какъ въ примѣрѣ утверждаемъ, что художникъ не незнаетъ той краски извѣстнаго цвѣта, которая послѣ смѣшенія опять возвращается въ свойственный ей цвѣтъ, но узнаетъ красный, и черный, и всякій другій цвѣтъ, если какой извѣстнымъ общеніемъ съ инороднымъ произвелъ изображеніе, и именно узнаетъ, какимъ онъ былъ въ смѣси, каковъ теперь, пришедши въ природный свой видъ, и

какимъ будетъ опять, если подобнымъ прежнему образомъ краски опять будутъ смѣшаны между собою: такъ душа естественное свойство стихій, стекающихся въ составъ того тѣла, съ которымъ она была соединена, знаетъ и по разложеніи ихъ. И хотя бы естество стихіи сіи, по причинѣ вложенныхъ въ нихъ противоположныхъ качествъ, далеко отвлекло одну отъ другой, удерживая каждую изъ нихъ отъ смѣшенія съ противоположною, тѣмъ не менѣе душа будетъ при каждой стихіи, познавательною силою касаясь и держась свойственнаго ей, пока не произойдетъ опять стеченія разъединенныхъ стихій въ одну совокупность для возстановленія разложившагося, что въ собственномъ смыслѣ есть воскресеніе и имъ именуется.

Гр. И я сказалъ: прекрасно, кажется мнѣ, мимоходомъ защищено тобою ученіе о воскресеніи. Ибо этимъ противоборствующимъ вѣрѣ можно постепенно привести къ той мысли, что нѣтъ невозможности опять сойтись между собою стихіямъ и составить того же человѣка.

Мак. Да, отвѣчаетъ наставница, справедливо говоришь это. Ибо можно слышать, что возстающіе противъ сего ученія говорятъ: по совершившемся по сродству разложенія стихій во вселенной какая возможность, чтобы теплота, заключавшаяся въ одномъ чемъ либо, по со-

единеніи съ теплою во вселенной ставъ безпримѣсною, опять отдѣлилась отъ сроднаго для составленія возсозидаемаго челоуѣка? Ибо если возвратится не въ точности собственное, но вмѣсто собственно принадлежавшаго заимствовано будетъ нѣчто однородное; то одно замѣнится другимъ, и такое дѣйствіе будетъ уже не воскресеніе, но созданіе новаго челоуѣка. Если же надобно, чтобы тотъ же самый снова въ себя возвратился, то надлежитъ ему быть совершенно тѣмъ же съ самимъ собою, во всѣхъ частяхъ стихій воспріявъ первоначальное естество.

Гр. Поэтому, какъ сказалъ я, чтобы отвѣчать и на это возраженіе, достаточно для насъ такого мнѣнія о душѣ: съ какими стихіями она соединена первоначально, въ тѣхъ пребываетъ и по разрѣшеніи, какъ бы поставленная стражемъ своей собственности, и по тонкости и удободвижности духовной силы не оставляетъ собственно ей принадлежащаго, при раствореніи этого съ однороднымъ, не подвергается никакой ошибкѣ при раздробленіи на мелкія части стихій, но проникаетъ собственныя свои смѣшанныя съ однороднымъ, и не ослабѣваетъ въ силахъ проходя съ ними, когда разливаются во вселенной, но всегда остается въ нихъ, гдѣ бы, и какъ бы ни устроила ихъ природа. Если же распоряжающаяся вселенною сила дастъ знакъ разложеннымъ стихіямъ снова

соединяться; то, какъ къ одному началу прикрѣпленныя разныя верви, всѣ вмѣстѣ и въ одно время слѣдуютъ за влекомымъ, -- такъ, по причинѣ влеченія единою силою души различныхъ стихій, при внезапномъ стеченіи собственно принадлежащаго, соплетется тогда душею цѣпь нашего тѣла, при чемъ каждая часть будетъ вновь соплетена, согласно съ первоначальнымъ и обычнымъ ей состояніемъ, и облечена въ знакомый ей видъ.

Мак. Но вотъ и еще примѣръ, говоритъ наставница, который справедливо можетъ быть присовокупленъ къ разсмотрѣннымъ въ доказательство того, что дунѣ не велика трудность отличить въ стихіяхъ собственное свое отъ чужаго. Предположимъ, что предъ горшечникомъ наложена глина, и ея большое количество, часть уже употреблявшаяся на дѣланіе сосудовъ, а часть приготовленная на это. Сосуды же пусть будутъ сдѣланы не всѣ одного между собою вида, но одинъ будетъ боченкомъ, другой ведромъ, третій блюдомъ, или чашею, или другимъ чѣмъ годнымъ къ употребленію. И пусть всѣмъ этимъ владѣть не одинъ, но предположимъ въ словѣ, что у каждаго сосуда свой владѣтель. И такъ, пока сосуды цѣлы, извѣстны они владѣльцамъ, да если и разбиты, то у владѣющихъ и тогда тѣмъ не менѣе будетъ опять признакъ въ черепкахъ, что этотъ черепокъ отъ боченка, а

такой-то отъ стакана. Если же смѣшаютъ съ небывшею въ дѣлѣ глиною, то распознаніе отъ нея бывшаго уже въ дѣлѣ тѣмъ наче сдѣлается безошибочнымъ. Такъ каждый отдѣльно взятый чловѣкъ есть какъ бы нѣкій сосудъ, при стеченіи стихій выдѣланный изъ общаго вещества, и при особенной своей наружности непременно имѣющій большую разность съ однороднымъ; тѣмъ не менѣе по разрушеніи сосуда обладавшая имъ душа и по остаткамъ узнаетъ свою собственность, и не оставляетъ этой собственности, будетъ ли она въ кучѣ черепковъ, или смѣшается съ небывшимъ въ дѣлѣ веществомъ стихій, но всегда знаетъ свое, какимъ оно было, когда сохраняло наружный свой видъ; и по разрушеніи, по сохранившимся въ остаткахъ признакамъ, не ошибается въ своемъ.

Гр. Одобривъ сказанное, какъ придуманное кстати и прилично предположенной нами цѣли, спросилъ я: прекрасно такъ объ этомъ и говорить и вѣровать; но если кто сличитъ съ сказаннымъ повѣствуемое въ Господнемъ Евангеліи о пребывающихъ во адѣ и найдетъ, что оно не согласно съ изслѣдованнымъ: то какъ надлежитъ приготовиться къ отвѣту?

Мак. Она же говоритъ: слово Божіе излагаетъ повѣствуемое нѣсколько чувственно, но всѣваетъ много поводовъ, которыми слушающій съ разборомъ вызывается къ болѣе утон-

ченному взгляду. Ибо кто великою бездною отдѣлилъ злое отъ добраго, представивъ страждущаго въ мукахъ нуждающимся въ какой-либо каплѣ, подаваемой съ перста, и патриархово лоно предоставивъ въ успокоеніе тому, кто страдалъ всю жизнь, а прежде сего разсказавъ, что они умерли и преданы погребенію, тотъ не безъ разумѣнія слѣдующаго за сказаннымъ не отводитъ далеко отъ смысла, какой представляется съ перваго взгляда. Ибо какія очи возводитъ богатый во адѣ, оставивъ плотскія во гробѣ? Какъ безплотное чувствуетъ пламя? Какой языкъ желаетъ устудить каплею, когда нѣтъ у него языка плотскаго? Чтѣ за перстъ, подающій ему каплю? Чтѣ такое самое лоно упокоенія? Ибо когда тѣла во гробахъ, а душа и не въ тѣлѣ и не изъ частей состоитъ, трудно будетъ складъ повѣствованія, понимаемый въ буквальномъ смыслѣ, согласить съ истиною, если не приметъ кто всѣхъ частныхъ въ духовномъ смыслѣ, такъ что и бездну, препятствующую общенію несоединимаго, не почтетъ земнымъ разстояніемъ. Ибо безплотному и духовному какой трудъ перелетѣть бездну, даже и самую широкую, потому что духовное по естеству, гдѣ бы ни пожелало быть оно, является тамъ, не тратя на сіе времени.

Гр. Итакъ, чтѣ же, спрашиваю, — этотъ огонь, или эта бездна, или прочее въ сказанномъ, если оно не то, чтѣмъ называется?

Мак. Кажется мнѣ, говорить она, что подробностями сего повѣствованія Евангеліе обозначаетъ нѣкіе догматы, касающіеся вопросовъ о душѣ. Патріархъ, сказавъ сперва бога-тому: въ плотской жизни ты получилъ часть благихъ, сказавъ подобное о бѣдномъ: и онъ исполнилъ служеніе тѣмъ, что причастился золь въ жизни, потомъ, продолжая о безднѣ, которою отдѣляются они другъ отъ друга, чрезъ это, по видимому, великій нѣкій догматъ открываетъ въ словѣ. Догматъ же этотъ, по моему мнѣнію, таковъ: въ началѣ жизнь человѣческая была однородна. Однородною же называю ту, которая представляется въ одномъ добрѣ, и къ которой неприкосновенно зло. О такомъ понятіи свидѣтельствуетъ первый Божій законъ, позволяющій человѣку полное причастіе всякаго изъ благъ въ раю, воспрепятствующій же то одно, что по естеству было смѣшано изъ противоположностей отъ срастворенія въ немъ зла съ добромъ, и въ наказаніе преступнику положившій смерть. Но человѣкъ добровольно свободнымъ движеніемъ, оставивъ недоступную худшему долю, восхитилъ жизнь, срастворенную изъ противоположностей. Впрочемъ Промыслъ Божій неразумія нашего не оставилъ неисправимымъ. Но поелику съ преступившимъ законъ необходимо послѣдовала присужденная закономъ смерть; то, раздѣливъ человѣческую жизнь на

двѣ части, на жизнь настоящую во плоти и на жизнь послѣ нея внѣ тѣла, не въ равной мѣрѣ продолживъ оныя, но одну ограничивъ весьма краткимъ нѣкимъ предѣломъ времени, а другую продолживъ въ вѣчность, по чело-вѣколюбію далъ власть, кому что угодно, избирать изъ этого то и другое,—разумѣю же доброе и злое, или въ этой краткой и скоро-преходящей жизни, или въ оныхъ некончаемыхъ вѣкахъ, предѣломъ которыхъ есть безпредѣльность. Поелику же подобоименно называется и доброе и злое, и дѣлится каждое изъ нихъ по двоякому понятію, — разумѣю относительно къ уму и чувству, и одни причисляютъ къ доброй долѣ то, что пріятнымъ кажется чувству, а другіе увѣрены, что постигаемое только мыслию и есть и именуется добромъ: то, у кого разумъ необученъ и не способенъ видѣть лучшее, тѣ въ плотской жизни съ жадностію иждиваютъ слѣдующую естеству долю добра, ничего не сберегая для жизни послѣдующей, а распоряжающіеся своєю жизнью съ разборчивымъ и цѣломудреннымъ разумомъ, въ краткой сей жизни истомленные оскорбляющимъ чувствомъ, сберегаютъ доброе вѣку будущей жизни, чтобы лучшей жребій простирался для нихъ на вѣчную жизнь. Итакъ, вотъ что, по моему понятію, значитъ бездна, которая не разверзшеюся землею образуется, но которую произво-

дить сужденіе, раздѣлявшееся въ жизни на противоположныя произволенія. Ибо однажды избравшій пріятное въ настоящей жизни и не уврачевавшій неразумія покаяніемъ, недоступною для себя послѣ сего дѣлаетъ область благъ, неминуемую эту необходимость ископавъ предъ собою, какъ нѣкую зіяющую и непроходимую бездну. Потому-то, кажется мнѣ, и благое состояніе души, въ какомъ слово Божіе упокоеваетъ подвижника терпѣнія, названо лonomъ Авраамовымъ. Ибо сей первый изъ бывшихъ когда либо патріархъ, какъ повѣствуется, на надежду будущихъ благъ обмѣнилъ наслажденіе настоящими; совлекшись всего, что было у него первоначально въ жизни, имѣлъ оцъ пребываніе у чужихъ, настоящимъ злостраданіемъ искупая чаемое блаженство. Посему, какъ извѣстное очертаніе моря по какому-то неправильному словупотребленію называемъ пазухою (д); такъ, кажется мнѣ, слово Божіе указаніе на безмѣрныя оныя блага обозначаетъ именемъ лона, гдѣ все добродѣтельно преслывающіе настоящую жизнь, когда отходятъ отсюда, упокоеваютъ души какъ бы въ неволненной пристани и на добромъ лонѣ. Для прочихъ же лише-

(д) Такъ съ однимъ синаксарь переведено греческое слово: *κόλπος*, употребленное въ значеніи морскаго залива. См. акад. словарь.

ніе видимыхъ ими благъ дѣлается пламенемъ, палящимъ душу, которая въ утѣшеніе себѣ имѣетъ нужду въ какой либо каплѣ изъ моря благъ, окружающихъ праведниковъ, и не получаетъ ея. Видя же въ бесѣдѣ совлекшихся тѣла именованіе языка, ока, перста и прочихъ тѣлесныхъ членовъ, если внимательно вни-нешь въ смыслъ реченій, то признаешь ихъ согласными съ понятіемъ, какое уже нами на-дательно составлено о душѣ. Ибо, какъ сте-ченіе стихій составляетъ сущность цѣлаго тѣла; такъ, вѣроятно, по той же причинѣ вос-полняется и естество частей въ тѣлѣ. Итакъ, если душа присутствуетъ въ стихіяхъ, состав-лявшихъ тѣло и перемѣшавшихся во вселен-ной; то не только будетъ она знать совокуп-ность стихій, какія соединены были въ цѣломъ тѣлѣ, и пребудетъ въ нихъ, но не останется въ неизвѣстности и особеннаго состава каж-дой части, именно же изъ какихъ стихійныхъ частицъ состояли наши члены. Посему ника-кой нѣтъ невѣроятности, той, которая присут-ствуетъ во всей полнотѣ стихій, быть и въ стихіяхъ взятыхъ отдѣльно; а въ такомъ слу-чаѣ, кто имѣя въ виду тѣ стихіи, въ кото-рыхъ въ возможности своей заключаются от-дѣльно взятые члены тѣла, подразумѣваетъ въ словахъ Писанія такой смыслъ, что у души и по разложеніи тѣлеснаго состава есть перстъ, и око, и языкъ и все прочее, тотъ не погрѣ-

нить противъ вѣроятности. А если въ этомъ повѣствованіи все взятое по частностямъ отводить умъ отъ разумѣнія чувственнаго, то и объ упомянутомъ теперь адѣ надлежитъ думать, что не какое либо мѣсто такъ наименовано, а нѣкое невидимое и безплотное состояніе жизни, въ которомъ, какъ учитъ насъ Писаніе, пребываетъ душа. Но изъ повѣствованія о богатомъ и бѣдномъ дознаемъ и другой догматъ, который будетъ состоять въ великой близости съ изслѣдованнымъ. Этого преданнаго страстямъ и плотолюбиваго богача, когда увидѣлъ неизбѣжность своего бѣдствія, повѣствованіе представило заботящимся о близкихъ ему по роду на землѣ; и поелику Авраамъ сказалъ, что жизнь во плоти живущихъ не оставлена безъ промысленія, но свободѣ ихъ предоставлено руководство закона и пророковъ, богачъ продолжаетъ еще упрашивать, чтобы убѣдительною сдѣлалась для нихъ проповѣдь по своей необычайности, будучи возвѣщена къ нибудь ожившимъ изъ мертвыхъ.

Гр. Какій же догматъ заключается въ этомъ? спросилъ я.

Мак. Когда душа Лазарева, говоритъ она, занята настоящимъ, и не обращается ни къ чему оставленному; богатый и по смерти, какъ бы составомъ какимъ, приваренъ къ плотской жизни, которой и по кончинѣ не сошелъ совершенно, напротивъ того пред-

метомъ заботы его еще плоть и кровь; ибо изъ того, что за находящихся съ нимъ въ родственномъ союзѣ просить объ избавленіи ихъ отъ золь, явно, что не освободился еще отъ плотскаго пристрастія. А посему полагаемъ, продолжаетъ она, что Господь повѣствованіями сими учитъ слѣдующему: живущіе во плоти всего болѣе должны добродѣтельною жизнію отдаляться и отрѣшаться отъ привязанности къ плотскому, чтобы по смерти снова не было намъ нужды въ другой смерти, очищающей отъ остатковъ плотскаго приная, но чтобы теченіе души ко благу, какъ бы по расторженіи на ней узъ, содѣлалось легкимъ и свободнымъ, когда никакая тѣлесная скорбь не будетъ отвлекать ее къ себѣ. Если кто весь и всецѣло оплотянѣлъ умомъ, всякое движеніе и дѣйствіе души занимая исполненіемъ желаній плоти; то ставъ и внѣ плоти, неразстается таковій съ плотскими страстями, но, подобно проживавшимъ долго въ зловонныхъ мѣстахъ, которые, когда перейдутъ туда, гдѣ воздухъ свѣжъ, не очищаются отъ непріятнаго запаха, какимъ запаслись въ долговременное пребываніе въ немъ: такъ плотолюбцамъ, по совершившемся переходѣ въ жизнь невидимую и тончайшую, невозможно, конечно, не привлечь съ собою сколько нибудь плотскаго зловонія, отъ котораго еще болѣе тяжелымъ дѣлается для нихъ мученіе, потому

что дуна отъ сего обстоятельства грубѣе овеществляется. Съ такимъ мнѣніемъ, кажется мнѣ, нѣсколько согласно и рассказываемое иными, будто бы около мѣстъ, гдѣ кладутъ тѣла, перѣдко видны туманные нѣкіе призраки умершихъ. Ибо, если сіе дѣйствительно такъ бываетъ, то обличается этимъ содѣлавшееся нынѣ презмѣрнымъ пристрастіе души къ плотской жизни, такъ что и исторгнутая изъ плоти не желаетъ совершенно отлетѣть отъ нея, не соглашается, чтобы совершилось полное претвореніе оболочки въ невидимое, но и по разложеніи видимаго остается еще при видимомъ, даже ставъ уже внѣ онаго, съ любовію блуждаетъ по мѣстамъ полнымъ вещества, и вращается около нихъ.

Гр. А я не много помедливъ и возвратясь къ мысли, заключавшейся въ сказанномъ, замѣтилъ: въ словахъ сихъ, кажется мнѣ, возникаетъ нѣкоторое противорѣчіе найденному прежде о страстяхъ. Ибо, если признаю, что по сродству съ безсловесными совершаются въ насъ всѣ таковыя душевныя движенія, которыя исчислило предшествующее слово, какъ то: раздражительность, страхъ, пожеланіе, удовольствіе и подобныя тому, сказано же, что доброе употребленіе таковыхъ движеній есть добродѣтель, а отъ употребленія погрѣшительнаго происходитъ порокъ, притомъ при-совокуплено было въ словѣ, что именно при-

вносится къ добродѣтельной жизни 'каждымъ изъ другихъ движеній, о вождельнн же сказано, что имъ приводимся къ Богу, какъ бы цѣнню какою влекомые къ Нему съ земли. А сія рѣчь, кажется, сказалъ я, противорѣчитъ какъ-то цѣли.

Мак. Почему говоришь это?

Гр. Потому, отвѣчалъ я, что когда по очищеніи прекратится въ насъ всякое неразумное движеніе, тогда не будетъ, безъ сомнѣнія, и вождельвательнаго; а когда его нѣтъ, не можетъ быть и пожеланія чего либо лучшаго, такъ какъ не осталось въ душѣ ни одного такого движенія, возбуждающаго ощущеніе потребности благъ.

Мак. Но на это, отвѣчаетъ она, скажемъ, что богоподобію души свойственны силы созерцательная и разсудительная, потому что ими постигаемъ и Божество. Посему, если въ слѣдствіе, или теперешней попечительности, или очищенія послѣ сей жизни, душа содѣляется у насъ свободною отъ связи съ неразумною стороною страстей; то ничто не воспрепятствуетъ созерцанію прекраснаго. А прекрасное по природѣ своей привлекательно какъ-то для всякаго, кто видитъ оное. Посему, если душа очистится отъ всякаго порока, то, безъ сомнѣнія, будетъ въ прекрасномъ. Прекрасно же по естеству своему Божество. съ которымъ по чистотѣ душа всту-

насть въ общеніе, соединяемая съ свойственнымъ ей. Посему, если произойдетъ это, не будетъ уже потребности въ вождельвательномъ движеніи, которое бы возвело насъ къ прекрасному. Ибо пребывающій во тмѣ вождельвуетъ свѣта; но если будетъ онъ во свѣтѣ, то мѣсто вождельнія заступитъ наслажденіе. Полное же право наслажденія бездѣйственнымъ и неумѣстнымъ дѣлаетъ вождельніе. Поэтому не будетъ отъ сего никакой утраты въ приобщеніи блага, если душа содѣлается свободною отъ таковыхъ движеній, войдетъ снова сама въ себя, и въ точности увидитъ себя, какова она по естеству, въ собственной красотѣ, какъ бы въ зеркалѣ, или въ изображеніи, усмотритъ первообразъ. Ибо справедливо можно сказать, что въ этомъ и востанетъ точное Божіе подобіе, чтобы душа (е) наша уподоблялась сколько нибудь превышшему Естеству; потому что естество, которое превыше всякаго понятія, стоитъ вдали отъ усматривасямаго въ насъ, инымъ какимъ-то способомъ проходить собственную свою жизнь; а не какъ живемъ теперь мы. Мы люди, потому что естество наше всегда непремѣнно въ движеніи, несемъ, куда ни произойдетъ стремленіе произвола, такъ какъ душа, можетъ иный сказать, не одинаково расположена къ

(е) По другому чтенію: *жизнь*.

тому, что впереди и что позади ея. Движеніемъ вперёдъ управляетъ надежда, но мѣсто движенія, идущаго къ надеждѣ, заступаетъ память. Если надежда поведетъ душу къ прекрасному по естеству, то движеніе произвола обозначается въ памяти свѣтлымъ слѣдомъ; если же обманется въ понятіи о наилучшемъ, потому что надежда обольститъ душу какимъ-то ложнымъ изобрѣтеніемъ красоты; то слѣдующее за происшедшимъ воспоминаніе обращается въ стыдъ. И въ такомъ случаѣ встаетъ въ душѣ эта междуусобная брань, — память вступаетъ въ борьбу съ надеждою, худо управлявшею произволомъ. Подобную нѣкую мысль ясно выражаетъ чувство стыда, когда душа угрызается послѣдствіемъ дѣла, какъ бы нѣкимъ бичемъ мучимая раскаяніемъ за неразумное стремленіе, и въ пособіе противъ причиняющаго ей скорбь ополчаясь забвеніемъ. Но у насъ, по скудости въ прекрасномъ, природа всегда жаждетъ того, въ чемъ имѣетъ нужду, и сіе желаніе недостающаго, есть самое вождельвательное расположеніе нашего естества, или по неразборчивости ошибающагося въ дѣйствительно прекрасномъ, или и достигающее того, чего достигнуть— для насъ благо. А естество, превысшее всякаго понятія о благѣ и превосходящее всякую силу, какъ неимѣющее никакого недостатка въ томъ, что представляемъ себѣ благомъ, но

само составляющее полноту благъ, и не по причастію чего либо прекраснаго дѣлающееся прекраснымъ, но сущее самымъ естествомъ прекраснаго, чѣмъ только по предположенію ума можетъ когда быть что либо прекрасное: какъ недопускаетъ въ себѣ движенія надежды (ибо надежда возбуждается только въ разсужденіи того, чего нѣтъ: *esse bo uletъ кто, что и упоаетъ* (Римл. 8, 24.), говоритъ Апостолъ), — такъ не нуждается въ дѣятельности памяти къ познанію сущаго (ибо видимое не имѣетъ нужды въ памятованіи о немъ). А по этому какъ Естество Божіе выше всего добраго, доброе же непременно дружественно съ добромъ; то, взирая на Себя, и желаетъ того, что имѣетъ, и имѣетъ то, чего желаетъ, не приемя въ Себя ничего отвнѣ. Внѣ же Его вѣтъ ничего, кромѣ одного порока, который, хотя это и странно, въ небытіи имѣетъ свое бытіе, потому что происхожденіе порока есть не иное что, какъ лишеніе существующаго; въ собственномъ же смыслѣ существующее есть естество добра. Посему чего нѣтъ въ существующемъ, то, конечно, въ небытіи. Поэтому, душа, когда, прекративъ всѣ разнообразныя движенія естества, дѣлается богоподобною, тогда, ставъ выше пожеланія, достигнетъ того, къ чему дотоѣ восторгаема была пожеланіемъ, и не дастъ уже въ себѣ никакого занятія ни надеждѣ, ни памяти. Ибо

имѣть то, чего надѣялась, а предавшись наслажденію благами, удаляетъ изъ мысли память, -- и такимъ образомъ подражаетъ превысшей жизни, изобразивъ въ себѣ отличительныя черты Божія естества, такъ что не остается въ ней ничего инаго, кромѣ расположенія любви, естественно привязаннаго къ добру; ибо это и есть любовь, — внутренняя привязанность къ вождѣнному. Потому, когда душа, ставъ простою, единообразною и въ точности богоподобною, обрѣтетъ то истинно простое и невещественное благо, которое одно въ дѣйствительности вождѣнно и достойно любви, тогда привязуется къ нему, и вступаетъ съ нимъ въ единеніе исполненными любви расположеніемъ и дѣятельностію, сообразуя сама себя съ тѣмъ, что всегда ею обрѣтается и приѣмается, и чрезъ уподобленіе благу дѣлаясь подобною естеству того, чего пріобщается. Но какъ въ этомъ нѣтъ пожеланія, потому что нѣтъ въ немъ недостатка въ какомъ либо изъ благъ, то будетъ слѣдовать, что и душа, дошедши до немѣнія нужды, отвергаетъ отъ себя всякое вождѣвательное движеніе и расположеніе, которое бываетъ тогда только, когда нѣтъ еще желаннаго. Въ такомъ ученіи былъ нашимъ руководителемъ и божественный Апостоль, предвозвѣстивъ прекращеніе и упокоеніе въ насъ всѣхъ настоящихъ заботъ даже о лучшемъ, не нашедши

же предѣла одной любви. Ибо говоритъ: *пророчества упряднятся и знанія уложатся, а любви николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8.); а сіе значитъ тоже, что и сказать: любовь всегда пребываетъ одинаковою. Но говоря, что съ любовію пребываютъ вмѣстѣ и вѣра и надежда, и ихъ опять выше справедливо ставитъ любовь. Ибо надежда въ движеніи до тѣхъ поръ, пока не пришло наслажденіе уповаемымъ, и вѣра также служитъ опорой въ неизвѣстности уповаемаго. Ибо такъ и опредѣлилъ ее Апостоль, говоря: *есль же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1.). Когда же придетъ уповаемое, тогда при неподвижности всего другаго пребываетъ дѣятельность любви, не находя себѣ преемника. Почему и первенствуетъ она во всѣхъ преслѣніяхъ добродѣтели и въ предписаніяхъ закона. Поэтому, если душа достигнетъ когда либо сего конца, то не будетъ имѣть нужды въ иномъ, какъ объявляя полноту сущаго, и окажется въ себѣ единой какъ-то соблюденною признаки самаго Божія блаженства. Ибо жизнь вышняго естества есть любовь; потому что прекрасное непремѣнно любезно знающимъ. Божество же знаетъ Само Себя; а вѣдѣніе дѣлается любовію, потому что познаваемое прекрасно по естеству. Истинно же прекраснаго не касается надменное преслѣненіе. Но какъ и насыщеніе не пресѣкаетъ связи любви съ прекрас-

нымъ; то божественная жизнь всегда будетъ совершаться любовью, и она, прекрасная по естеству, естественно исполнена любви къ прекрасному, не имѣетъ предѣла дѣйствованію по любви; такъ какъ въ прекрасномъ невозможно достигнуть какого либо конца, чтобы съ концемъ прекраснаго прекратилась вмѣстѣ и любовь; ибо прекрасное оканчивается только тѣмъ, что ему противоположно. А въ комъ естество не воспримчиво къ худшему, тотъ не престанетъ идти къ нескончаемому и безпредѣльному благу. Посему такъ какъ всякое естество привлекается свойственнымъ ему, въ нѣкоемъ же свойствѣ съ Богомъ и человѣчество, какъ носящее въ себѣ подобія первообраза, то по всей необходимости къ божественному и сродственному влечется душа. Ибо свойственное Богу должно сохраняться вполнѣ и непременно (ж). Но если душа будетъ легка и проста, потому что не тревожитъ ее никакая тѣлесная скорбь, то приближеніе къ влекущему содѣлается ей пріятнымъ и удобнымъ. Если же въ связи съ вещественнымъ она утверждена

(ж) По замѣчанію Крабингера, въ нѣкоторыхъ спискахъ сего разговора сказано, что все нижеслѣдующее до словъ (на стр. 276): „для кого наказаніе соразмѣрно цѣлой вѣчности?“ св. Германомъ Константинопольскимъ отмѣчено, какъ неводниное.— Вообще же, для объясненія настоящаго мѣста и др. подобныхъ сообразнъ сказанное въ жизнеописаніи св. Григорія. Прибавлен. къ Твор. Отцевъ Т. XX. с. 77.

какъ бы гвоздями прирастятъ, какъ это естественно бываетъ съ тѣлами, во время землетрясеній засыпанными землею (присовокупи предположительно, что тѣла не только придавлены обвалами, но изъязвлены какими-то спицами, или деревянными рожнами, нашедшимися въ обвалившейся землѣ): то въ какомъ видѣ естественно остаться тѣламъ, бывшимъ въ такомъ положеніи, когда сродники для погребенія извлекутъ ихъ изъ-подъ развалинь (конечно, будутъ они изломаны, изорваны, испытаютъ самыя тяжкія поврежденія, при усилии вытаскивающихъ пстерзанныя комами земли и спицами); подобное нѣкое страданіе, кажется мнѣ, происходитъ и съ душою, когда Божія сила по чловѣколюбію извлекаетъ свою собственность изъ подъ неразумныхъ и вещественныхъ развалинь. Ибо не по ненависти, и не мстя за худую жизнь, какъ я разсуждаю, въ мучительныя расположенія вводитъ согрѣшившихъ Богъ, — Богъ, присвояющій и влекущій къ Себѣ все, что только по Его милости пришло въ бытіе. И какъ съ лучшею цѣлію привлекаетъ къ Себѣ душу Онъ — Источникъ всякаго блаженства, такъ въ привлекаемомъ по необходимости происходитъ болѣзненное расположеніе. Ибо, какъ очищающіе въ огнѣ золото отъ примѣшаннаго къ нему вещества не подмѣсь только расплавляютъ огнемъ, но по всей необходимости и чистое плавятъ

вмѣстѣ съ нечистымъ , и по истребленіи послѣдняго остается одно первое; такъ и при истребленіи въ очистительномъ огнѣ порока вполне необходимо быть въ огнѣ и вступившей съ нимъ въ единеніе душѣ, пока не истребятся всѣяныя въ ней примѣсь, вещество и нечистота, будучи поглощены огнемъ. И какъ если къ какой либо верви по всей ея длинѣ пристанетъ самая липкая грязь, потомъ верхній конецъ верви будетъ просунуть въ какое либо узкое отверстіе, и кто либо сверху усиленно потянетъ вервь чрезъ отверстіе; то влекомая вервь по всей необходимости слѣдуетъ за влекущимъ а облежная ея грязь, сильнымъ влеченіемъ стираемая съ верви, будетъ оставаться внѣ скважины, какъ причина того, что вервь несвободно идетъ своимъ путемъ, но терпитъ насильственное натягиваніе отъ влекущаго; подобное нѣчто, кажется мнѣ, разумѣть должно и о душѣ, что, онутавшись вещественными и земными пристрастіями, страдаетъ она, и бываетъ въ напряженномъ состояніи, когда Богъ влечетъ къ Себѣ Свое собственное, а чуждое, какъ сросшесся съ нею нѣсколько, стираетъ съ усиленіемъ, и причиняетъ ей болѣзненныя и невыносимыя страданія.

Гр. По этому, сказалъ я, Божій судъ, какъ видно, не наказаніе налагаетъ на особенно согрѣшившихъ, но, какъ показало слово, про-

изводить только отдѣленіе добра отъ зла; привлекая къ общенію въ блаженствѣ; отторженіе же приросшаго дѣлается мученіемъ для привлекаемаго.

Мак. Такъ, говоритъ наставница, и моя мысль, что мѣрою страданій въ каждомъ количествѣ порока. Ибо несправедливо и тому, кто долгое время пребывалъ во злѣ, которое запрещено, и тому, кто вовлеченъ въ неважныя нѣкія погрѣшности, равно страдать при очищеніи отъ дурнаго навыка; напротивъ того по большому или меньшему количеству вещества возгорится мучительный оный пламень на время, пока будетъ питающее его. Посему на комъ велико вещественное бремя, для того истребительному пламени необходимо сдѣлаться великимъ и болѣе продолжительнымъ, а въ комъ въ меньшей мѣрѣ примѣшано годное въ нищу огню; для того наказаніе настолько понижается въ силѣ и мучительности дѣйствія, сколько въ наказуемомъ уменьшается мѣра порока. Ибо злу надлежитъ нѣкогда быть вполнѣ и непремѣнно изъятымъ изъ существующаго, и что, по сказанному выше, существуетъ въ дѣйствительности, тому вовсе не быть. Ибо порокъ не имѣетъ свойства быть виѣ произвола, и когда все произволеніе въ Богѣ, тогда порокъ придетъ въ совершенное уничтоженіе; потому что не останется ему вмѣстилища.

Гр. Но что́ выгоды, спросилъ я, въ доброй этой надеждѣ размышляющему, какое зло претерпѣть и единолѣтнее только страданіе? Если же невыносимая эта мука продлится на вѣковое иѣкое продолженіе времени; то какое утѣшеніе надежды останется на послѣдокъ тому, для кого наказаніе соразмѣрно цѣлой вѣчности?

Мак. Пусть позаботится, сказала наставница, или вовсе сохранить душу чистою и несообщимою съ сквернами порока, или если это вполнѣ невозможно, потому что естество наше страстно, пусть по крайней мѣрѣ недостатки добродѣтели у ней будутъ въ чемъ либо незначительномъ и удобоисправимомъ. Ибо евангельское ученіе знаетъ нѣкоего *должника тмою талантъ* (Матѹ. 18, 24.), и еще *пятию сотъ динарій*, и еще *пятидесятью* (Лук. 7, 41.), и еще какимъ нибудь кодрантомъ (Матѹ. 5, 26), а эта самая послѣдняя монета; праведный же судъ Божій простирается на все, съ тяжестію долга соразмѣряетъ необходимость взыскація, и самой малости не оставляетъ безъ вниманія. Отдача же долговъ, по словамъ Евангелія, состоитъ, не въ уплатѣ денегъ, но въ томъ, какъ сказано, что должникъ предается *мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой* (Матѹ. 18, 34.), и это не иное что́ значитъ, какъ то, чтобъ необходимый долгъ заплатить претерпѣніемъ мученія, то есть долгъ пріобщиться

скорбей, какимъ онъ сталъ повиненъ въ продолженіе жизни, избирая по неразумію одно чистое и неразтворенное ничѣмъ противоположнымъ удовольствіе; а такимъ образомъ, отложивъ все для себя чуждое, то есть грѣхъ, и совлекишсь стыда—быть въ долгахъ, достигаетъ человекъ свободы и дерзновенія. Свобода же есть уподобленіе неподвластному и самоправному, первоначально дарованное намъ Богомъ, но закрытое стыдомъ долговъ. Всякая же свобода по природѣ есть нѣкая единая и сама съ собою сродственная. Поэтому въ слѣдствіе сего все свободное будетъ сообразно съ подобнымъ ему. Но добродѣтель неподвластна, по сему въ ней будетъ все свободное, такъ какъ свободное неподвластно. А какъ естество Божіе есть источникъ всякой добродѣтели; то слѣдуетъ, что въ Немъ будутъ освободившіеся отъ порока, *да будетъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *Богъ всяческая во вслхъ* (1 Кор. 15, 28.); ибо это изреченіе, выражающее, что Богъ будетъ все и во всемъ, ясно, кажется мнѣ, подтверждаетъ изслѣдованную прежде мысль. Поелику въ настоящемъ различно и разнообразно проводится нами жизнь; то много есть такого, въ чемъ принимаемъ участіе, какъ то: время, воздухъ, мѣсто, пища, питіе, одежды, солнце, свѣтильникъ и многое иное, удовлетворяющее потребностямъ жизни, и изъ всего этого ничто не есть Богъ,

ожидаемое же блаженство ни въ чемъ этомъ не имѣеть нужды, всѣмъ же этимъ въ замѣнъ всего будетъ для насъ естество Божіе, удѣляющее Себя соразмѣрно всякой потребности оной жизни; и это явствуетъ изъ Божественныхъ словъ, а именно о томъ, что Богъ для достойныхъ бываетъ и мѣстомъ, и жилищемъ, и одѣяніемъ, и пищею, и питіемъ, и свѣтомъ, и богатствомъ, и царствомъ, и всѣмъ, что по понятію и по имени содѣйствуетъ намъ къ доброй жизни. Но Кто бываетъ всѣмъ, Тотъ бываетъ и во всѣхъ. Этимъ, мнѣ кажется, Писаніе научаетъ совершенному уничтоженію порока; ибо если во всѣхъ существахъ будетъ (з) Богъ, то, безъ сомнѣнія, не будетъ

(з) Признаемъ не излишнимъ помѣстить здѣсь примѣчаніе, читаемое на сіе мѣсто въ нѣкоторыхъ греческихъ кодексахъ, именно слѣдующее: „слѣдовательно *будетъ* и въ деменахъ и въ грѣшныхъ людяхъ? И гдѣ же правда, если на равнѣ съ праведными и они улучать благо? Но не одинаково, скажетъ иной, а до крайности различно. Ибо гдѣ дадимъ мѣсто наказаніямъ въ мукахъ, огню неугасимому, червю неумирающему, и всему, что подобно этому? И растесаніе *полма* (Матѣ 24, 51.), какъ думаю, не иное что значить, какъ удаленіе отъ Бога. Слѣдовательно Богъ будетъ во всѣхъ прославляемъ и покланяемъ; но въ однихъ наслажденіе царствомъ, а въ другихъ ощущеніе наказанія. Ибо если не допустимъ этого, то покажемъ, что учитель противорѣчитъ и божественному Писанію, и другимъ отцамъ, и себѣ самому. Ибо въ другихъ мѣстахъ оказывается, что онъ учитъ вѣчности мученія, и тому, что грѣшныя не имѣють ни какого доступа ко благамъ

въ существахъ порока. А если предположить кто, что будетъ и порокъ: то какъ сохранится въ своей силѣ сказанное, что во всѣхъ Богъ? По тому что исключеніе порока дѣлаетъ недостаточнымъ понятіе слова: всѣ. Напротивъ того, Кто имѣетъ быть во всѣхъ, Тотъ не будетъ въ томъ, что не существуетъ.

Гр. По этому, спросилъ я, что надлежитъ сказать тѣмъ, которые малодушно взираютъ на бѣдствія?

Мак. Имъ скажемъ, говоритъ наставница: напрасно, вы люди, негодуете и съ неудовольствіемъ смотрите на эту цѣпь необходимой послѣдовательности вещей, не зная, къ какой именно цѣли направлено все отдѣльно взятое въ домо-строительствѣ вселенной; потому что всему надобно въ нѣкоемъ порядкѣ и въ послѣдовательности, по художнической премудрости управляющаго, придти въ согласіе съ естествомъ Божиимъ. Ибо для того приведено въ бытіе и естество словесное, чтобы богатство божественныхъ благъ не было недѣйственнымъ; но все-

праведныхъ. И что говоримъ: въ другихъ мѣстахъ? Даже и въ настоящемъ разговорѣ, какъ знаемъ изъ предыдущаго. По сему, или слова сн должно разумѣть въ сказанномъ смыслѣ, или признать, что они вставлены какими либо поддѣльвателями, не покоряющимися истинѣ, или учитель окажется страннымъ, что не льпо и говорить. Итакъ надобно понимать сіе, какъ указано. Читай послѣдующее, помни предыдущее“.

устреившею премудростию уготованы какъ бы нѣкіе сосуды и произволеніемъ одарены приемыки душъ, чтобы было нѣкоторое вмѣстительство, приѣмлющее въ себя блага, по прибавленіи вливаемаго дѣлающагося всегда большимъ. Ибо таково причастіе божественнаго блага, что, въ комъ оно бываетъ, того дѣлаетъ большимъ и болѣе воспріимчивымъ, будучи имъ воспріемлемо въ приращеніе силы и великости, такъ что питаемый всегда растетъ, и никогда не прекращаетъ роста. Поселику источникъ благъ источаетъ ихъ непрерывно; то естество причащающагося, такъ какъ въ приѣмлемомъ нѣтъ ничего излишняго и безполезнаго, все втекающее обращаетъ въ прибытокъ собственной своей величины, дѣлается и сильнѣе привлекающимъ лучшее и въ большей мѣрѣ вмѣщающимъ, при взаимномъ приращеніи того и другаго, и питаемой силы, при изобиліи благъ, больше и больше возрастающей, и снабженія питательнымъ, увеличивающагося прибавленіемъ силъ въ возвращаемыхъ. По сему естественно придти въ такую величину тѣмъ, въ которыхъ никакой прѣдѣлъ не прѣсѣкаетъ возрастанія. Потомъ, когда предлежитъ намъ столько великаго, ужели негодуете на то, что естество идетъ впередъ къ собственной цѣли своей путемъ для насъ установленнымъ? Ибо невозможно совершить намъ теченія своего туда иначе, какъ отряси съ

души своей гнетущее насъ, -- разумью эту тяжелую и земную ношу, и попеченіемъ о лучшемъ очистившись отъ пристрастія къ этой ношѣ, какое имѣли въ настоящей жизни, чтобы чистымъ могло быть усвоено подобное. Но ежели есть у тебя нѣкоторая привязанность къ этому тѣлу, и печалитъ тебя расторженіе связи съ любимымъ; то и въ этомъ не лишенъ ты надежды. Ибо увидишь тѣлесное это покрывало, разрушенное теперь смертію, снова сотканнымъ изъ того же, но не въ этомъ грубомъ и тяжеломъ составѣ, а такъ что нить сложится въ нѣчто легчайшее и воздушное, почему и любимое при тебѣ будетъ, и возстановится снова въ лучшей и вождельнѣйшей красотѣ.

Гр. Но какъ видно нѣсколько, сказалъ я, по связи рѣчи привзошелъ у насъ въ слово и догматъ о воскресеніи, который, кажется миѣ, по ученію Писаній долженъ быть истиннымъ и достовѣрнымъ и не подлежать сомнѣнію. Но поелику немощь человѣческаго разумѣнія болѣе какъ-то утверждаетъ въ таковой вѣрѣ удобопонятными для насъ умозаключеніями; то хорошо будетъ и эту часть не оставить необозрѣнною. Поэтому посмотримъ, что надлежитъ сказать

Мак. И наставница говоритъ: чуждые нашего любомудрія, держась разныхъ предположеній, одинъ такъ, другой иначе, въ какой

либо части касались догмата о воскресеніи, не соглашаясь въ точности съ нашими, и не вовсе лишая себя таковой надежды. Иные обижаютъ человѣчество не дѣлая изъ него особаго рода, но утверждая, что одна и таже душа бываетъ попеременно то въ человѣкѣ, то въ безсловесномъ, переоблекаясь въ тѣла и всегда переходя, въ какое ей угодно, — дѣлаясь изъ человѣка какимъ либо животнымъ или летающимъ, или водянымъ, или живущимъ на сушѣ, а изъ нихъ возвращаясь опять въ человѣческое естество. Другіе же подобное пустословіе простираютъ и до растений, такъ что и древесную жизнь почитаютъ душѣю сообразною и свойственною; а еще другимъ кажется, что отъ челоѣка только всегда заимствуетъ душу другій челоѣкъ, такъ что одними и тѣми же душами непрестанно проводится челоѣческая жизнь, потому что однѣ и тѣже души бываютъ непрерывно то въ однихъ, то опять въ другихъ. Но мы утверждаемъ, что хорошо, начавъ съ церковныхъ догматовъ, въ такой только мѣрѣ заимствовать подобныя мнѣнія у любомудрствовавшихъ, въ какой чрезъ сіе можно показать, что они нѣкоторымъ образомъ согласны съ догматомъ о воскресеніи; ибо, что говорятъ они, будто бы душа, по разлученіи съ тѣломъ, опять входитъ въ какія либо тѣла, то не слишкомъ несходно съ уповаемымъ нами возвра-

щеніемъ въ жизнь. И наше ученіе полагаетъ, что тѣло у насъ и теперь составлено, и вновь составитъ изъ міровыхъ стихій. Таже мысль представляется и ви́шнимъ, ибо и они не могли придумать инаго какого либо естества тѣлу, кромѣ стеченія стихій. Но разница въ томъ, что, какъ говорится у насъ, для той же души слагается снова тоже тѣло, сочетаваемое изъ тѣхъ же стихій; они же думаютъ, что душа переходитъ въ какія либо иныя тѣла, какъ словесныя, такъ безсловесныя и безчувственныя, о которыхъ согласно признаютъ, что составъ ихъ изъ міровыхъ частей, разногласятъ же въ томъ, что не почитаютъ его состоящимъ изъ того же самаго, что первоначально было соединено съ душою во время плотской жизни. Посему, пусть будетъ засвидѣтельствовано ви́шнимъ любомудріемъ, что не ви́ предѣловъ вѣроятности—душѣ снова стать въ тѣлѣ. Благовременно же будетъ разсмотрѣть несостоятельность ихъ ученія, и самую послѣдовательностию, открывающеюся намъ въ согласіи съ разумомъ, сколько можно, обнаружить истину. Посему, что же сказать о семъ? Переселяющіе душу въ разныя естества, по моему мнѣнію, сливаютъ свойства естества, смѣшиваютъ и путаютъ между собою всѣ вещи, безловесное, словесное, чувствующее, безчувственное, если только будутъ онѣ другъ въ другѣ, никакимъ естественнымъ сцѣпленіемъ неотдѣлennыя

другъ отъ друга до неподвижности. Ибо утверждать, что душа одна и таже нынѣ дѣлается словесною и разумною по такому-то покрову тѣла, потомъ опять кроется въ норы съ пресмыкающимися, или присоединяется къ стаду птицъ, или переноситъ на себѣ тяжести, или дѣлается плотояднымъ, или живетъ подъ водою, или же переходитъ въ безчувственное, коренистое и деревянистое, пускающее отъ себя отпрыски вѣтвей и на нихъ возвращающее или цвѣтъ, или иглу, или что либо питательное, или ядовитое,—не иное что значить, какъ все почитать за одно и то же, и въ существахъ признавать одно естество, смѣшанное въ какой-то слитной и нераздѣлимой общности съ самимъ собою; потому что никакое свойство не отличаетъ одного отъ другаго. Кто говоритъ, что то же бываетъ во всемъ, не иное что хочетъ сказать, но то, что все есть одно, и видимая разность въ существахъ нимало не препятствуетъ смѣшенію несообщимаго, такъ что, если увидить что либо ядовитое и плотоядное, необходимо ему признавать видимое соплеменнымъ и сроднымъ себѣ; таковой и на цикуту будетъ смотрѣть, не какъ на чуждое собственной своей природѣ, если и въ растеніяхъ видить челоуѣчество, но не останется неподозрительнымъ для него и самый гроздь, произращаемый для жизненной потребности, потому что и онъ

изъ числа произрастеній; растенія такъ же у насъ и тѣ зерна въ колосьяхъ, которыми питаемся. По этому какъ же занесетъ серпъ на срѣзаніе колосьевъ? Какъ выжметъ гроздь, или на пашнѣ выроетъ съ корнемъ терпъ, или сорветъ цвѣтокъ, или будетъ ловить птицъ, или зажжетъ костеръ дровъ, когда неизвѣстно, не на сродниковъ ли, или предковъ, или соплеменниковъ поднимается рука, — и не ихъ ли тѣлами воспламеняется огонь, или наполняется чаша, не изъ нихъ ли составится снѣдь? При мысли о каждой изъ сихъ вещей, что растеніемъ или животнымъ дѣлается душа человѣческая, не положено же знаковъ, каково растеніе или животное, если оно изъ человѣка, и каково, если изъ инаго, предзанятый такимъ предположеніемъ ко всему будетъ расположенъ одинаково, такъ что по необходимости, или сдѣлается жестокимъ къ тѣмъ самымъ людямъ, которыя пользуются еще въ природѣ жизнью, или если въ разсужденіи соплеменниковъ склонится природою къ человѣколюбію, то придетъ въ одинаковое расположеніе ко всему одушевленному, хотя бы то было изъ числа пресмыкающихся, или изъ числа звѣрей; но даже, если будетъ и въ лѣсу среди деревъ принявшій это ученіе, то и деревья почтетъ за толпу людей. Посему что за жизнь такого человѣка? Или предъ всемъ онъ благоговѣтъ

по соплеменничеству, или жестоко къ людямъ по безразличію ихъ со всѣмъ инымъ. Посему такое ученіе и по сказанному должно быть отринуто, тогда какъ и многое другое по основательнымъ причинамъ недопускаетъ насъ принять подобное мнѣніе. Ибо слышала я отъ обучающихъ подобному, будто бы предполагаютъ нѣкія племена душъ, прежде жизни въ тѣлѣ составляющія особое нѣкое гражданство, по легкости и удободвижности природы своей вращающіяся вмѣстѣ съ обращеніемъ вселенной; но, по нѣкоей склонности къ пороку, души, какъ бы утративъ свою пернатость, бываютъ въ тѣлахъ сперва человѣческихъ, потомъ чрезъ общеніе съ неразумными страстями по оставленіи человѣческой жизни доходятъ до такого скотоподобія, что ниспадаютъ даже до этой растительной и безчувственной жизни, — такъ что по природѣ легкое и удободвижное, какова душа, дѣлается сперва тяжелымъ и несущимся внизъ по причинѣ порочности вселяющимся въ тѣла человѣчскія; потомъ по утратѣ разумной силы избираетъ для жительства безсловесныхъ, и оттуда, по отъятіи дара чувствъ, переходитъ въ эту безчувственную жизнь, какая въ растеніяхъ; но отсюда опять восходитъ по тѣмъ же степенямъ, и восстанавливается въ небесную область. Такое ученіе для умѣющихъ сколько нибудь судить обличается само собою, не

имѣя въ себѣ никакой твердости. Ибо если душа изъ жизни небесной порокомъ низвлекается въ древесную жизнь, изъ древесной же добродѣтелию восходитъ опять въ небесную; то сомнительнымъ оказывается ихъ ученіе, и что по оному признается преимущественнымъ, древесная ли, или небесная жизнь; ибо повторяется какой-то подобный прежнему кругъ, между тѣмъ какъ душа никогда не останавливается тамъ, гдѣ она была. Если изъ жизни безплотной нисходитъ въ тѣлесную, а изъ этой въ безчувственную; оттуда же снова возходитъ въ безплотную; то преподающими это ученіе не иное что измышляется, какъ безразличное сліяніе зла и добра; потому что и небесное жительство не пребудетъ въ блаженствѣ, если живущихъ тамъ касается порокъ, и дерева не останутся лишенными добродѣтели, если признается, что отсюда душа возвращается къ добру, а тамъ начинается жизнь порочная. Ибо если душа, круговращаясь въ небѣ, опутывается порокомъ, и имъ совлеченная въ жизнь вещественную, снова возносится отсюда къ жительству на высотѣ; то симъ приводятъ они къ обратной мысли, что вещественная жизнь есть очищеніе отъ порока, а непогрѣшительное совершеніе пути дѣлается душамъ началомъ и виною золь, —если здѣсь оперившись добродѣтелию парять онѣ ввысь, а тамъ, за порочность утративъ перья, дѣлаются лежащими низко и пресмы-

кающими по землѣ отъ смѣси съ дебелостію вещественнаго естества. И нелѣпость такихъ ученій не ограничивается тѣмъ, что предположенія ведутъ къ противному, но и самая мысль не остается въ нихъ навсегда твердою. Ибо если небесное почитаютъ неизмѣннымъ, то какъ въ неизмѣнномъ имѣеть мѣсто страсть? И если дольнее естество страстно, то какъ въ страстномъ преслѣбваетъ безстрастіе? Но они смѣшиваютъ несмѣшиваемое, и соединяютъ несообщимое, усматривая въ страсти неизмѣнность и опять въ измѣняемомъ безстрастіе; да и этого не держатся навсегда, но откуда переселили душу по ея порочности, туда опять поселяютъ ее изъ жизни вещественной какъ безопасную и чистую жизнь, какъ будто забывъ, что она тамъ, обременившись порокомъ, вмѣшалась въ естество дольнее. Такъ у нихъ оужденіе жизни настоящей и похвала небесному сливаются и смѣшиваются между собою; потому что оуждаемое, по мнѣнію ихъ, ведетъ къ прекрасному, а почитаемое лучшимъ даетъ въ душѣ поводъ склонности къ худшему. Посему изъ догматовъ истины должно быть изринуту всякое погрѣшительное и несостоятельное мнѣніе о подобныхъ предметахъ. Но, какъ непостижимъ истины, не послѣдуемъ и всѣмъ тѣмъ, по мнѣнію которыхъ души изъ женскихъ тѣлъ переходятъ въ мужескую жизнь,

или на оборотъ въ женщинахъ бываютъ души разлучившіяся съ тѣлами мужскими, или изъ мужей переходятъ въ мужей же, а изъ женъ бываютъ опять въ женахъ. Ибо первое мнѣніе не заслуживаетъ одобренія, не только по тому, что оно не состоятельно и обманчиво, само собою превращаясь въ противоположныя предположенія, но и потому что нечестиво, уча, будто ни одно существо не приводится въ бытіе, если естеству каждаго не положить начала порока. Если не рождаются ни люди, ни растенія, ни скоты, пока не ниспадаетъ на нихъ душа свыше; а паденіе бываетъ въ слѣдствіе порока: то, по мнѣнію утверждающихъ это, начало составу существъ—порокъ. И почему въ одно и тоже время сходится то и другое, и человѣкъ рождается отъ брака и съ брачнымъ жаромъ совпадаетъ паденіе души? И что еще этого не-лѣпѣе: если весною много животныхъ безсловесныхъ сходится парами, то можно ли сказать по этому, что и въ горнемъ вращеніи весна производитъ зарожденіе порока, такъ что приходится вмѣстѣ и душамъ исполненнымъ зла падать, и утробамъ безсловесныхъ оплодотворяться? Что же кто либо скажетъ о земледѣльцѣ, втыкающемъ въ землю вѣтви, оторванныя отъ растеній? Какъ это рука его вмѣстѣ съ растеніемъ зарываетъ въ землю и человѣческую душу, такъ что съ утратою у

души перьевъ впадаетъ стремленіе человѣка къ насажденію? Посему та же нелѣпность и въ другомъ мнѣніи, именно полагать, что душа любопытствуетъ знать, когда сходятся живущіе въ супружествѣ, или наблюдаетъ зачатія младенцевъ, чтобы войти въ зарождающіяся тѣла. А если мужъ откажется отъ брака, а жена освободится отъ необходимости мукъ рожденія, то ужели тогда и порокъ не обременяетъ душу? Слѣдовательно пороку, который тамъ въ горней странѣ, бракъ даетъ побужденіе нападать на душу, или и безъ него касается души привязанность къ противоположному? И слѣдовательно бездомною и скиталицею будетъ душа блуждать посреди, отпавъ отъ небеснаго и не получивъ, если такъ случится, на долю себѣ тѣла. Потомъ, какъ же предположить при этомъ, что Божество править существами, начало человѣческой жизни приписывая этому случайному и неразумному паденію душъ? Ибо по всей необходимости съ началомъ согласно и послѣдующее за нимъ. И если жизнь началась какимъ-то случайнымъ событіемъ; то, безъ сомнѣнія, дѣлается случайнымъ и продолженіе оной. И напрасно таковыя учителя поставляютъ существа въ зависимость отъ Божественной силы, когда утверждаютъ, что не по Божіей волѣ родились въ мірѣ, но начало приходящаго въ бытіе приписываютъ какому-то дурному случаю,

какъ будто не составила бы жизнь человѣческая, если бы зло не подало повода къ жизни. Посему, если таково начало жизни, то, явно, и продолженіе пойдётъ по началу; ибо никто не скажетъ, что изъ дурнаго происходитъ хорошее, и изъ добраго противное; напротивъ того по свойству сѣмени ожидаемъ и плодовъ. И такъ всякою жизнію управлять будетъ самое самовольное и случайное движеніе, когда нѣтъ никакого промысла о существахъ. Но совершенно бесполезною будетъ предусмотрительность разсудка, никакой пользы не произойдетъ отъ добродѣтели, и ни во что вмѣнится—чуждаться зла. Ибо все непременно заключаться будетъ въ случайномъ, и жизнь ничѣмъ не отличится отъ неоснащенныхъ кораблей, самыми неопредѣлимыми случайностями, какъ бы какими волнами, отъ одной встрѣчи съ хорошимъ, или дурнымъ, будучи переносима къ другой встрѣчѣ; ибо не можетъ быть пользы отъ добродѣтели для тѣхъ, у кого естество ведетъ начало отъ противоположнаго. Если жизнь наша въ Божіемъ распоряженіи, то съ этимъ вмѣстѣ признается, что не порокъ даетъ начало нашей жизни. Если же отъ порока происходимъ, то, конечно, и живемъ во всемъ сообразно съ нимъ. И такъ бреднями по этому окажутся и судъ послѣ настоящей жизни, и воздаяніе по достоинству, все иное, о чемъ говорятъ намъ,

и чему вѣруемъ для искорененія порока. Ибо какъ возможно быть безъ порока человѣку, родившемуся по причинѣ порока? И какъ произойдетъ какое либо произвольное стремленіе къ добродѣтельной жизни въ человѣкѣ, естество котораго, какъ говорятъ, ведетъ начало отъ порока? Какъ ни одно безсловесное животное не покушается говорить по человѣчески, но, пользуясь природнымъ и естественнымъ голосомъ, не почитаютъ они ни малою потерею, что не имѣютъ доли въ дарѣ слова; такимъ же точно образомъ у кого началомъ и причиною жизни признается порокъ, тѣ не пришли бы къ пожеланію добродѣтели, такъ какъ это не въ ихъ природѣ. Но во всѣхъ разсудкомъ очистившихъ душу есть вождельніе добродѣтельной жизни и раченіе о ней. А симъ ясно показывается, что порокъ не старше жизни, и не отъ него природа возымѣла первое начало; напротивъ того началомъ жизни нашей — домостроительствующая во всемъ Божія премудрость; душа же, пришедши въ бытіе такимъ способомъ, какой угоденъ былъ Сотворшему, по самой власти избирать, что ей нравится, дѣлается тогда тѣмъ по силѣ произволенія, чѣмъ быть пожелала. Сказанное дознать можно изъ примѣра; возьмемъ для сего глазъ; ему по природѣ свойственно видѣть, не видитъ же по произволу, или по болѣзни; ибо иногда и противоположенное можетъ

стать на мѣсто естественнаго, когда кто, или добровольно емѣжаетъ глазъ, или по болѣзни лишается зрѣнія. Такъ и о душѣ можно сказать, что, хотя созданіе ея отъ Божества, и какъ въ Божествѣ немислимъ никакой порокъ, то и для души нѣтъ въ порокѣ необходимости, однако же, будучи такъ сотворена, собственнымъ своимъ приговоромъ водится въ томъ, на что рѣшается, или по произволению смежая око для прекраснаго, или по злоумышленію пребывающаго съ нами въ жизни врага повреждая сіе око, живетъ во тмѣ обольщенія, или же на оборотъ, чистымъ окомъ взирая на истину, дѣлается далекою отъ темныхъ страстей. Посему, когда же, спросить иной, она приведена въ бытіе, и какъ? Но вопросъ о томъ, какъ произошла каждая вещь, совершенно долженъ быть изъять изъ слова; ибо и о подручномъ нашему разумѣнію, о чемъ имѣемъ понятіе съ помощію чувства, невозможно было бы изслѣдующимъ разумомъ постигнуть, какъ составилось видимое; по сему подобное сему даже богоносными и святыми мужами признано непостижимымъ. Ибо *вѣроу, говоритъ Апостоль, разульваемъ совершитися вѣколѣ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимыхъ быти* (Евр. 11, 3.), а сего, какъ думаю, не сказалъ бы онъ, если бы полагалъ, что искомое познаваемо разсудкомъ; напротивъ того, что волею

Божією совершенъ и самый вѣкъ и все, что въ немъ, сотворено (а вѣкъ и есть то самое, въ чемъ умопредставляется вся тварь, какъ видимая, такъ и невидимая), — этому вѣрю, говорилъ Апостоль. А сіе: какъ сотворено — оставилъ онъ неизслѣдованнымъ. Ибо подобное сему, какъ думаю, непостижимо ищущимъ, такъ какъ вопросъ о семъ показываетъ намъ въ себѣ много затрудненій: какъ изъ естества постояннаго движимое, изъ простаго и непротяженнаго — протяженное и сложное? Изъ самой ли превысшей Сущности? Но это не можетъ быть признано по разнородности съ Нею существъ. Откуда же иначе? Внѣ Божія естества ничего не усматриваетъ разумъ; ибо наше мнѣніе раздѣлится на разныя начала, если кромѣ творческой причины признано будетъ что либо такое, у чего художническая премудрость заимствуетъ запасы для твари. Итакъ, послѣку Виновникъ существъ одинъ, съ превысшимъ же Существомъ приведенное Имъ въ бытіе не однородно, то съ обѣихъ сторонъ одинаковая несообразность предположеній, — признать ли тварь происшедшею изъ Божія естества, или сказать, что все составилось изъ какой либо иной сущности. Ибо, или предположено будетъ, что и Божество имѣеть свойства твари, если сотворенное сродно съ Богомъ, или внѣ Божіей сущности введено будетъ нѣкое вещественное естество,

по несозданности вѣчностію существа равняющееся Богу, какъ, представивъ себѣ манихеи, и нѣкоторые эллинскимъ любомудріемъ вовлекшись въ подобныя мнѣнія, представленіе сіе обратили въ догматъ. Посему, чтобы наипаче избѣжать обоюдной несообразности въ вопросѣ о существахъ, слово о томъ, какъ приходитъ въ бытіе каждое изъ нихъ, по примѣру Апостола, оставимъ неизслѣдованнымъ, замѣтивъ только то одно, что устремленіе Божественнаго произволенія, когда пожелаетъ, бываетъ дѣломъ и хотѣніе осуществляется, немедленно обращаясь въ естество по власти Всемогущаго, которая чего только премудро и художнически пожелаетъ, не оставляетъ изволенія неприведеннымъ въ дѣйствіе. Приведеніе же изволенія въ дѣйствіе есть сущность. Но какъ существа дѣлятся на два рода, на существа духовныя и тѣлесныя, то и твореніе духовныхъ существъ не кажется сколько нибудь не приличнымъ естеству безплотнаго, а напротивъ того близко къ нему, показывая въ себѣ невидимость, неосязаемость, непротяженность, что если представитъ кто въ мысляхъ и о превысшемъ естествѣ, то не погрѣшитъ. Тѣлесная же тварь, поелику представляется съ свойствами, несообщимыми какъ-то съ Божествомъ, то наипаче причиняетъ великое затрудненіе разуму, который не въ состояніи проникнуть, какъ изъ неви-

димаго видимое, изъ неосязаемаго твердое и упорнос, изъ неопредѣленнаго опредѣленное, изъ того, что не имѣеть количества и величины, заключаемое непремѣнно въ какія либо мѣры, представляемья относительно къ количеству, также взятое порознь все то, что примѣчается въ естествѣ тѣлесномъ. О семъ скажемъ одно только, а именно, что изъ усматриваемаго въ тѣлѣ ничто само по себѣ не есть тѣло, не тѣло — наружный видъ, и цвѣтъ и тяжесть, и протяженіе, и количество, и всякое иное видимое качество, а на противъ того каждое изъ нихъ есть понятіе, взаимное же ихъ стеченіе и соединеніе между собою дѣлается тѣломъ. Посему, такъ какъ сіи составляющія полноту тѣла качества постигаются умомъ, а не чувствомъ, — Божество же духовно; то какой трудъ умному производить умное, что взаимнымъ своимъ стеченіемъ породило у насъ естество тѣла? Но это уже внѣ подлежащаго изслѣдованію. А спрашивалось у насъ: если души не существовали прежде тѣлъ, то когда и какъ приходятъ онѣ въ бытіе? И по сей-то причинѣ вопросъ о семъ, *какъ* приходятъ въ бытіе, — какъ недоступный, слово наше оставило неизслѣдованнымъ; а сіе, съ какого времени души имѣють начало бытія, какъ непосредственно слѣдующее за тѣмъ, что и предъ симъ разсмотрѣно, остается розыскать. Ибо, если допущено будетъ,

что душа живетъ прежде тѣла въ одинокомъ нѣкоемъ состояніи, то вполнѣ необходимо признать имѣющими силу оныя нельзя примѣняемыя ученія всеяющихъ души въ тѣла по причинѣ порока. Но никто изъ здравомыслящихъ не предположить, что происхожденіе душъ позднѣе, и слѣдуетъ уже за образованіемъ тѣлъ, такъ какъ для всякаго явно, что все неодушевленное не имѣетъ въ себѣ ни движущей, ни растительной силы: а возрастаніе и мѣстное движеніе воспитаннаго въ матерней утробѣ не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Посему остается признать, что начало состава души и тѣла одно и то же. И какъ земля, отъ земледѣльцевъ принявъ въ себя отростокъ отъ корня, производитъ дерево, не отъ себя вложивъ растительную силу въ питаемое, но доставивъ только положенному въ нее способы къ произрастанію; такъ говоримъ, что похищаемое у человѣка къ насажденію человѣка, само нѣкоторымъ образомъ есть нѣчто живое, отъ одушевленнаго одушевленное, отъ питаемаго питаемое. Если же малость отростка не вмѣщала въ себѣ всѣхъ дѣйствій и движеній души, — это ни мало не удивительно: ибо и шеничное зерно въ сѣмени не представляется тотчасъ колосомъ (ибо какъ колосу вмѣститься въ зернѣ?); но, поелику земля питаетъ зерно приличными соками, дѣлается оно коло-

сомъ, не измѣняя въ земной глыбѣ своего естества, но обнаруживая и усовершая себя по дѣйствию пищи. Посему, какъ въ растительныхъ сѣменахъ возрастаніе по немногу приходитъ въ совершенство; такъ и въ человѣческомъ составѣ соразмѣрно тѣлесной величинѣ выказывается и душевная сила, сперва дѣлаясь питательною и растительною въ образуемыхъ внутренностяхъ, послѣ сего сообщая даръ ощущенія происходящимъ на свѣтъ, и тогда уже, какъ нѣкій плодъ на выросшемъ растеніи, слегка проявляя разумную силу, не всю вдругъ, но по мѣрѣ того, какъ растеніе идетъ вверхъ, послѣдовательно увеличивая преспѣваніе. Итакъ, поелику похищаемое у одушевленныхъ въ основаніе одушевленнаго состава не можетъ быть мертвымъ (потому что омертвѣніе бываетъ по утратѣ души, а утрата не предшествуетъ обладанію); то познаемъ изъ сего, что въ сраствореніи, составляемомъ изъ души и тѣла, прехожденіе въ бытіе бываетъ общее, такъ что ни одно не предупреждаетъ, ни другое не опаздываетъ. Но въ возрастаніи числа душъ разумъ необходимо предвидитъ со временемъ остановку, чтобы не произошло непрестаннаго теченія въ естествѣ, посредствомъ прибывающихъ вновь, ліющемся всегда впередъ и не прекращающемся нигдѣ движенія. А что и въ нашемъ родѣ должна со временемъ непременно про-

изойти остановка, сему полагаемъ ту причину, что, такъ какъ всякое умопостигаемое естество имѣеть свою полноту, то естественно со временемъ достигнуть своего предѣла и человѣческому роду (такъ какъ и онъ принадлежитъ къ естеству умопостигаемому), чтобы не думали о немъ, будто бы всегда представляется недостаточнымъ; потому что всегдашнее присовокупленіе вновь прибывающихъ дѣлается обвиненіемъ роду, что въ немъ еще недостатокъ. Посему, когда человѣчество достигнетъ своей полноты, тогда непременно остановится текучее это движеніе естества, достигнувъ необходимаго предѣла, и мѣсто сей жизни заступитъ другое иѣкое состояніе, отдѣльное отъ нынѣшняго, проводимаго въ рожденіи и тлѣніи; ибо если иѣтъ рожденія, то по всей необходимости не будетъ и тлѣющаго. Прежде разложенія начинается сложеніе (сложеніемъ же называемъ появленіе на свѣтъ рожденіемъ): изъ сего непременно слѣдуетъ, что когда не предшествовало сложеніе, не послѣдуетъ и разложенія. Итакъ согласно съ вѣрою послѣдующая за симъ жизнь оказывается иѣкою постоянною и неразрушимою, неизмѣняемою ни рожденіемъ ни тлѣніемъ.

Гр. Когда наставница кончила это, поелику многимъ изъ сидящихъ съ нами показалось, что рѣчь достигла надлежащаго конца, то убоявшись, что не кому будетъ у насъ рѣшить

того, что о воскресеніи предлагается виѣнскими, если наставница потеритъ что отъ недуга (что дѣйствительно и случилось), -- говорю: рѣчь не коснулась еще самаго главнаго вопроса въ догматѣ: Богодухновенное Писаніе и въ новомъ и въ ветхозавѣтномъ ученіи говоритъ, что когда естество наше въ нѣкомъ порядкѣ и въ связи совершитъ полный оборотъ времени, непременно остановится наконецъ и сіе текущее движеніе, совершаемое преемствомъ рождаемыхъ, и какъ наполненіе вселенной не допуститъ уже возрастанія въ большее число, вся полнота душъ изъ невидимаго и разсѣяннаго состоянія опять возвратится въ собранное и видимое, при чемъ тѣже самыя стихіи сойдутся между собою въ ту же опять связь. А таковое состояніе жизни, по Божественному ученію Писаній, называется воскресеніемъ, при чемъ именемъ симъ означается все движеніе стихій при возстановленіи земнаго.

Мак. Посему о чемъ же изъ этого, говоритъ она, не упомянуто въ сказанномъ прежде?

Гр. О самомъ, говорю, догматѣ воскресенія.

Мак. Однакоже, говоритъ она, многое изъ того, что было говорено теперь пространно, ведетъ къ этой цѣли.

Гр. Не знаешь развѣ, сказалъ я, какой рои возраженій касательно этой надежды противопоставляется намъ противниками? И вмѣстѣ

намѣревался высказать, что въ опроверженіе воскресенія изобрѣтается любителями споровъ.

Мак. Но она говорить: прежде, кажется мнѣ, надлежитъ вкратцѣ повторить, что изложено о семъ догматѣ въ разныхъ мѣстахъ Божественнаго Писанія, чтобы этимъ можно было заключить наше слово. Такъ, слышу въ Божественныхъ пѣсняхъ чѣспословящаго Давида, когда предметомъ своей пѣсни избравъ устройство вселенной, въ сто третьемъ псалмѣ къ концу пѣснопѣнія говорить слѣдующее: *отъимеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновииши лице земли* (Пса. 103, 29, 30.); выражаетъ же симъ, что все во всемъ совершающая сила Духа животворить тѣхъ, въ комъ только она бываетъ, и обратно лишаетъ жизни тѣхъ, кого только оставляетъ. Итакъ, поелику сказуетъ, что при удаленіи Духа происходитъ исчезновеніе живыхъ тварей, а при появленіи Его возобновленіе исчезнувшихъ, исчезновеніе же по порядку рѣчи, предшествуетъ обновляемому; то утверждаемъ, что симъ самымъ возвѣщается Церкви тайна воскресенія, какъ пророческимъ духомъ предрекъ благодать сію Давидъ. Но и въ другомъ мѣстѣ тотъ же самый пророкъ говорить, что *Богъ* вселенной и *Господь* существъ *явился на нѣ* при составленіи праздника *во учающихъ* (Пса. 117, 27.), реченіемъ *учащеніе* давая

разумѣть праздникъ кушей , который , хотя древле узаконенъ былъ преданіемъ Моисеевымъ (при чемъ законодатель, какъ думаю, пророчески предрекъ будущее), однакоже, всегда будучи совершаемъ, не былъ еще совершенъ въ дѣйствительности; ибо въ образахъ загадочнымъ значеніемъ совершавшагося предугазывалась истина: самаго же истиннаго праздника кушей еще не было, но ради сего, по пророческому слову, *Богъ* всяческихъ и *Господь явися намъ*, чтобы для естества человѣческаго изъ разореннаго жилища нашего составила куща, опять собраніемъ стихій тѣлесно учащаемая. Ибо слово: *учащеніе*, по выражаемому въ немъ понятію, означаетъ одѣяніе и украшеніе имъ. Изреченіе же сіе въ псалмопѣніи имѣетъ такой видъ: *Богъ Господь, и явися намъ: составите праздникъ во учащающихъ до рогъ олтарезыхъ* (Пса. 117, 27.). И оно, кажется мнѣ, загадочно предвозвѣщаетъ со всею разумною тварію составленіе единаго праздника, на которомъ низшіе съ высшими ликовствуютъ вмѣстѣ въ собраніи добрыхъ. Ибо при прообразовательномъ устройствѣ храма не всѣмъ позволялось бывать внутри вѣншей ограды, но возбраняемъ былъ входъ всему языческому и иноплеменному, да и входящимъ внутрь не всѣмъ равно давался доступъ во внутреннѣйшее, а только очистившимъ себя иѣкимъ болѣе чистымъ образомъ

жизни и нѣкими кропленіями; и изъ нихъ опять не всѣмъ была доступна самая внутренность храма, но однимъ священникамъ дано было законное право, по нуждѣ священнодѣйствія, бывать внутрь завѣсы; а та неприступная и сокровенная часть храма, въ которой водруженъ былъ алтарь, украшенный нѣкими огражденіями изъ роговъ, закрыта была для входа и самихъ священниковъ, кромѣ одного, предстоятельствовавшего во священствѣ, который однажды въ годъ, въ нѣкій узаконенный день, совершая нѣкое неизглаголанное и таинственное священнослуженіе, одинъ входилъ во внутренность. Посему, когда такъ велика была разность въ этомъ храмѣ, который служилъ образомъ и подобіемъ духовнаго состоянія, соблюденіе предписаній, касающихся тѣла, научаетъ тому, что не все словесное естество приближается ко храму Божию, то есть къ исповѣданію великаго Бога; но тѣ, которые введены въ заблужденіе ложными предположеніями, находятся внѣ Божественной ограды; а изъ тѣхъ, которые за исповѣданіе допущены внутрь,—предпочтительнѣе другихъ предочистившіе себя кропленіями и чистотою жизни, и изъ нихъ посвященные уже имѣютъ большее преимущество сподобиться внутренняго тайноводства. Но чтобы кто могъ въ большую ясность привести значеніе загадки, должно ему дознать, при помощи научающаго

слова, что нѣкоторыя изъ разумныхъ силъ, какъ святой алтарь, водружены въ святилищѣ Божества, нѣкоторыя же опять и изъ сихъ представляются превосходящими, выставившись на подобіе роговъ; и другія около нихъ въ нѣкоемъ послѣдовательномъ порядкѣ занимаютъ первыя и вторыя мѣста. Родъ же человѣческій по прирожденной порочности изгнанъ изъ Божественной ограды, и очищенный банею омовенія допускается внутрь. Но поелику нѣкогда будутъ разорены сіи среднія преграды, которыми порокъ отдѣлилъ насъ отъ того, что внутрь завѣсы, то, когда естество наше воскресеніемъ снова воздвигнется въ кушу, и уничтожено будетъ всякое растлѣніе существъ, произведенное порокомъ; тогда окрестъ Бога для учащенныхъ воскресеніемъ составитя общій праздникъ, на которомъ всѣмъ предлежитъ одно и тоже веселіе, потому что никакая разность не раздѣляетъ болѣе разумнаго естества въ причасти равныхъ благъ, но и тѣ, которые нынѣ по порочности внѣ, будутъ нѣкогда внутрь святилищъ Божественнаго блаженства, и соединятся между собою *рогами олтаревыми*, то есть превосходнѣйшими изъ премірныхъ силъ. Откровеніе говоритъ о семъ Апостолъ, выражая всеобщее согласіе на доброе: *Ему всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Хри-*

стосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 10, 11.). Въмѣсто роговъ именуеть онъ ангельскій и небесный чинъ, а прочимъ означаетъ тварь, послѣ нихъ умопредставляемую,—то есть насъ, которыми всѣми возобладаетъ единый согласный праздникъ (и). Праздникъ же есть исповѣданіе и познаніе истинно Сущаго. Но можно, продолжаетъ она, собрать много и другихъ мѣстъ святаго Писанія въ подтвержденіе догмата о воскресеніи. Ибо Іезекіиль пророческимъ духомъ, миновавъ все среднее время и продолженіе онаго, останавливается силою предвѣдѣнія на самомъ времени воскресенія, и взирая на будущее, какъ уже на настоящее, представляетъ взору въ повѣствованіи своемъ. Видитъ онъ поле великое, простирающееся въ безпредѣльность, и на немъ кости, то собранныя въ великую кучу, то разметанныя, какъ ни есть, по разнымъ мѣстамъ; потомъ Божественною силою сдвигаются онѣ съ сродными и своими собственными, и входятъ въ свои составы; потомъ покрываются

(и) Въ семь мѣстъ, по нѣкоторымъ спискамъ, читается слѣдующее замѣчаніе: „о какомъ будущемъ празднествѣ безплотныхъ Ангеловъ и челоуѣковъ говорить? О томъ, когда всѣ согласно исповѣдаютъ бытіе единаго Бога. Итакъ въ разсужденіи богопознанія всѣ будутъ согласны между собою, грѣшныя и праведныя: но не одинаковой будутъ пользоваться участію. Иначе гдѣ будетъ справедливость? Но одни будутъ наслаждаться царствомъ небеснымъ, а другіе, по изреченію апостольскому, будутъ внѣ его“.

онѣ жилами, плотями и кожами (что псалмопѣніе называетъ *учащаемыми*), и духъ животворить и возбуждаетъ все, что лежало на полѣ (Іезек. 37, 1—10.). Что же кто либо скажетъ о томъ изображеніи у Апостола чудесъ по воскресеніи, которое подъ руками у читающихъ, и въ которомъ говоритъ Писаніе, что по цѣлому повелѣнію, по звуку трубъ, во мгновеніе времени все мертвое и лежащее вдругъ измѣнится въ состояніе естества безсмертнаго (1 Сол. 11, 16.)? Но не будемъ повторять евангельскія изреченія, какъ всѣмъ извѣстныя: ибо не словами только говоритъ Господь, что мертвые воскреснутъ, но дѣйствительно производитъ самое воскресеніе, начавъ чудотвореніе съ того, что ближе къ намъ, и что менѣе могло казаться невѣроятнымъ. Ибо сначала въ смертельныхъ болѣзняхъ показываетъ животворящую силу, повелѣніемъ и словомъ прогоняя недуги; потомъ воздвигаетъ недавно умершую отроковицу; потомъ юношу, выносімаго уже на погребеніе, возставивъ съ одра, отдаетъ матери; послѣ сего разлагавшагося уже четверодневнаго мертвеца Лазаря живымъ изводитъ изъ гроба, гласомъ и повелѣніемъ оживотворивъ лежащаго; потомъ Себя самаго — человѣка, пронзеннаго гвоздями и коніемъ, воскрешаетъ изъ мертвыхъ въ третій день, мѣста гвоздей и ударъ коня представляя во свидѣтельство

воскресенія. О семъ не почитаю нужнымъ и распространяться; потому что нѣтъ никакого сомнѣнія въ пріявшихъ написанное.

Гр. Но вопросъ не о томъ, сказалъ я; что будетъ нѣкогда воскресеніе и человѣкъ предстанетъ на нелицепріятный судъ, — съ этимъ, и по причинѣ доказательствъ изъ Писанія, и на основаніи уже изслѣдованнаго, согласятся многіе изъ слышащихъ. Остается же разсмотрѣть, согласно ли съ нынѣшнимъ будетъ и уповаемое? Но если дѣйствительно такъ будетъ; то сказалъ бы я, что лучше бѣжать отъ людей надеждѣ воскресенія. Ибо, если тѣла человеческія какими бывають при концѣ жизни, таковыми опять возстановлены будутъ въ жизнь; то люди въ воскресеніи надѣются себѣ какого-то нескончаемаго бѣдствія. И можетъ ли быть какое зрѣлище болѣе жалкое этого, когда въ крайней старости согбенныя тѣла претворятся въ что-то гнусное и безобразное, потому что плоть истощена въ нихъ временемъ, морщинистая кожа присохла къ костямъ? Поелику жилы стянуты, какъ неутучняемыя уже естественною влагою, а потому все тѣло сжалось; то представляется странное и жалкое какое-то зрѣлище, потому что голова приклонена къ колѣну, рука, неспособная къ естественной дѣятельности, съ дрожью, невольно всегда суется туда и сюда. Каковы опять тѣла у изнуренныхъ продолжительными болѣз-

нями, тѣмъ только отличающіяся отъ голыхъ костей, что кажутся прикрытыми тонкою и уже изветшавшею кожею? Каковы у опухшихъ отъ водяной болѣзни? А у одержимыхъ (такъ называемою) свящиною болѣзнію какое слово возможетъ представить взору безобразное искаженіе тѣла? Какъ постепенно распростра- няющаяся у нихъ гнилость поядаетъ всѣ чле- ны, и орудные и чувствительныя? Что ска- жетъ кто либо объ изувѣченныхъ во время землетрясеній или на войнахъ, или отъ другой какой причины, и прежде смерти нѣсколько времени прожившихъ въ этомъ бѣдственномъ состояніи, или объ имѣвшихъ отъ рожденія, по какому либо поврежденію, цѣлую жизнь изуродованные члены? Что же должно думать о новорожденныхъ младенцахъ, подкидывае- мыхъ, задушаемыхъ, гибнущихъ случайно? Если таковые опять возвращены будутъ въ жизнь, то останутся ли во младенчествѣ? Что бѣдственнѣе этого?—Но они достигнутъ мѣры возраста? А какимъ млекою воспитаетъ ихъ опять природа? Поэтому, если опять оживетъ у насъ тѣло по всему то же,—ожидаемое бѣд- ственно. А если не то же,—воскрешаемый бу- детъ нѣкто другой, а не лежащій во гробѣ. Ибо если положенъ ребенокъ, а встанетъ совершенно возрастной, или на оборотъ; то какъ можно сказать, что воскрешенъ самый мертвецъ,—когда погребенный измѣнился по

разности возраста? Ибо не другаго ли видить вмѣсто одного, предъ кѣмъ вмѣсто ребенка совершенно возрастный, вмѣсто старца—цвѣтущій возрастомъ, вмѣсто изможденнаго—здоровый, вмѣсто изсохшаго—дородный, а также и все другое, подробнымъ нечисленіемъ чего затруднилось бы слово? Если тѣло оживетъ опять не такимъ же, какимъ было, когда предавалось землѣ, то не мергвое воскреснетъ, но земля снова претворится въ инаго человѣка. Посему, что для меня воскресеніе, если вмѣсто меня оживетъ нѣкто другой? Какъ узнать мнѣ самага себя, видя въ себѣ уже не себя? Ибо не буду подлинно я, если не буду по всему тотъ же съ самимъ собою. Какъ и въ настоящей жизни, если имѣю въ памяти чьи либо черты, предположу для слова, что такой-то плѣшивъ, съ большими губами, курносъ, бѣлотѣль, съ голубыми глазами, съ сѣдиною въ волосахъ, съ морщинистымъ тѣломъ, потомъ, отыскивая его, встрѣчаюсь съ молодымъ, длинноволосымъ, горбоносимъ, смуглымъ, и всѣ прочія черты лица имѣющимъ инаго вида: ужели, смотря на послѣдняго, признаю за перваго? Но какая нужда медлить болѣе надъ слабѣйшими возраженіями, оставивъ сильнѣйшія? Ибо кому не извѣстно, что естество человѣческое подобно какому-то потоку; человѣкъ отъ рожденія до смерти всегда въ какомъ-то движеніи, и тогда прекращается въ

немъ движеніе, когда перестаетъ существовать. Движеніе же это—не мѣстная какая либо перестановка, не само изъ себя выходитъ естество, но поступаетъ впередъ чрезъ измѣненіе. Измѣненіе же, пока оно продолжается, не останавливается на одномъ и томъ же (ибо какъ возможно сохраниться въ тождествѣ измѣняющемуся?); но какъ огонь на свѣтильнѣ, по видимому, кажется всегда однимъ и тѣмъ же, потому что непрестанное всегда движеніе даетъ видѣть, что онъ непрерывно тотъ же, и самъ съ собою связанъ; на самомъ же дѣлѣ, всегда самъ за собою преемственно слѣдуя, никогда не остается однимъ и тѣмъ же, ибо извлекаемая теплою влагою вѣсть и воспламеняется, и сгарая претворяется въ дымъ. и силою измѣненія производится всегда движеніе пламени, сгаравшій предметъ измѣняющее собою въ дымъ: носему два раза въ одномъ и томъ же мѣстѣ дотрогивающемуся до пламени невозможно въ оба раза коснуться одного и того же; скорость измѣненія не дожидается прикасающагося оиятъ въ другой разъ, съ какою бы поснѣшностію ни сдѣлалъ онъ это; напротивъ того пламень всегда есть новый, всякій разъ только что происшедшій, всегда самъ за собою слѣдующій и никогда не остающійся однимъ и тѣмъ же; нѣчто подобное происходитъ и съ естествомъ нашего тѣла. Ибо что всегда притекаетъ и утекаетъ въ

естествѣ нашемъ, то, проходя и движась всегда движеніемъ измѣненія, тогда только останавливается, когда прекращается и жизнь. Пока тѣло живо, нѣтъ въ немъ остановки; или наполняется, или испаряется,—или тѣмъ и другимъ непременно поддерживаетъ всегда бытіе свое. Посему, если человекъ и послѣ вчерашняго дня, уже не тотъ же, по влѣдствіе измѣненія дѣлается другимъ: то, когда воскресеніе возвратитъ опять тѣло наше къ жизни, тогда одинъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается какою-то толпою людей, такъ что въ воскресшемъ будетъ все безъ недостатка, младенецъ, ребенокъ, отрокъ, юноша, мужъ, отецъ, старецъ и всякій средній возрастъ. А какъ цѣломудріе и ненотребство приводятся въ дѣло плотию, какъ и тѣ, которые за благочестіе претерпѣваютъ мучительныя казни, и тѣ, которые по изнѣженности не выносятъ ихъ, то и другое выказываютъ тѣлеснымъ чувствомъ: то какъ возможно на судѣ сохраниться справедливости? Или когда одинъ и тотъ же нынѣ согрѣшитъ, потомъ очиститъ себя поканіемъ, и если случится, опять поползнется въ грѣхъ, тѣло же и оскверненное и неоскверненное по естественной послѣдовательности измѣнится, и ни котораго изъ нихъ не станетъ на всегда; тогда какое тѣло будетъ наказано у ненотребнаго? Покрывшееся ли морщинами въ старости передъ смертію? Но это уже иное, а не то,

которымъ сдѣланъ грѣхъ. Или осверженное страстію? Гдѣ же старецъ? Посему, или не воскреснетъ онъ, и воскресеніе не дѣйствительно; или онъ будетъ воскрешенъ, и избѣжитъ наказанія подлежащей ему. Скажу и иное нѣчто изъ возражаемаго намъ неприемлющими ученія сего. Природа, говорятъ они, ни одной части въ тѣлѣ не оставила безъ дѣла: въ однихъ заключаются причина и сила нашей жизни, безъ нихъ не можетъ состоять плотская жизнь наша, — таковы напримѣръ: сердце, печень, мозгъ, легкое, чрево, и прочія внутренности; другимъ предназначено въ удѣлъ движеніе чувственное; отпращиваніемъ иныхъ — дѣятельность и переходеніе съ мѣста на мѣсто; а другимъ дана способность къ произведенію потомства. Посему если послѣдующая за симъ жизнь наша будетъ состоять въ томъ же; то преставленіе бываетъ напрасно. Если же истинно то слово (какъ и дѣйствительно оно истинно), которымъ опредѣляется, что въ жизни по воскресеніи не имѣетъ мѣста бракъ, и что жизнь поддерживается тогда не пищею и питіемъ: то какое употребленіе будетъ изъ сихъ членовъ тѣла, когда въ оной жизни не ожидается отъ нихъ того, ради чего имѣемъ тѣ члены нынѣ? Ибо если для брака — то, что служитъ къ браку, то когда не будетъ брака, не будемъ имѣть нужды въ служащемъ къ оному. Такъ къ дѣлу служатъ руки, къ

хожденію ноги, къ принятію нищи уста, къ пережевыванію зубы, къ перевариванію внутренности, къ изверженію оказавшагося ненужнымъ исходные пути. Посему, когда не будетъ оныхъ отравленій, почему или для чего будетъ и устроенное для нихъ? А въ слѣдствіе сего, если не будетъ въ тѣлѣ того, что нимало не можетъ содѣйствовать къ оной жизни.—необходимо не быть въ немъ ничему, составляющему тѣло нынѣ; потому что жизнь состоять будетъ въ другомъ. Иный же не назоветъ и воскресеніемъ такой перемѣны въ тѣлѣ, при которой ниодинъ изъ членовъ его, по безполезности своей въ оной жизни, не возстанетъ съ тѣломъ. Если же воскресеніе во всѣхъ этихъ членахъ окажетъ свое дѣйствіе, то Содѣтель воскресенія содѣластъ напрасное для насъ и безполезное для будущей жизни. Но надлежитъ вѣрить, что и воскресеніе будетъ, и будетъ ненапрасно. Итакъ слову должно внимательно разсмотрѣть ученіе, чтобы въ догматѣ семъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилась у насъ правильность.

Мак. Когда же выговорилъ я это; не безъ достоинства, говоритъ наставница, нападалъ ты на догматы о воскресеніи, по такъ называемой риторикѣ, и убѣдительныя возраженія со всѣхъ сторонъ противопоставилъ истинѣ, такъ что не очень вникающіе въ тайну истины, вѣроятно, поколебались нѣсколько въ ученіи,

и подумали, что не даромъ возбуждено сомнѣніе въ сказанномъ. Но истина не такова, продолжаетъ она; хотя мы не въ состояніи съ подобнымъ риторскимъ искусствомъ отвѣчать на возраженія; однакоже истинное о семъ ученіе сберегается въ тайныхъ сокровищахъ премудрости, и тогда сдѣлается явнымъ, когда самымъ дѣломъ изучимъ тайну воскресенія, и не будетъ уже намъ пужды въ словахъ къ обнаруженію уповаемаго. Но какъ послѣ длинныхъ рѣчей, бодрствующему ночью высказанныхъ о свѣтлости солнца, — какова она, словесное это описаніе дѣлаетъ ни къ чему неслужащимъ едва только появившаяся пріятность луча: такъ всякій помысль, гадательно касающійся будущаго состоянія, окажется ничтожнымъ, когда ожидаемое совершится съ нами на опытѣ. Но поелику надобно сдѣланныя намъ возраженія не оставлять вовсе неизслѣдованными, то поведемъ о нихъ рѣчь такъ: надлежитъ прежде уразумѣть, какая цѣль догмата о воскресеніи, ради чего и изречено сіе въ святомъ словѣ. и составляетъ предметъ вѣрованія. Посему, чтобы можно было сіе представить въ объемѣ какого либо опредѣленія, скажемъ такъ: воскресеніе есть возстановленіе нашего естества въ первобытное состояніе. Но въ первой жизни, Создателемъ которой былъ самъ Богъ, не было, какъ вѣроятно. ни старости, ни дѣтства, ни страданій

отъ многообразныхъ недуговъ, ни другаго какаго либо бѣдственнаго тѣлеснаго положенія, потому что неестественно было Богу создать что либо подобное. Напротивъ того, пока въ человѣчествѣ не произошло стремленія къ злу, естество человѣческое было Божиимъ и бжннмъ достояніемъ. Но все сіе вторгнулось въ насъ вмѣстѣ со входомъ порока. Посему жизнь безъ порока не возьмѣтъ никакой нужды въ томъ, что произошло отъ порока. Ибо какъ необходимое послѣдствіе у совершающаго въ стужу путь озябнуть тѣлу, или у идущаго подъ зноемъ лучей загорѣть поверхности тѣла; а если не будетъ ни жара ни стужи, то, безъ сомнѣнія, и путникъ освободится отъ загара и отъ озноба, и неосновательно сталъ бы кто спрашивать, отъ какой произошло это причины, когда причины нѣтъ: такъ естество наше, содѣлавшись страстнымъ, встрѣтилось съ необходимыми послѣдствіями страстной жизни; но, возвратившись опять къ безстрастному блаженству, не подвергнется уже послѣдствіямъ порока: Итакъ, поелику всего того, что къ естеству человѣческому примѣшалось изъ жизни безсловесныхъ, прежде въ насъ небыло, пока человѣчество не впадо въ страсть по причинѣ порока; то необходимо, оставивъ страсть, оставимъ вмѣстѣ и все, что при ней усматривается. Поэтому неосновательно сталъ бы кто доискиваться въ будущей жизни того,

что произошло въ насъ по страсти. Какъ, если кто, имѣя на себѣ изорванный хитонъ скинетъ съ себя эту одежду; то не увидитъ уже на себѣ неблагообразія того, что сброшено: такъ когда и мы совлечемся мертвеннаго этого и гнуснаго хитона, наложеннаго на насъ изъ кожъ безсловесныхъ животныхъ (а слыша о кожѣ, думаю разумѣть наружность безсловеснаго естества, въ которую облеклись мы, освоившись со страстію); тогда все, что было на насъ изъ кожи безсловесныхъ, свергнемъ съ себя при совлеченіи хитона. А воспринятое нами отъ кожи безсловесныхъ—плотское смѣщеніе, зачатіе, рожденіе, нечистота, сосцы, пища, изверженіе, постепенное прихожденіе въ совершенный возрастъ, зрѣлость возраста, старость, болѣзнь, смерть. Посему, если не будетъ при насъ этого, то какъ останется у насъ происшедшее отъ сего? Потому при надеждѣ, что другое нѣкое состояніе послѣдуетъ въ будущей жизни, напрасное дѣло догмату о воскресеніи противопоставать, что не имѣетъ ничего общаго съ жизнію по воскресеніи. Ибо морщиноватость и дородность тѣла, сухощавость и полнота, и все иное, что бываетъ съ текущимъ естествомъ тѣла, что общаго имѣютъ съ оною жизнію, которая чужда текущаго и скоропреходящаго препровожденія настоящей жизни? Одного только требуетъ понятіе о воскресеніи, чтобы

пришелъ человѣкъ въ бытіе рожденіемъ, или лучше сказать, какъ говоритъ Евангеліе, *родился человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21.); о продолжительности же или краткости жизни, и о смерти. — такимъ или инымъ образомъ она прилучилась, — напрасное дѣло входить въ изслѣдованіе при мысли о воскресеніи. Такъ, или иначе, допустимъ ее предположительно; выйдетъ, конечно, одно и то же, потому что отъ таковаго различія нѣтъ ни затрудненія, ни удобства въ воскресеніи. Начавшему жить, безъ сомнѣнія, надлежитъ жить, какъ скоро разрушеніе, произведенное въ немъ смертію, исправлено будетъ воскресеніемъ. А какъ, или когда, бываетъ разрушеніе, что въ этомъ воскресенію? Къ другой цѣли клонится разысканіе сего, напрімѣръ въ удовольствіи ли кто жилъ, или въ скорби, добродѣтельно или порочно, похвально или предосудительно, бѣдственно или счастливо проводилъ время. Ибо все это и подобное сему открывается изъ мѣры и образа жизни: и въ такомъ случаѣ для произнесенія суда надъ проведенною жизнью необходимо будетъ судіѣ изслѣдовать страсть, утрату, болѣзнь, старость, зрѣлость возраста, юность, богатство, убожество, какъ человѣкъ, находясь въ каждомъ изъ сихъ обстоятельствъ, хорошо или худо проводилъ жизнь доставшуюся ему въ удѣлъ, и долгое ли время испытывалъ много благъ или золъ,

или не коснулся вовсе и начала тѣхъ и другихъ, кончивъ жизнь въ несовершенномъ еще разумѣ? Но когда Богъ воскресеніемъ возвратитъ естество человѣческое въ первобытное его устройство; тогда не нужно будетъ говорить о подобномъ сему, и думать, будтобы таковыя затрудненія воспрепятствуютъ силѣ Божіей въ достиженіи цѣли. А цѣль у Бога одна, — когда людьми, однимъ послѣ другаго, совершится уже вся полнота естества нашего, одни вскорѣ послѣ сей жизни окажутся уже чистыми отъ порока, другіе въ надлежащія послѣ сего времени испытаютъ врачество огня, иные же найдутся непознавшими на опытъ въ сей жизни равно ни добра, ни зла, — всѣмъ предоставитъ причащеніе благъ въ Немъ сущихъ, которыхъ, говоритъ Писаніе, ни око не видитъ, ни слухъ не слышитъ, и которыя помысламъ не бываютъ доступны (1 Кор. 2, 9.). А это, по моему понятію, не иное что значить, какъ пребываніе въ самомъ Богѣ; ибо благо, превосходящее слухъ, око, сердце, само будетъ превысшимъ всего. Разность же добродѣтельной или порочной жизни послѣ сего наипаче окажется въ томъ, что скорѣе или позднѣе приобщится человѣкъ умоваемаго блаженства; ибо мѣрѣ привзошедшей въ каждого порочности будетъ, конечно, соответствовать и продолжительность врачеванія. Врачеваніемъ же души будетъ очищеніе отъ пороч-

ности. А это не можетъ быть благоусиѣннымъ безъ болѣзненнаго расположенія, какъ по предшествовавшему изслѣдовацію найдено. Но лучше познаеть излишество и непригодность возраженій, кто выкинетъ во глубину апостольской мудрости; пбо Апостоль, уясняя тайну сію коринѣянамъ, которые, можетъ быть, представляли ему тоже самое, что противоплагается нынѣ востающими на догматъ къ опроверженію пріемлемаго вѣрою, собственнымъ своимъ достоинствомъ низлагая дерзость ихъ невѣжества, говоритъ такъ: скажете ли мнѣ: *како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ придутъ?* Безуміе, продолжаетъ Апостоль, *ты еже спеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже спеши, не тѣло будущее спеши, но толо зерно, аще случится, пшеницы, или иное какое изъ сѣмень: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ* (1 Кор. 15, 35—38.). Здѣсь, кажется мнѣ, Апостоль заграждаетъ уста незнающимъ собственныхъ мѣръ естеству, по своей крѣпости судящихъ о Божіей силѣ, полагающихъ, что столько возможно и Богу, сколько вмѣщаетъ человѣческое понятіе, а что выше насъ, то превосходить и Божіе могущество. Ибо вопросившіи Апостола: *како востанутъ мертвіи?* выдаетъ за невозможное разсѣяннымъ стихіямъ тѣла придти опять въ соединеніе; и какъ сего быть не можетъ, другаго же тѣла кромѣ соединенія стихій и возможности не остается,

то, по примѣру сильныхъ въ словопреніи, по нѣкоей послѣдовательности заключивъ изъ предположеннаго имъ, говоритъ: если тѣло есть собраніе стихій, а вторичное ихъ соединеніе невозможно, то какимъ тѣломъ воспользуются воскресающіе? Посему, что казалось для нихъ соплетенымъ съ какою-то искусственною мудростію, Апостоль назвалъ безуміемъ неусматривающихъ превосходства Божія могущества въ прочей твари: ибо, оставивъ высшія чудеса Божія, которыми могъ въ недомысліи привести слушателя, на примѣръ: что такое тѣло небесное, и откуда оно? что такое тѣло солнечное, или лунное, или видимое въ звѣздахъ? что такое эфиръ, воздухъ, вода, земля? — неосмотрительность возражающихъ изобличаетъ тѣмъ, что обыкновенно при насъ и намъ обще. Не учить ли тебя земледѣліе, говоритъ, что суетень по своей мѣрѣ гадающей о силѣ Божіей, превосходящей всякую мѣру? Отъ чего изъ сѣменъ вырастаютъ тѣла? Что предшествуетъ ихъ прозябенію? Не смерть ли, если только разложеніе составившагося есть смерть? Ибо сѣмя не дало бы ростка, не разложившись въ земной глыбѣ, не сдѣлавшись разбухшимъ и многосквациннымъ, такъ чтобы могло своимъ качествомъ входить въ единеніе съ окружающею влагою, и такимъ образомъ претворяться въ корень и отростокъ, и на этомъ не останавливаться, но пре-

вращаться въ стебель, какъ бы нѣкими свя-
зями препоясуемый по срединѣ колѣнами, что-
бы въ прямомъ видѣ могъ нести на себѣ обре-
менный плодомъ колосъ. Посему, гдѣ было
это, появляющееся изъ зерна пшеницы, прежде
разложенія его въ земной глыбѣ? Однако же
есть это въ зернѣ. А если бы не было того
прежде, то не произошло бы и колоса. По-
сему, какъ тѣло колоса рождается изъ сѣмени,
потому что сила Божія изъ сего послѣдняго
художнически производитъ первое, и оно и
не совершенно одно и тоже съ сѣменемъ, и
не вовсе отъ него отлично: такъ, говоритъ
Апостолъ, и тайна воскресенія протолковы-
вается тебѣ уже въ чудодѣйствуемомъ надъ
сѣменами, такъ что сила Божія, по преиз-
бытку власти, не только разложившееся воз-
вращаетъ тебѣ снова, но даетъ тебѣ при семъ
иное великое и прекрасное, чѣмъ естество при-
водится для тебя въ большее велелѣнїе. *Съет-*
ся, сказано, въ тлѣнїе, востаетъ въ нетлѣнїи:
съется въ немощи, востаетъ въ силѣ: съется
не въ честь, востаетъ въ славу: съется тѣло
душевное, востаетъ тѣло духовное (1 Кор. 15,
42—44.). Ибо какъ пшеничное зерно по раз-
ложенїи своемъ въ земной глыбѣ, оставивъ
количественную малость и въ качествѣ наруж-
наго вида отличительное свойство свое, не
утратило само себя, но, само въ себѣ пре-
бывая, дѣлается колосомъ, весьма много

отличаясь отъ себя самаго величиною, красотою, разнообразіемъ и наружностію: такимъ же образомъ и естество человѣческое, оставивъ въ смерти всё свои отличительныя свойства, какія приобрѣла страстнымъ расположеніемъ,—разумѣю не честь, тѣніе, немощь, разности возраста, не утратило себя самаго; но какъ бы въ колосъ какой премѣняется въ цѣтѣніе, славу, честь, силу, совершенство во всемъ; и жизнь его не естественными управляется уже свойствами, но переходитъ въ иѣкое духовное и безстрастное состояніе: потому что самое свойство тѣла душевнаго состоитъ въ томъ, чтобы, въ слѣдствіе какого-то теченія и движенія, всегда измѣняться, и изъ состоянія, въ какомъ находится, переходитъ въ другое. Ибо, что нынѣ усматриваемъ прекраснымъ не въ людяхъ только, но и въ растеніяхъ и въ скотахъ, ничего того не останется въ тогдашней жизни. Но и во всемъ апостольское слово, кажется мнѣ, согласно съ нашимъ понятіемъ о воскресеніи, и показываетъ то самое, что содержитъ въ себѣ наше опредѣленіе, говоря, что воскресеніе не иное что есть, какъ возстановленіе нашего естества въ первобытное состояніе. Ибо въ началѣ міротворенія, какъ дознаемъ это изъ Писанія, сперва, какъ говоритъ слово, прорастила земля *быліе травное* (Быт. 1, 12.), потомъ изъ ростка произошло сѣмя, отъ котораго, когда пало на землю, воз-

шелъ опять тотъ же самый *родъ* произросшаго первоначально. Но сіе, говоритъ божественный Апостолъ, совершается и при воскресеніи. Не тому же только научаемся у него, что чело-вѣчество премѣнится въ большое велелѣпіе, но и что упваемое не иное что есть, какъ тоже самое, что было въ началѣ. Такъ какъ первоначально не колосъ изъ сѣмени, но сѣмя изъ колоса; послѣ же сего колосъ вырастаетъ изъ сѣмени; то послѣдовательность, примѣчаемая въ примѣрѣ, ясно показываетъ, что все блаженство, какое произрастетъ намъ въ воскресеніе, восходитъ до первоначальной благодати. Ибо и мы, первоначально нѣкоторымъ образомъ бывъ колосомъ, послѣ того засушены зноемъ порока. Но земля, принявъ насъ, разложенныхъ смертію, въ весну воскресенія, это голое зерно тѣла снова покажетъ колосомъ добророслымъ, вѣтвистымъ, прямымъ и простирающимся въ небесную высоту, вмѣсто соломы, или стебля, украшеннымъ петлѣніемъ и прочими боголѣпными признаками: *подобаетъ бо, сказано, тльному селу облещися въ петлїе* (1 Кор. 15, 53.). А нетлѣніе, слава, честь и сила, какъ исповѣдуемъ, принадлежать собственно Божію естеству, и они были прежде у созданнаго по образу, и снова ожидаются. Ибо первымъ колосомъ былъ первый челоуѣкъ Адамъ; но послѣ со входомъ порока естество раздѣлилось на множество, то.

какъ бываетъ съ плодомъ въ колосѣ, такъ мы, одинъ по одному, совлекшіеся вида, подобно одному колосу, и смѣшавшіеся съ землею, въ воскресеніе вмѣсто одного перваго колоса ставъ безчисленными тьмами жатвъ, снова произраждаемся въ первобытной красотѣ. Жизнь же добродѣтельная будетъ имѣть ту разность съ порокомъ, что здѣсь еще въ продолженіе жизни воздѣлывавшіе себя добродѣтелию тотчасъ произрастутъ въ совершенный колосъ; а у кого сила въ душевномъ сѣмени въ продолженіе сей жизни стала какою-то истощенною и увядшею отъ порока, тѣ, по словамъ свѣдущихъ въ подобномъ сему, какъ бываетъ съ такъ называемыми роговыми наростами, хотя и произрастутъ въ воскресеніе, но срѣтятъ великую строгость у судіи, такъ какъ они не въ состояніи придти въ видъ колоса и стать тѣмъ, чѣмъ были мы до ниспаденія до земли. Хожденіе же приставника за урожаемъ состоитъ въ собраніи плевель и терній, произросшихъ вмѣстѣ съ сѣменемъ, — потому что вся сила, питающая корень, перелилась въ подложное сѣмя, отъ чего настоящее осталось непитательнымъ и нездорѣвшимъ, заглушенное произрастеніемъ противоестественнымъ. Посему, когда въ питательномъ ослаблено будетъ и придетъ въ уничтоженіе все, что есть въ немъ подложнаго и чуждаго, по истребленіи огнемъ противоестественнаго, — тогда и естество ни-

тающихъ сѣмень будетъ имѣть обильную нищу, и созрѣетъ въ плодъ, при такомъ попеченіи (i), воспріявъ общій видъ, первоначально данный намъ отъ Бога. Но блаженны тѣ, въ которыхъ немедленно, едва порождаются въ воскресеніе, возсіяваетъ совершенная красота класовъ. Говоримъ же сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы въ воскресеніе тѣлесная нѣкая разность обнаружится въ жившихъ добродѣтельно или порочно, такъ чтобы одного почитать несовершеннымъ по тѣлу, а другаго признавать достигшимъ совершенства; напротивъ того, какъ въ продолженіе жизни, и узникъ и живущій на свободѣ, оба подобны между собою тѣломъ, но великая между обоими разность въ удовольствіи и въ печали: такъ, полагаю, надлежитъ заключать и о разности добрыхъ и злыхъ въ будущее время. Ибо совершенство тѣлъ, возрастающихъ изъ посѣяннаго, по словамъ Апостола, состоитъ въ нетлѣннѣ, славѣ, чести и силѣ; умаленіе же таковыхъ качествъ означаетъ не тѣлесное нѣкое отсѣченіе возросшаго, но отъятіе и отчужденіе каждаго свойства, представляемаго добрымъ. Итакъ, поелику представляемому о насъ непременно надлежитъ быть чѣмъ либо однимъ изъ противоположнаго, или добромъ, или зломъ; то явно, что сказать

(i) Слова: *μικρῆς κατὰ περίοδοις*, какъ не читающіеся по многимъ спискамъ, въ переводѣ сущены.

о комъ либо: онъ не въ добрѣ, послужить доказательствомъ, что онъ непремѣнно во злѣ. А въ порокѣ нѣтъ ни чести, ни славы, ни истлѣнія, ни силы. Посему совершенно необходимо, въ комъ нѣтъ сего, о томъ принять за несомнѣнное, что въ немъ есть представляемое по противоположности, — немощь, нечесть, тлѣніе и все, что подобнаго тому рода, о чемъ говорено въ предыдущихъ словахъ, что трудно бываетъ освободиться отъ душевныхъ страстей, происходящихъ отъ порока, всецѣло срастворившихся и сросшихся съ душою, обратившихся съ нею въ нѣчто единое. Поэтому, по очищеніи и истребленіи таковыхъ страстей огненными врачевствами, мѣсто cadaго свойства замѣнить собою представляемое лучшимъ: нетлѣніе, жизнь, честь, благодать, слава, сила, и если еще что иное сему подобное представляемъ умосозерцаемымъ и въ самомъ Богѣ и въ Его образѣ. то есть въ естествѣ человѣческомъ.

17. О МЛАДЕНЦАХЪ,

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПОХИЩАЕМЫХЪ СМЕРТЮ.

КЪ ІЕРІЮ.

Тебѣ, доблестный мужъ, всѣ витѣи и словесники покажутъ, конечно, силу въ словѣ, пускаясь, какъ бы на поприще какое, на описываніе множества чудныхъ дѣлъ твоихъ; потому что какой либо важный и обширный предметъ, о которомъ и слово бываетъ высоко, возвышаемое величіемъ дѣлъ, когда предложенъ онъ сильнымъ въ словѣ, обыкновенно дѣлаетъ рѣчь какъ-то еще болѣе велегласною. Но мы, подобно устарѣвшимъ конямъ, оставаясь внѣ поприща, на которомъ состязуются, направимъ только слухъ къ состязаніямъ произносимыхъ о тебѣ рѣчей, не достигнетъ ли до насъ какой либо звукъ отъ слова, летящаго на стремительной и быстрой

колесницѣ, при описаніи чудныхъ дѣлъ твоихъ. Поелку же бываетъ, что конь, хотя по старости остается въ ристалища, но перѣдко топотомъ скачущихъ возбужденный къ ретивости, поднимаетъ голову, смотритъ, какъ готовый къ ристанію, дышетъ раздраженно, часто двигаетъ ногами, ударяя копытами въ помость, и одна только ретивость у него къ ристанію, а сила бѣжать давно истощена временемъ; подобнымъ сему образомъ и наше слово, по старости не входя въ состязаніе и уступая поприще сильнымъ ученостію, показываетъ тебѣ одно усердіе, съ какимъ желалъ бы подвизаться за тебя, если бы и мои силы процвѣтали, какъ и у тѣхъ, которые нынѣ стали сильны въ словѣ. Доказательство же усердія моего состоитъ не въ томъ, чтобы повѣствовать что-либо о твоихъ дѣлахъ; ибо въ этомъ едвали уснѣеть сильное и напряженное слово, и не останется много ниже достоинства. истолковывая эту необъяснимую стройность нрава, срастворенную изъ противоположностей. Какъ природа, нависшими бровями отѣняя чистый блескъ лучей, доставляетъ глазамъ срастворенный свѣтъ, такъ что пріятнѣе дѣлается сіяніе солнца, соразмѣрно потребности срастворяемое тѣнію бровей: такъ степенность и высокость нрава, соединенныя въ мѣру съ смиренномудріемъ, не отвращаютъ отъ себя взоровъ взирающихъ на это, но дѣ-

лаютъ, что смотря съ удовольствіемъ, такъ что и блистательность степенности не помрачается, и утаеваемое внутри не пренебрегается за смиреніе, но въ чемъ либо одномъ изъ этого равно усматривается и другое, — въ высокомъ простота, и наоборотъ въ смиренномъ степенность. — Пусть другой описываетъ это, и воспѣваетъ многоочитость души: власамъ на главѣ равночисленны, можетъ быть, душевныя очи, всюду равно быстро и вѣрно видящія, такъ что и далекое усматриваютъ, и о близкомъ не остаются въ невѣдѣніи, учителемъ полезнаго не ждуть себѣ опыта; а напротивъ того одно провидитъ очами надежды, другое знаетъ по памяти, а шое обозрѣваетъ въ настоящемъ, и все это въ совокупности, не смѣшивая, приводитъ въ исполненіе на всѣ таковыя дѣйствія примѣнительно раздѣляющійся умъ.

Досточтимому же богатству нищеты да дивится опять, кто въ нашъ вѣкъ умѣетъ подобное сему вмѣнять въ похвалу и чудо. Но, можетъ быть, если не было сего прежде, то нынѣ ради тебя процвѣтетъ любовь къ нищетѣ, и вмѣсто многоталантныхъ плинѣвъ Крезовыхъ убажено будетъ то, что самъ ты уподобился плинѣвъ; ибо кого столько блаженнымъ показали суша и море, снабжающія тѣмъ, что доставляютъ, сколько блаженною показала твою жизнь нерасположеніе къ вещественному

изобилію? Какъ очищающіе съ желѣза ржавчину дѣлають его свѣтлымъ и серебристымъ: такъ у тебя лучъ жизни сталъ явственнѣе, непрестанно съ рачительностію очищаемый отъ денежной ржавчины. Пусть предоставлено будетъ и это сильнымъ въ словѣ, а также и то, какъ хорошо знаешь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ славнѣе брать, нежели быть чистымъ отъ взятокъ. Ибо позволь мнѣ съ дерзновеніемъ сказать, что не всякія взятки ты презираешь; но до чего изъ бравшихъ прежде тебя никто не могъ еще коснуться, за то одинъ хватася обѣими руками: ибо вмѣсто какой либо одежды, или невольниковъ, или денегъ, берешь самыя души человѣческія, и слагаешь ихъ въ сокровищницу любви. Пусть изображаютъ это словесники и витіи, которые въ украшеніе себѣ ставятъ красно описать что либо подобное; а наше старческое слово въ такой только мѣрѣ движется, чтобы, идя шагъ за шагомъ, рѣшить твоею мудростію предложенную намъ задачу: что надлежитъ знать о похищаемыхъ преждевременно, у которыхъ рожденіе едва не соприкасается съ смертію? И мудрый изъ язычниковъ Платонъ, отъ лица одного ожившаго много любомудрствовавъ о судилищахъ за гробомъ, оставилъ это необъясненнымъ, очевидно, потому, что это выше подходящаго подъ человѣческой разсудокъ. Посему, если въ изслѣдованномъ есть нѣчто

такое, чѣмъ рѣшаются затрудненія въ задачѣ; то, конечно, примешь найденное рѣшеніе; а если нѣтъ, то извинишь, безъ сомнѣнія, старость, принявъ одно усердіе наше — сдѣлать для тебя что либо пріятное. Ибо и оный Ксерксъ, который всю подсолнечную едва не обратилъ въ военный станъ, и не подвигъ съ собою цѣлую вселенную, когда ополчился на еллиновъ, съ удовольствіемъ, какъ говоритъ исторія, принялъ даръ отъ нѣкоего бѣдняка, и подаркомъ была вода, притомъ не въ сосудѣ принесенная, но захваченная во впадину ручной ладони. Такъ и ты по свойственной тебѣ высотѣ духа, безъ сомнѣнія, будешь подражать тому, для кого произволеніе сдѣлалось даромъ, если даже даръ нашъ окажется и малымъ и водянистымъ.

Какъ въ небесныхъ чудесахъ равно усматриваетъ видимыя красоты и ученый и чловѣкъ простой, кому только случится обратить взоръ на небо, но разумѣютъ ихъ неодинаково, однимъ движетъ любомудріе, а другой предоставляетъ видимое однимъ чувствамъ. Послѣдній или услаждается лучами солнечными, или красоту звѣздъ признаетъ достойною удивленія, или наблюдаетъ число дней луннаго теченія въ мѣсяцѣ. А первый, прозорливый душою, очистившій себя ученіемъ къ разумѣнію небесныхъ явленій, оставляетъ то, чѣмъ увеселяется чувство неразумныхъ, обра-

щаетъ же взоръ на стройность вселенной, по круговому движенію наблюдаетъ доброе согласіе движущихся противоположно, а именно, какъ правильнымъ вращеніемъ внутренніе круги совершаютъ обратное движеніе, — какъ усматриваемыя на нихъ звѣзды принимаютъ многообразные виды, своими сближеніями, отдаленіями, прохожденіями внизу, затмѣніями, движеніями по бокамъ, всегда однимъ и тѣмъ же и одинаково произведя непрерывную оную стройность; у нихъ положеніе и наималѣйшей звѣзды не остается неусмотрѣннымъ, но все возбуждаетъ равную заботливость въ преселившихся по мудрости умъ въ горнес. Подобно и ты, почтенная для меня глава, обращающая взоръ на Божіе въ существующемъ домо-строительство, минуешь то, чѣмъ занята мысль многихъ (разумѣю богатство, кичливость, пожеланіе суетной славы, чтó блистая на подобіе лучей, изумляетъ обыкновенно неразумныхъ), но даже, по видимому, маловажнаго изъ примѣчаемаго въ существующемъ не оставляешь неизслѣдованнымъ, разыскивая и рассматривая несходство въ человѣческой жизни, не только открывающееся въ богатствѣ и бѣдности, или въ разности достоинствъ и родовъ (ибо знаешь, что это ничтожно, потому что существуетъ не само въ себѣ, но въ суетномъ мнѣніи людей, удивляющихся несуществующему, какъ дѣйствительному; почему,

если кто у блистающаго славою отъиметь уваженіе имѣющихъ въ виду это, ничего не останется у думавшаго высоко о пустой надутости, хотя бы у него по случаю зарыто было все, изъ чего дѣлаются деньги). Но у тебя забота знать и иное въ Божіемъ домостроительствѣ, къ чему клонится каждое событіе въ мірѣ, почему у одного жизнь продолжается до отдаленной старости, а другой столько времени пользуется жизнью, чтобыдохнуть разъ воздухомъ, и тотчасъ перестать жить. Ежели ничего нѣтъ въ мірѣ безъ Бога, все же зависить отъ Божія произволенія, а Божество премудро и промыслительно: то, конечно, и сему есть разумная причина, заключающая въ себѣ признаки Божіей премудрости и вмѣстѣ промыслительной попечительности. Ибо происходящее напрасно и безъ разумной причины не будетъ Божіимъ дѣломъ; потому что Богу свойственно, какъ говоритъ Писаніе, творить *вся премудростію* (Псал. 103, 24.). Посему что же премудраго въ этомъ? Человѣкъ рожденіемъ вступилъ въ жизнь,дохнулъ воздухомъ, началъ жизнь воплемъ, отдалъ долгъ природѣ слезою, въ начатокъ жизни принесъ плачь, и прежде нежели вкусилъ жизненныхъ пріятностей, прежде нежели развилося у него чувство, невладѣющіи еще связями въ членахъ, слабый, съ неокрѣпшими, даже съ необразовавшимися вполнѣ, членами, словомъ

сказать, прежде нежели сталъ человѣкомъ (если только отличительное свойство человѣка даръ разума, а этотъ не вмѣстилъ еще въ себя разума, ничего больше не имѣя сверхъ принадлежавшаго ему въ матерней утробѣ, кромѣ одного появленія на воздухъ), и въ этомъ возрастѣ поражается смертію, или подкинутый, или задушенный, или самъ собою отъ недуга покончившій жизнь. Чтò надлежитъ думать о немъ? Какъ судить о скончавшихся такъ? Увидитъ ли и эта душа Судію? Предстанетъ ли съ другими судилищу? Подвергнется ли суду за сдѣланное въ жизни? Приметъ ли воздаяніе по достоинству, или очищаемая огнемъ, по слову евангельскому, или прохлаждаемая росой благословенія (Лук. 16, 24.)? Но не знаю, какъ надлежитъ разумѣть сіе о такой душѣ: ибо слово—воздаяніе значить, что непременно надлежитъ чему либо принесеннымъ быть напередъ; но кто вовсе не жилъ, у того нѣтъ ничего такого, чтò могъ бы онъ принести, а гдѣ нѣтъ даванія, тамъ не въ собственномъ смыслѣ употребляется и слово воздаяніе; и когда нѣтъ воздаянія, тогда и уповаемое ни добро, ни зло; потому что разумѣемое подъ тѣмъ или другимъ изъ двухъ именъ обѣщаетъ возмездіе. А чтò не причисляется ни къ добру, ни къ злу, то, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ ни къ чему; потому что въ такомъ противоположеніи нѣтъ сре-

дины между крайностями, разумью между добромъ и зломъ, и того и другаго изъ нихъ не будетъ у неначавшаго ни того, ни другаго. Посему что ни въ добрѣ, ни въ злѣ, о томъ нѣтъ скажетъ, что того вовсе нѣтъ. А если кто будетъ говорить, что нѣчто такое и есть и принадлежитъ къ добру, то, поелику Богъ дастъ, а не воздаетъ такому блага, какую укажетъ причину такого падѣла? На какомъ основаніи будетъ доказывать справедливость сего? Какъ покажетъ согласіе этой мысли съ евангельскими словами? Тамъ говорится, что у сподобившихся будетъ условная нѣкая кушя царствія; поелику, сказано, сдѣлали вы то и то, въ правѣ за сіе пріять царствіе. А здѣсь, поелику нѣтъ никакого ни дѣйствія, ни произволенія, есть ли какой поводъ говорить, что и симъ будетъ отъ Бога уповаемое воздаяніе? Если же кто безъ изслѣдованія приметъ такое мнѣніе, что ишедшій такъ изъ жизни непременно будетъ причастникомъ благъ; то окажется изъ сего, что блаженіе жизни не быть причастнымъ жизни; если для умершаго въ младенчествѣ причастіе благъ несомнѣнно, хотя бы родился онъ отъ варваровъ, или былъ зачатъ отъ незаконнаго брака, а у прожившаго определенное и узаконенное природою время, безъ сомнѣнія, къ жизни больше или меньше примѣшивается скверна порока; или, если намѣренъ совер-

шенно быть внѣ общенія съ зломъ; то для сего самаго нужно ему много потовъ и трудовъ, потому что не безъ усилій преспѣваетъ въ добродѣтели усердствующій о ней, и не безъ труда бываетъ для людей отчужденіе отъ удовольствій, такъ что пользующемуся долговременною жизнью непременно должно потерпѣть одно изъ двухъ огорченій, или въ настоящей жизни бороться съ многотрудностію добродѣтели, или въ будущемъ мучиться при воздаяніи скорбями за порочную жизнь. Но для умирающихъ прежде времени нѣтъ ничего подобнаго. Напротивъ того преждевременно преставившихся немедленно срѣтаетъ добрый жребій, если только справедливо мнѣніе такъ думающихъ. Посему въ слѣдствіе этого и неразуміе окажется предпочтительнѣйшимъ разума, и добродѣтель представится ничего поэтому не стоящею. Ибо если не бываетъ ни какой утраты въ причастіи благъ у неучаствующаго въ добродѣтели: то суетное и бесполезное дѣло трудиться о ней, когда на судѣ Божіемъ беретъ первенство состояніе неразумное.

Все это и подобное сему соображая въ умѣ, приказываешь изслѣдовать мнѣніе объ этомъ, чтобы въ слѣдствіе разысканія мысль наша о семъ обосновалась на какомъ либо твердомъ понятіи. А я, примѣчая непроницаемость предложеннаго нашему размышленію, думаю,

что къ настоящей рѣчи примѣнимо сіе апостольское слово, въ которомъ изрекъ онъ о непостижимомъ, говоря: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Ею, и неизслѣдовани путіе Ею. Кто бо разумь умъ Господень* (Рим. 11, 33. 34)?

Послику же Апостоль говоритъ еще, что духовному свойственно судить о всемъ (1 Кор. 2, 15.), и одобряетъ тѣхъ, кого благодать Божія обогатила *во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ* (1 Кор. 1, 5.): то хорошо, полагаю, будетъ не вознерадѣть о посильномъ изслѣдованіи и не оставить вопроса объ этомъ неразобраннымъ и неразмолотымъ, чтобы, подобно предмету задачи, и рѣчь о немъ не обратилась въ нѣчто еще несовершенное, или и недозрѣлое, похожес на какого-то новорожденного младенца, подобно ему, прежде нежели произошла на свѣтъ и укрѣпилась въ силахъ, какъ бы отъ смерти какой погибая отъ лѣности безсильныхъ къ изысканію истины. Посему полагаю, хорошо будетъ не вдругъ, по примѣру витій и борцевъ, вступить въ устное состязаніе, напротивъ того, давъ рѣчи какой либо порядокъ, послѣдовательно произвести обзорніе предложеннаго вопроса.

Какой же это порядокъ? Сперва узнать, откуда естество человеческое, и для чего пришло оно въ бытіе. Ибо если мы въ этомъ не

погрѣшимъ, то непогрѣшимъ и въ престо-
 ящемъ намъ обзорѣніи. Что отъ Бога все, что
 послѣ Него въ числѣ существъ въ природѣ
 представляемъ и видимъ имѣющимъ бытіе,
 доказывать сіе въ словѣ было бы излишнимъ,
 потому что никто, думаю, изъ сколько нибудь
 вникавшихъ въ дѣйствительность существъ,
 не будетъ оспоривать такого мнѣнія. Всѣ
 признаютъ, что все зависитъ отъ одной при-
 чины, и ни одно изъ существъ не имѣетъ
 бытія само отъ себя, и не служитъ само себѣ
 началомъ и виною; напротивъ того Одно Есте-
 ство несозданно и вѣчно, всегда одно и то же
 и одинаково имѣетъ, выше всякаго простран-
 ственнаго представленія, не возрастаетъ, и не
 убываетъ, и представляется преступающимъ
 всякій предѣлъ. Его дѣло—и время, и мѣсто,
 и все, что въ нихъ, и если еще что прежде
 сего умное и премірное объемлется мыслию.
 Однимъ же изъ сотворенныхъ естествъ есть и
 естество человѣческое, какъ утверждаемъ, путе-
 водителемъ къ сему пользуясь иѣкимъ словомъ
 богодухновеннаго ученія, которое говоритъ,
 что, по приведеніи всего въ бытіе Богомъ,
 явился на землѣ и человѣкъ, естество сраст-
 воренное изъ инороднаго, между тѣмъ какъ
 Божественная и духовная сущность вступила
 въ единеніе съ удѣленною ему долей каждой
 стихіи. Приведенъ же человѣкъ Творцемъ въ
 въ бытіе, чтобы ему быть одушевленнымъ

нѣкимъ подобіемъ Божественной и превысшей силы. Но лучше представить самое изреченіе, которое читается такъ: сказано: *и сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27.).

Причиною же устройства сего живаго существа нѣкоторые изъ бывшихъ прежде насъ представляли слѣдующее: вся тварь дѣлится на двѣ части, какъ говоритъ Апостоль, на *видимая и невидимая* (Кол. 1, 16.); невидимымъ означается умопостигаемое и безплотное, а видимымъ—подлежащее чувствамъ и тѣлесное. Итакъ, поелику всѣ существа дѣлятся на двѣ сии части, то есть на чувственное и на умопредставляемое, и поелику естество ангельское и безплотное, которое принадлежитъ къ невидимому, обитаетъ въ мѣстахъ премірныхъ и пренебесныхъ, такъ какъ мѣсто обитанія сообразно естеству (естество духовное есть нѣкое тонкое, чистое, не тяжелое и удобоподвижное, и тѣло небесное тонко, легко, приснодвижно), а земля, которая составляетъ нѣчто крайнее въ чувственномъ, несвойственна и неприлична къ пребыванію на ней существъ умопредставляемыхъ (ибо какое будетъ общеніе несущагося ввысирь и легкаго съ тяжелымъ и гнетущимъ внизъ?); то, чтобы земля не осталась совершенно неимѣющею части и доли въ пребываніи существъ духовныхъ и безплотныхъ, для сего наилучшимъ промысле-

ніемъ приведено въ бытіе естество человѣческое, когда духовная и Божественная сущность души облечена землянистою частию, чтобы, сообразно этой части, сродной съ гнетущимъ внизъ и тѣлеснымъ, душа жила въ земной стихіи, имѣющей нѣчто близкое и однородное съ сущностію плоти.—Цѣль же сотвореннаго та, чтобы во всей твари духовнымъ естествомъ прославляема была всего превысшая Сила, когда небесное и земное однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ, разумію обращеніе взора къ Богу, соединяется между собою къ одной и той же цѣли. Это же дѣйствованіе—обращеніе взора къ Богу, не иное что есть, какъ жизнь, свойственная и сообразная духовному естеству. Ибо какъ тѣла, будучи земными, поддерживаются земными свѣдами, и въ нихъ примѣчаемъ нѣкоторый родъ жизни тѣлесной, одинаково совершающійся въ безсловесныхъ и словесныхъ: такъ надлежитъ предположить, что есть и нѣкая умомъ постигаемая жизнь, которою естество соблюдается въ существованіи. Если же плотская пища, будучи чѣмъ-то притекающимъ и утекающимъ, самымъ прохожденіемъ своимъ влагаетъ нѣкую жизненную силу въ тѣхъ, въ коемъ она бываетъ; то приобщеніе истинно сущаго, всегда пребывающаго и вѣчно неизмѣняющагося, не гораздо ли паче сохраняетъ въ бытіи приобщающагося? Посему, если свойственная и прилич-

ная духовному естеству жизнь та, чтобъ быть причастнымъ Бога; то не произойдетъ приобщенія между противоположными, если желающее приобщенія не будетъ нѣкоторымъ образомъ сродно съ тѣмъ, чего приобщается. Ибо какъ глазъ услаждается свѣтомъ, потому что въ себѣ самомъ имѣетъ естественный свѣтъ для воспринятія однороднаго съ нимъ, и ни перстъ, ни другой какой изъ членовъ тѣла не производитъ зрѣнія, потому что ни въ какомъ другомъ членѣ не заготовлено природою свѣта: такъ, чтобы содѣлаться причастникомъ Божиимъ, совершенно необходимо въ естествѣ приобщающагося быть чему либо сродному съ тѣмъ, чего оно приобщается. Посему Писаніе говоритъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божию, чтобы, какъ думаю, подобнымъ взирать на подобное; обращать же взоръ къ Богу, какъ сказано выше, есть жизнь души. Поелику же незнаніе истинно добраго, подобно какому-то туману, потемняло нѣсколько зрительную силу души, а сгустившійся туманъ сталъ облакомъ, такъ что въ глубину незнанія не проникаетъ лучъ истины, то съ удаленіемъ свѣта необходимо оскудѣла въ душѣ и жизнь. Ибо сказано, что истинная жизнь души производится приобщеніемъ добраго, а при незнаніи, препятствующемъ богопознанію, душа, не будучи причастницею Божіею, лишается жизни.

Никто да не требуетъ отъ насъ родословія

невѣдѣнію, спрашивая: откуда оно, и отъ чего? Напротивъ того изъ самаго значенія имени да разумѣеть, что вѣдѣніе и невѣдѣніе показываютъ, что душа имѣеть нѣкое отношеніе къ чему-то. Но ничто умопредставляемое и сказуемое о чемъ либо не выражаетъ сущности. Ибо иное понятіе относящагося къ чему либо, и иное сущности чего либо. Посему, если вѣдѣніе есть не сущность, по околичное дѣйствіе мысли, то тѣмъ паче невѣдѣніе должно признать далеко отстоящимъ отъ того, что въ сущности; а что не въ сущности, того вовсе нѣтъ. Посему напрасно было бы о томъ, чего нѣтъ, довѣдываться, откуда оно. Итакъ, поелику Писаніе говоритъ, что причастіе Бога есть жизнь души, а причащеніе, по мѣрѣ вмѣстительности, есть вѣдѣніе, невѣдѣніе же есть неосуществленіе чего либо, а напротивъ того отъятіе дѣятельности вѣдѣнія, и какъ скоро не стало совершаться причастіе Бога, необходимо послѣдовало отчужденіе отъ жизни, это же было бы крайнимъ изъ золъ; то въ слѣдствіе сего Творецъ всякаго блага производитъ въ насъ врачеваніе отъ зла (ибо врачеваніе есть благо), — но способа врачеванія конечно незнаетъ тотъ, кто не обращаетъ взора къ евангельскому таинству. Посему, какъ, по доказанному, худо быть отчужденнымъ отъ Бога, Который есть жизнь: то къ врачеваніямъ отъ такого недуга служить усвое-

ніе Богу и вступленіе снова въ жизнь. И какъ жизнь сія естеству человѣческому предлежитъ въ упованіи, то нельзя въ собственномъ смыслѣ сказать, что воздаяніемъ за прежнія добрыя дѣла бываетъ причастіе жизни, и обратнo наказаніемъ за дѣла худыя. Напротивъ того утверждаемое подобно сказанному въ примѣръ о глазахъ. Ибо не говоримъ что какою либо наградою и отличіемъ имѣющему чистое зрѣніе служитъ пониманіе видимаго, или на оборотъ больному глазами — наказаніемъ или карательнымъ послѣдствіемъ то, что лишенъ онъ зрительной дѣятельности. Напротивъ того, какъ потому, у кого расположено все естественно, необходимо слѣдуетъ видѣть, а кто болѣзнію выведенъ изъ естественнаго положенія, у того зрѣнію оставаться бездѣйственнымъ; такъ, подобно сему, и блаженная жизнь сродна и свойственна имѣющимъ чистыя чувствилища души, а у кого болѣзнь невѣдѣнія, подобно какому-то гною, служитъ препятствіемъ къ приобщенію истиннаго свѣта, для того необходимымъ послѣдствіемъ бываетъ — не имѣть части въ томъ, приобщеніе чего называемъ жизнью для приобщающагося.

А при такомъ раздѣленіи сихъ понятій, время уже намъ приступить къ изслѣдованію въ словѣ предложеннаго вопроса. Говорено же было нѣчто подобное сему. Если воздаяніе благъ дѣлается по справедливости; то въ чи-

слѣ какихъ будетъ окончившій жизнь въ младенствѣ и въ продолженіе сей жизни не сдѣлавшій ни добра, ни зла, чтобы за сіе сдѣлано ему было воздаяніе по достоинству? На сіе, взирая на вытекающее изъ изслѣдованнаго, отвѣчаемъ, что ожидаемое благо, хотя по природѣ свойственно человѣческому роду, однако же оно же самое въ нѣкоторомъ смыслѣ называется и воздаяніемъ. И сія мысль уяснится опять тѣмъ же примѣромъ. Предположимъ въ словѣ, что два человѣка имѣютъ зрѣніе, постигнутое какимъ-то недугомъ, и одинъ изъ нихъ съ большимъ тщаніемъ предалъ себя врачеванію, перенося всѣ предписанія врачебнаго искусства, какъ бы трудны они ни были: а другой пусть до невоздержности расположенъ будетъ къ банямъ и употребленію вина, не принимая отъ врача никакого совѣта къ сохраненію здравія глазъ. Посему, смотря на конецъ, постигающей того и другаго, говоримъ, что оба достойно воспріемлютъ плоды своего произволенія, именно же одинъ—лишеніе свѣта, а другой наслаженіе свѣтомъ. Ибо что по необходимости слѣдуетъ, то по не-точному словоупотребленію называемъ воздаяніемъ. Это можно сказать и на вопросъ о младенцахъ: наслаженіе оною жизнью свойственно человѣческой природѣ; но какъ всѣми почти живущими въ плоти обладаетъ болѣзнь невѣдѣнія; то очистившій себя надлежащими враче-

ваніями, и какъ бы гной какой съ душевнаго ока смывшіи невѣдѣніе, достойно пользуется выгодою раченія, вступаая въ жизнь для него естественную, избѣгающіи же очистительныхъ средствъ добродѣтели и обольстительными удовольствіями болѣзнь невѣдѣнія дѣлая въ себѣ неисцѣльную, по противоестественному расположенію, отчуждается отъ того, что естественно, и дѣлается немѣющимъ части въ свойственной и приличной намъ жизни; не искусившіи же въ злѣ младенець, поелику душевнымъ очамъ его никакая болѣзнь не пренятствуетъ въ причастіи свѣта, пребываетъ въ естественномъ состояніи, не имѣя нужды въ очищеніи къ возстановленію здравія; потому что въ началѣ не пріялъ въ душу болѣзнь.

И мнѣ кажется, что настоящіи образъ жизни по нѣкоторому сходству и близокъ у него съ жизнію ожидаемою. Ибо какъ первый младенческіи возрастъ воспитывается насыщаемый сосцемъ и молокомъ, потомъ за сею ницею слѣдуетъ другая, сообразная возрасту, свойственная и пригодная питаемому, пока не придетъ онъ въ совершенство: такъ, думаю, и душа свойственной естеству ея жизни пріобщается въ нѣкоемъ порядкѣ, и въ послѣдовательности всегда посредствомъ приличнаго ей, сколько вмѣщаетъ и можетъ, пріемля предлагаемое въ блаженствѣ, какъ подобное сему дознали мы и отъ Павла,

который иначе итаетъ возраснаго уже въ добродѣтели, и иначе младенца и несовершеннонаго. Пбо таковымъ говоритъ: *млеколю въ напоихъ, а не брашнолю: ибо не у ложаете* (1 Кор. 3, 2.), а исполнившимъ мѣру духовнаго возраста: *совершенныхъ же есть твердая пища, и мзущихъ чувствіи обречена доминилъ зрѣніемъ* (Евр. 5, 14.). Посему, невозможно сказать, что въ одинаковомъ состояніи мужъ и младенецъ, если и никакая болѣзнь не коснулась ни того, ни другаго изъ нихъ (ибо какъ ощутятъ равное услажденіе непримѣчающіеся одного и того же?); напротивъ того, хотя о мужѣ и о младенцѣ подобнымъ образомъ говорится, что не страдаютъ какою либо болѣзнію, пока тотъ и другой не подлежатъ страсти, однакоже наслажденіе пріятнымъ неодинаково въ нихъ совершается (мужу можно увеселяться словами, быть первымъ въ дѣлахъ, съ похвалою проходить начальственные должности; прославляться благодѣяніями пуждающимся, сожителствовать съ сунругою, если найдется ему по сердцу, управлять домомъ, имѣть все пріятности, какія только можно находить въ преходящей сей жизни, занимательное для слуха и зрѣнія, ловли, бани, тѣлесныя упражненія, пиры, забавы, и если еще есть что иное сему подобное; а младенцу забава—молоко, объятія кормилицы и тихое движеніе, наводящее сонъ и услаждающее; другаго же веселія, которое было бы выше

сего, несовершенство возраста не имѣеть возможности и вмѣстить). Симвъ образомъ воспитавшіе души добродѣтелию въ настоящей жизни и, какъ говоритъ Апостоль, обучившіе духовныя *чувствія* свои, если переселятся въ оную безплотную жизнь, то, соотвѣтственно тому навыку и той силѣ, какія приобрѣтены, причастятся божественнаго наслажденія, больше или меньше, по настоящей силѣ каждаго участвуя въ предлежащихъ благахъ. Душа же невкусившая добродѣтели, хотя пребываетъ непричастною золь, слѣдствіи грѣха, какъ въ началѣ еще необъятая недугомъ порока; въ той жизни, которую предшествующее слово опредѣлило состоящею въ богопознаніи и въ общеніи съ Богомъ, столько участвуетъ на первый разъ, сколько вмѣщаетъ питаемое, пока, какъ бы иѣкою приличною снѣдію, приведенная въ мужество созерцаніемъ Сущаго, не содѣлается вмѣстительною для большихъ, свободно въ обилии причащаясь дѣйствительно сущаго.

Взирая на это, хотя и утверждаемъ, что равно свободна отъ золь, слѣдствіи грѣха, душа, какъ у ходящаго во всякой добродѣтели, такъ и вовсе неимѣвшаго части въ жизни, однакоже не представляемъ себѣ жительство того и другаго изъ нихъ одинаковымъ. Ибо одинъ, какъ говоритъ Пророкъ, слышалъ повѣданія небесъ, которыми возвѣщается Бо-

жія слава (Пс. 18. 2.), и путеводемъ былъ тварію къ познанію Владыки твари. и усматриваемою въ существахъ премудростію пользовался, какъ паставницею дѣйствительной Мудрости, представивъ себѣ красоту сего свѣта, по сходству представлялъ мысленно красоту истиннаго Свѣта. и по твердости земли обучался познавать неизмѣняемость Сотворившаго ее, помысливъ о неизмѣримой величинѣ неба, приводимъ былъ самъ къ безпредѣльности и неограниченности всеобъемлющей Силы. видя же солнечные лучи, доходящіе до насъ съ такихъ высотъ, удостоверялся видимымъ, что промыслительныя Божіи дѣйствія не беспильны нисходятъ съ высоты Божества до каждаго изъ насъ. Ибо если свѣтило, будучи единымъ, общою свѣтоносною силою объемлетъ все подлежащее, и удѣляя себя всемъ пользующимся свѣтомъ его, каждому представляется цѣлымъ и нераздѣльнымъ;—то кольми паче Создатель сего свѣтила, и бываетъ *всическая во вснхъ*, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 15, 28.), и присущъ каждому, въ такой мѣрѣ сообщающа Себя самаго, въ какой вмѣщаетъ пріемлющій. Да и кто, увидѣвъ на землѣ колосья и отпрыскъ растенія, и зрѣлый гроздь, и красоту осени въ плодахъ или цвѣтахъ, и свободно возникающій злакъ, и гору, вершиною простирающуюся въ зѣирную высоту, и въ подгорьяхъ источники, какъ изъ

сосцевъ вытекающіе изъ пустотъ въ горѣ, рѣки, текуція по русламъ, море, отвсюду принимающее въ себя потоки и пребывающее въ мѣрѣ своей, ограничивающее волны берегами, это море, невыступающее за установленные предѣлы на сушу, —обращая вниманіе на это и на подобное сему, не переберетъ въ умѣ всего, что служитъ къ изученію Сущаго, если хотя мало запасся сплюю къ участию въ ономъ наслажденіи? Умолчу о тѣхъ наукахъ, которыми умъ поощряется къ добродѣтели, о геометріи, объ астрономіи, о познаніи истины съ помощію числа, о всякомъ способѣ доказывать неизвѣстное и подтверждать понятное; прежде же всего о любомудріи богодухновеннаго Писанія, производящемъ совершенное очищеніе въ обученныхъ имъ Божественнымъ тайнамъ.

Но кто не пріобрѣлъ познанія ни о чемъ этомъ, не руководился міромъ къ уразумѣнію премірныхъ благъ, но какимъ-то слабымъ, необученнымъ, необразованнымъ по уму проходилъ жизнь, тотъ не въ томъ же будетъ состояніи, въ какомъ слово изобразило предъ симъ представленнаго, такъ что отъ сего по изложенному нами противоположенію, не вкусившій жизни не окажется блаженнѣйшимъ того, кто жилъ хорошо. Ибо жившаго порочно будетъ блаженнѣе не только не искусившійся во злѣ, но и въ началѣ невступавшій

въ жизнь. Подобное сему изъ евангельскаго слова дознали мы объ Іудѣ, а именно, что въ такомъ случаѣ вовсе не существовать—лучше существованія во грѣхѣхъ (Матѣ. 26, 24.): ибо для одного, по причинѣ глубоко укоренившагося порока, очистительное наказаніе продолжится въ безконечность, а несуществующаго какъ коснется мученіе? Но если кто жизнь младенческую и незрѣлую сравнивать будетъ съ жизнью добродѣтельной, то таковой, произнося о существахъ подобное сужденіе, самъ незрѣлъ.

Итакъ спрашивается: почему находящійся въ такомъ возрастѣ изводится изъ жизни? Что достигается чрезъ это промысломъ Божественной Премудрости? Но если говоришь о дѣтяхъ, которыя служатъ обличеніемъ беззаконнаго зачатія, и потому истребляются родившими, то несправедливо будетъ отчета въ дѣлахъ порочныхъ требовать у Бога. Который не хорошо въ этомъ сдѣланное подвергаетъ суду. Если же кто изъ воспитываемыхъ родителями и пользующихся попечительнымъ за ними уходомъ и усердными о нихъ молитвами, при всемъ томъ не наслаждается однакоже жизнью, по причинѣ ло смерти одолавающаго недуга (въ семь, безъ сомнѣнія, состоитъ единственная причина); то гадаемъ о подобномъ сему такъ: совершенному промыслу свойственно не только врачевать обна-

ружившіяся немощи, но и промышлять, чтобы и первоначально не впасть кто въ запрещенное. Ибо Тому, Кто будущее знаетъ наравнѣ съ прошедшимъ, справедливо воспренятетвовать продолженію жизни младенца до совершеннаго возраста, чтобы силою предвѣдѣнія предусмотрѣнное зло не б ѣ ыло совершено, если младенецъ останется въ живыхъ, и чтобы жизнь того, кто будетъ жить съ такимъ произволеніемъ, не сдѣлалась нищею грѣха. И эту мысль не трудно представить въ какомъ либо примѣрѣ. Пусть предположительно на шпру предложено какое либо всякаго рода угощеніе, распоряжается же нѣкто такой изъ шпрующихъ, который въ точности знаетъ свойства природы каждаго, и что такому-то сложенію тѣла прилично, а что вредно и несвойственно; и придана ему полномочная нѣкая власть, по собственному своему изволенію, одному дозволять, а другому воспрещать вкушеніе предлагаемаго, и все дѣлать, чтобы каждый, по сложенію своему, касался приличнаго ему, и человекъ болѣзненный не возбудилъ въ себѣ болѣзни, вкушешною снѣдлію прибавивъ ей нищи, и крѣпкій здоровьемъ не пострадалъ отъ непригодной ему нищи, впасть въ отяготительное многосочіе. При этомъ кто нибудь изъ пристрастныхъ къ піянству выводится, или въ половниѣ шпра, или въ началѣ оныяненія, или остается до

конца вечера, какъ заблагоразсудитъ объ этомъ распорядитель, чтобы трапеза была достаточно благоприличною, безъ худыхъ послѣдствій пресыщенія, упоенія и помраченія въ умѣ. Посему, какъ отвлекаемый отъ наслажденія запахомъ приправъ не съ удовольствіемъ принимаетъ лишеніе того, что ему правится, но осуждаетъ распорядителя въ нѣкоей безразсудности, будто бы по какой-то зависти, а не по предусмотрительности, удерживаетъ отъ предлагаемаго; если же посмотритъ, какъ еще съ продолжающимся употребленіемъ вина ведутъ себя неприлично, чувствуя тошноту, отяжеленіе въ головѣ и говоря, чего бы не должно было; то признаетъ свою благодарность тому, кто прежде такого неприличія не допускалъ до неумѣреннаго пресыщенія. Такъ если понять нами этотъ примѣръ: то нетрудно будетъ сокрытое нами въ немъ начало распространить на предложенную мысль. Ибо, что было у насъ предложено? Почему Богъ, когда родители прилагаютъ великое стараніе сохранить себѣ преемника въ жизни, часто попускаетъ, что рожденное подъ конецъ жизни бываетъ похищено преждевременно? Возражающимъ такъ отвѣчаемъ этимъ примѣромъ пира, что для жизненной трапезы уготовано много и всякаго рода снѣдей, разумѣй же это подобно опытнымъ въ поваренномъ искусствѣ, что не все въ этой жизни

подслащено медомъ удовольствія, напротивъ того бываетъ иногда, что жизнь приправляется жестокими событіями, какъ ухитряются искусники доставлять удовольствія чреву на ширахъ, возбуждая въ угощаемыхъ позывъ или острымъ, или соленымъ, или вяжущимъ. Итакъ, поелику жизнь не во всемъ сладка, какъ медъ, но въ иныхъ случаяхъ приготовленная снѣдь бываетъ или соленая, или вяжущая, или кислая, или какое либо острое и ѣдкое качество, ощущаемое въ обстоятельствахъ жизни, дѣлаетъ приправу ея неудобосѣдомою, а обольстительныя чаши наполнены всякаго рода смѣсями: однѣ обольстительною кичливостію производятъ страсть надменія, другія доводятъ піющихъ до затмѣнія ума, а въ иныхъ возбуждаютъ изверженіе и срамное возвращеніе приобрѣтеннаго худо. Посему, чтобы, при такомъ уготовленіи трапезы, не замедлилъ на пиру воспользовавшийся имъ, не какъ было должно, скорѣе выводится онъ изъ собранія угощаемыхъ, приобрѣтая ту выгоду, что не доходитъ до состоянія, причиною котораго для ненасытныхъ дѣлается неумѣренность наслажденія. Сіе-то и называю добрымъ дѣломъ совершеннаго промышленія,—не только уврачевать обнаружившуюся страсть, но и положить ей препятствіе прежде обнаруженія. Вотъ наша мысль о смерти недавно рожденныхъ, а именно: Кто все творитъ съ разумомъ, Тотъ по человѣко-

любію отъемлетъ пищу у порока, не давая времени произволенію, предусмотрѣнному силою предвѣдѣнія, обнаружить себя дѣлами въ прензбытѣ порока, какого достигнетъ оно, когда имѣетъ стремленіе къ злу. Нерѣдко же учредитель жизненнаго шира подобнымъ сему обличаетъ примышленную необходимость сребролюбія, чтобы, какъ думаю, недугъ сребролюбія оказался обнаженнымъ отъ благовидныхъ покрововъ, незатѣняемый ни одною ложною завѣсою. Ибо многіе говорятъ, что для того и разширяются въ пожеланіяхъ большаго, чтобы рожденныхъ ими содѣлать болѣе богатыми. А это собственная ихъ болѣзнь, происходящая не отъ нужды, что изобличаетъ лишенная всякаго предлога любостыжательность бездѣтныхъ. Ибо многіе, не имѣя и не надѣясь имѣть наслѣдника тому, надъ чѣмъ такъ много трудились, вмѣсто множества чадъ питаютъ въ себѣ тысячи пожеланій, не зная, на кого и сложить необходимость сего недуга.

Но иные худо проводятъ жизнь, они мучители, жестоки произволеніемъ, порабощены всякому непотребству, до неистовства раздражительны, готовы на всякое неисцѣльное зло, разбойники, человѣкоубійцы, предатели отечества; и что еще преступнѣе этого, отцеубійцы, матереубійцы, дѣтоубійцы, съ неистовствомъ предаются незаконнымъ смѣшеніямъ, и будучи таковыми, состарѣваются въ

этихъ порокахъ; какъ же, скажетъ иный, согласить это съ найденнымъ выше? Ибо если преждевременно похищаемые смертію, чтобы, по сказанному въ примѣрѣ, не до конца шра съ ненасытностію предавались страстямъ жизни сей, по предусмотрительности уводятся съ жизненнаго шра; то почему таковой до старости безчинствуетъ на шршествѣ, и себѣ и сошршественникамъ расточая дурную смѣсь золъ? Почему, безъ сомнѣнія, скажешь, одинъ промыслительно изводится изъ жизни прежде, нежели произволеніе усовершилось во злѣ, а другій оставляется сдѣлаться такимъ, что лучше было бы ему вовсе не приходить въ бытіе? На сіе болѣе сознательнымъ дадимъ нѣкій такой отвѣтъ, что часто жизнь прожившихъ хорошо бываетъ причиною лучшей участи и для тѣхъ, которые отъ нихъ произошли. Тысячи сему свидѣтельство въ богодухновенномъ Писаніи, изъ которыхъ ясно узнаемъ, что въ благопопечительности Божіей, оказанной достойнымъ, участвуютъ и происшедшіе отъ нихъ. Но главнымъ будетъ добромъ—сдѣлаться препятствіемъ къ пороку для кого нибудь. кто, безъ сомнѣнія, сталъ бы жить порочно. А поелику здѣсь рѣчь гадаеть о неизвѣстномъ, то никто, конечно, не будетъ обвинять, что догадка ведетъ мысль ко многимъ заключеніямъ. Ибо иный скажетъ, что Богъ не изъ милости только къ родоначальникамъ изводитъ

изъ худой жизни того, кто будетъ жить худо, но если бы и ничего такого не произошло съ похищаемыми преждевременно, то не безразсудно думать, что болѣе было бы опасностей отъ проведенной ими порочной жизни, нежели отъ жизни каждаго изъ содѣлавшихся извѣстными въ продолженіе ея дурными дѣлами. Потому что ничего не бываетъ безъ Бога, какъ дознали мы изъ многого, и опять, что дѣлается по Божію домостроительству, то неслучайно и не неразумно, какъ исповѣдуетъ это всякій, кто знаетъ, что Богъ есть разумъ, и премудрость, и всякая добродѣтель и истина. А что отъ разума, то не неразумно, и что отъ премудрости, то не есть невѣжество: и добродѣтель и истина (к) не допустить недоблестнаго и чуждаго истинѣ. Посему по сказаннымъ ли причинамъ похищаются иные преждевременно, или есть нѣчто иное, кромѣ сказаннаго; конечно, надлежитъ согласиться, что бываетъ это съ лучшею цѣлію.

Но наученный апостольскою мудростію, знаю и другое нѣкое основаніе, по которому нѣкоторые, по своему произволенію превзошедшіе другихъ въ порокѣ, остаются въ жизни. На долго занявшись такою мыслію въ

(к) Слова, начиная отъ словъ: „а что“ и кончая сими, переведены съ латинскаго, а въ греческомъ пропущены.

словѣ къ римлянамъ и противопоставивъ себѣ естественно слѣдовавшее возраженіе, что несправедливо было бы порочному оставаться еще въ отвѣтѣ, если отъ Бога то, что онъ худъ, какимъ бы, конечно, не былъ. если бы это было противъ воли Властителя существъ, Апостоль такъ встрѣчаетъ эту мысль, при глубокомъ нѣкоемъ взглядѣ рѣшая возраженіе. Онъ говоритъ, что Богъ каждому удѣляетъ по достоинству, иногда и пороку даетъ мѣсто съ лучшею цѣлю. Ибо для того пустилъ придти въ бытіе и сдѣлаться такимъ египетскому мучителю, чтобы пораженіемъ его наученъ былъ Израиль, великій этотъ народъ. превосходящій всякое численное представленіе; потому что Божія сила равно во всемъ познается, когда она достаточна и благодѣтельствовать достойнымъ и наказывать худыхъ (1). Поелику же оному народу непремѣнно надлежало быть преселеннымъ изъ Египта, чтобы у него не произошло какого либо общенія въ худыхъ качествахъ погрѣшительной жизни египтянъ; то посему самому этотъ богоборець, всякимъ зломъ именитый. Фараонъ при жизни благодѣтельствуемыхъ Богомъ высился и процвѣталъ, чтобы, когда двоякое Божіе дѣйствіе по достоинству дѣ-

(1) Слова, „ли наказывать худыхъ“ добавлены по латинскому переводу.

лится на того и другаго, Израиль приобрѣлъ сугубое вѣдѣніе, на себѣ изучая лучшую долю, а на наказанныхъ за порокъ видя горестную; такъ какъ Богъ по прензбытку премудрости умѣеть и зло обращать въ содѣйствіе добру. Ибо художникъ (если надобно, чтобы и нашими словами подтверждалось апостольское слово), когда онъ искусствомъ своимъ въ какое либо полезное въ жизни орудіе обдѣлываетъ желѣзо, потребно бываетъ не то одно, которое по какой-то естественной мягкости легко уступаетъ искусству, но хотя желѣзо бываетъ крайне упорно, хотя не скоро умягчается въ огнѣ, и по его жесткости и твердости невозможно выдѣлать изъ него сосудъ употребительный въ жизни, искусство ищетъ и его содѣйствія. Ибо употребляетъ такое желѣзо на наковальню, чтобы ударами по ней изъ годнаго въ дѣло и мягкаго выколотить что нибудь служащее къ употребленію.

Но скажетъ иный: не всѣ въ этой жизни понесли наказаніе за свою негодность, да и живущіе добродѣтельно не всѣ въ настоящей жизни пользуются трудами ради добродѣтели. Посему, спросить, что же имъ пользы отъ жившихъ порочно и ненаказанно? И на это представляю тебѣ причину, которая выше человѣческихъ помысловъ. Ибо великій Давидъ въ одномъ мѣстѣ своего пророчества говоритъ, что для доблестныхъ вѣкую часть веселія

составляет и подобное слѣдующему, когда они въ противоположность благамъ, какія имъ присвоены, видятъ гибель осужденныхъ. *Возвеселится праведникъ*, говоритъ онъ, *егда увидитъ отлученіе нечестивому: руцѣ свои омыевъ въ крови грѣшника* (Иса. 57, 11), — не потому что радуется мученіямъ скорбящихъ, но потому что тогда наконецъ познаетъ пріобрѣтаемое достойнымъ отъ добродѣтели. Ибо означаетъ сказаннымъ, что добродѣтельнымъ къ увеличенію и успевенію веселія служить сравненіе противоположностей. Сіе выраженіе: *руцѣ омыевъ въ крови грѣшника*, заключаетъ въ себѣ такую мысль, что чистота дѣятельности его въ жизни доказывается гибелію грѣшныхъ. Ибо реченіе: *омыть* выражаетъ представленіе чистоты. *Кровію* же никто не омывается, а напротивъ оскверняется; почему дѣлается чрезъ это явнымъ, что противоположеніе непріятнаго показываетъ блаженство добродѣтели.

Итакъ слово сіе надлежитъ свести въ краткую рѣчь, чтобы изслѣдованныя мысли сдѣлались для памяти болѣе легкими. Преждевременная кончина младенцевъ не ведетъ къ мысли, что скончавшій такъ жизнь несчастливъ, или что равенъ онъ очистившимъ себя въ настоящей жизни всякою добродѣтелію; потому что Богъ, по лучшему Своему промышленію, предотвращаетъ безмѣрность золь въ тѣхъ, которые стали бы жить во злѣ. А что

нѣкоторые изъ злыхъ живутъ долго, сіе не опровергаетъ высказанной мысли; потому что по милости къ родившимъ не допускается до нихъ зло. Но тѣмъ, которые не имѣли отъ родителей какого либо дерзновенія предъ Богомъ, не передается этотъ родъ благодѣянія и происшедшимъ отъ нихъ. Или тотъ, кому смерть воспрепятствовала сдѣлаться худымъ, оказался бы гораздо худшимъ пріобрѣтшихъ извѣстность порочностію, если бы невозбранно сталъ жить дурно. Или, если нѣкоторые дошли до самой крайней мѣры порочности; то апостольскій взглядъ на сіе успокоиваетъ пытливость тѣмъ, что Творящій все съ премудростію умѣетъ и посредствомъ зла содѣлывать нѣчто доброе. Если же кто достигъ крайности въ дурной жизни, и по приведенному нами примѣру, ни на что полезное не выкованъ художествомъ Божиимъ, то сіе служитъ къ приращенію веселія жившихъ хорошо, какъ даетъ разумѣть пророчество, чего да не вмѣняетъ кто либо въ маловажное изъ благъ и въ недостойное Божія промышленія.

18. НА СВОЕ РУКОПОЛОЖЕНИЕ (м).

Служеніе духовному пиру дошло и до насъ, способныхъ болѣе пользоваться услугами другихъ, нежели себя предлагать въ услугу другимъ. И я всячески упрашивалъ освободить меня отъ такихъ даней по убожеству моему въ словѣ, ссылаясь на нѣкій законъ прршествъ. Ибо слышу, что, когда готовится круговой пиръ съ общимъ ужиномъ, распорядители учрежденія, если кто въ списокѣ угощаемыхъ бѣденъ, приглашаютъ его на ужинъ, освобождая отъ общаго вклада. Такъ хотѣлось бы и мнѣ насытиться пищею богатыхъ. Но поелику прекрасный и богатый этотъ учредитель пира не щадитъ и насъ, но повелѣваетъ служить; то скажу ему: *друзе, даждь ми взаимъ хлѣбы*

(м) См. Жизнь св. Григорія въ Приб. къ Тв. Св. От. въ р. пер. 1861 с. 57. прим. ъ.

твой (Лук. 11, 5.); а хлѣбами называю содѣйствіе молитвъ. Ибо слухъ вашъ, услаждавшійся духовными этими сотами, можно ли удовольствоваться убогимъ и скуднымъ словомъ? Можетъ быть, лучше было бы, еслибъ, какъ въ тѣлесныхъ борьбахъ (а тамъ однимъ сильнымъ принадлежитъ поприще, прочіе же бываютъ зрителями подвизающихся), такъ и на духовное это поприще уготовлялись въ подвижники одни пренесполненные сплюю святыхъ. А если кто походить будетъ на меня, у котораго и волосъ сѣдъ, и сила отъ времени ослабла, рѣчь запинается и дрожитъ, тому позволяли увеселяться подвигами борцевъ. Посему не продлимъ для васъ, братія, сего вступленія, вы исполнены удивленія къ предшественникамъ. *Се сыти есте, се обогатистеся* (1 Кор. 4, 8.), а насытились вы сладостей потому, что ими напитало васъ предшествующее слово. Потому, можетъ быть, бесполезную сытость къ сытости прибавляло бы оно, сверхъ златыхъ рѣчей какъ бы свинцовыми какими монетами обременяя память, развѣ только въ содѣйствіе красотѣ служить нерѣдко и худшее вещество, примѣшанное къ лучшему, доказательство сему близко. Видишь ли этотъ надъ головою сводъ? Какъ прекрасенъ на видъ? Какъ красиво на рѣзбѣ блескитъ позолота? И этотъ сводъ, по видимости, весь золотый, написанъ какими то кругами съ много-

угольниками покрытыми лазурью. Что же производит у художника эта лазурь? То, думаю, что золото, когда видимъ, что оно перемѣшано съ красками, больше блеститъ. Посему, если лазурь, перемѣшанная съ золотомъ, сіяніе его показываетъ прекраснѣйшимъ; то, можетъ быть, не неблаговременно будетъ къ свѣтлости произнесенныхъ прежде рѣчей приписать и черную нашу черту. Вотъ вамъ наше вступленіе. Теперь слушайте.

Слышу, что великій Моисей, когда воздвигалъ скинию у израильтянъ, и этотъ Веселилъ который отъ *Духа Божія* (Исх. 31, 3.) имѣлъ неизученную наукою мудрость зодчества, предлагають богатымъ и бѣднымъ сообща сдѣлать пожертвованіе, и собирають у богатыхъ золото, багряницу и дорогіе камни, но не отвергають и бѣдными жертвуемая деревья, кожи и козыи волоса. И не неблаговременно, можетъ быть, напоминаніе сего сказанія. Ибо мысль, какая пришла мнѣ на сердце, хочу предложить всему собранію. Веселилъ Духомъ Божиимъ изъ неученаго содѣлался мудрымъ; ибо такъ говоритъ исторія. Посему да слышитъ духоборець: Божіимъ нарекшіи Духа Святаго, Котораго сошествіе, какъ бы иѣкій слѣдъ, отпечатлѣваетъ въ душѣ благодать мудрости, ужели названіемъ Божія оскорбляетъ достоинство Духа? Ужели заставляеть думать о Немъ что либо малое и унижительное? Что

изъ тварей означается этимъ именемъ? Не думаетъ ли онъ, что Божество приобрѣтено Духомъ? Не представляетъ ли себѣ простаго и несложнаго чѣмъ-то двоякимъ и сложнымъ? Но, можетъ быть, невозможно согласиться на такія предположенія. Напротивъ того и онъ признаетъ, конечно, что Духъ, будучи Божіимъ, и есть и именуется таковымъ по естеству. Видишь ли, какъ сама собою открывається тебѣ истина? Ибо христіанская проповѣдь не знаетъ многихъ Божіихъ естествъ; иначе по всей необходимости выдумаешь и многихъ Боговъ; потому что невозможно представить себѣ многихъ Боговъ, если о множествѣ Боговъ не возвѣщаетъ инаковость естества. Посему, если, по вѣрованію всѣхъ, естество Божіе одно, и Духъ Святыи по естеству Божіи; то для чего раздѣляешь въ словѣ соединенное естествомъ? Но кто дастъ мнѣ силу того слова, концемъ котораго спасеніе слушающихъ? Одно слово провозгласилъ іерусалимянамъ Петръ, и столько тысячъ челоуѣкъ простертымъ къ нему словомъ уловлено въ мрежу рыбака. А такъ много и такихъ словъ тратится учителями у насъ, и какое приращеніе спасаемыхъ! Исчезающее исчезаетъ, говоритъ нѣкто изъ пророковъ, умирающее умираетъ (Захар. 11, 9.), заблудшійся не возвращается; союзъ любви рѣсторгнутъ; похищенъ миръ изъ сокровищницъ нашихъ. О какое бѣдствіе!

Не могу не востепенать отъ страданія! Достояніемъ нашимъ была нѣкогда любовь—это отеческое наше наслѣдіе, которое чрезъ учениковъ Своихъ сокровищемъ нашимъ содѣлалъ Господь, сказавъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34.). Это наслѣдіе послѣдующіе преемники, получая каждый отъ отцевъ, хранили и до нашихъ отцевъ; этотъ только развращенный родъ не соблюлъ его. Какъ изъ рукъ нашихъ утекло и исчезло это богатство нашего житія? Обищали мы любовію, и другіе гордятся нашими благами. *Возревновахъ на беззаконныя*, такъ говоритъ псалмопѣвецъ (Пса. 72, 3.). А я, измѣняя нѣсколько сказанное, прочту такъ: *возревновахъ на беззаконныя* (н), *возревновахъ, миръ грѣшниковъ зря*. Они тѣсно соединены другъ съ другомъ; а мы другъ отъ друга отдѣляемся. Они взаимно себя ограждаютъ, а мы разрушаемъ свою ограду. Наше похитивъ достояніе, грабитель душъ отнесъ и повергъ врагамъ истины, не имъ оказывая благодѣяніе (никто да не подумаетъ этого! изобрѣтатель зла не можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ), но чтобы ихъ привести въ худшее состояніе согласіемъ во злѣ.

(н) *Δυομοις*, такъ читается по печатному изданію; но не должно ли читать: *ἀνόμοις*, то есть, на аномеевъ?

Но что ли вышнихъ судити? говоритъ изрекшій это (1. Кор. 5, 12.). А я какъ безъ слезъ перенесу отчужденіе братій? Какъ ушелъ, оставивъ отеческое имѣніе, юный этотъ братъ? Какъ сей другой послѣ описаннаго въ евангеліи, хотя душевную юность прикрываетъ тѣлесною сѣдною, удалился *на страну далекую* (Лук. 15, 13.), бѣжавъ отъ вѣры? Какъ уходитъ, самъ отдѣливъ себѣ половину отеческаго имѣнія тѣмъ, что высокіе догматы низвелъ до низкихъ и свнскихъ понятій, иждивъ богатство съ еретическими блудодѣйцами? Ибо ересь—блудодѣйца, чарующая любимыми удовольствіями. Если придетъ когда въ себя, какъ и тотъ блудный сынъ, если онять пожелаетъ отеческой сѣдн, если возвратится къ богатой транезѣ, гдѣ много насущнаго хлѣба, питающаго наемниковъ Господнихъ (а Божіи наемники всѣ тѣ, которые по надеждѣ обѣтованія воздѣлываютъ виноградникъ Божій); съ какою поспѣшностію не одинъ отецъ потечетъ къ нему, но столько отцевъ выдутъ на встрѣчу, будутъ обнимать, съ любовію цѣловать его! Принесена первая одежда вѣры, которую исткали прекрасно потрудившіеся для церкви триста осмнадцать душъ; тамъ на руку перстень, имѣющій изображенную на себѣ печать вѣры; тамъ лики, телець, стройное пѣніе и все прочее, о чемъ сказано въ евангеліи, кромѣ братней зависти! Но для чего напрасно

измышлять намъ для себя сонныя сн мечты? Сердца братіи ожесточены и пребываютъ въ упорствѣ, ссылаются на общихъ отцевъ, и не принимаютъ слѣдующаго отъ нихъ наслѣдія, изъявляютъ притязаніе на общее благородство, и чуждаются родства съ нами. Противятся врагамъ нашимъ, но и намъ непріязненны; содѣлавшись чѣмъ-то среднимъ между нами и врагами, они и ни то, ни другое, и вмѣстѣ то и другое; и праваго ученія не исповѣдуютъ, и гнушаются имени еретиковъ. Странное дѣло! Равно объявили войну и истинѣ и жи, подобно какому-то дереву безъ корня, легко при противоположныхъ устремленіяхъ склоняясь на ту и на другую сторону. Слышу, что Евангелистъ Іоаннъ въ таинственныхъ писаніяхъ говоритъ таковымъ загадочно, что въ точности должно непремѣнно горѣть духомъ, и быть хладнымъ для грѣха: *о дабы студенъ былъ еси, или горящъ!* говоритъ онъ (Апок. 3, 10.). А что ни тепло, ни холодно, но близко къ тому и другому, то возбуждаетъ тошноту, и годно на то, чтобъ быть изблеванымъ. Какая же тому причина, что древле при ученикахъ великое множество приводится въ церковь Господомъ, а нынѣ длинныя и преукрашенныя рѣчи учителей проходятъ безъ дѣйствія?

Иный, можетъ быть, скажетъ: тогда содѣйствовали Апостоламъ чудесныя дѣла, и ученіе пріобрѣтало достовѣрность по причинѣ даро-

ваній. Согласенъ и я, что сила дѣлать служить великимъ побужденіемъ къ довѣрію. Но что же надлежитъ думать о совершающемся нынѣ? Не видишь развѣ подобныхъ чудесъ вѣры? Ибо себѣ присвоваю преслѣнія сослужителей нашихъ, которые тѣмъ же духомъ водятся въ силѣ исцѣленій. Объ истинѣ сего слова свидѣлствуютъ мужи, приходящіе изъ земли чуждой, сограждане отца нашего Авраама, оставившіе Месопотамію, ишедшіе также *отъ земли и отъ рода* своего (Дѣян. 7. 3.), даже изъ всего міра, взирающіе на небо, пресе- ляющіеся нѣкоторымъ образомъ изъ естества человѣческаго, ставшіе выше естественныхъ страстныхъ расположеній, столько касающіеся настоящей жизни, сколько сіе необходимо, большею же частию парящіе ввысь съ безплотными силами, престарѣлые видомъ, досто- почтенные по наружности, сіяющіе сѣдиною, молчаніемъ заграждающіе уста, неумѣющіе вести словопреній, неучившіеся совопросни- чать; такую имѣютъ они власть надъ духами, что совершаютъ чудеса однимъ изволеніемъ, и демоны уступаютъ не искусству умозаклю- ченій, но власти вѣры, не доводимые до труд- ности прекословить, но изгоняемые во тму кромѣшную. Такъ умозаключатъ умѣтъ хри- стіанинъ! Вотъ преслѣнія нашей вѣры! Итакъ почему же не убѣждаемся мы, если благодать исцѣленій прензобилуетъ, если ученіе слова

преизбыточествуетъ? *Вся же сія дѣйствуетъ единѣ и тойжеде Духѣ, раздѣляя особо коележдо, якоже хочетъ* (1 Кор. 12. 11.). Почему же не бываетъ приумноженія спасающихся? И никто да не помыслить настоящую благодать признавать малою! Вижу виноградникъ преукрашенный, многовѣтвистый, изобилующій плодомъ; вижу ниву волнующуюся множествомъ колосьевъ, жатва густа, снопы зрѣлы, носѣвъ обилень. Но что же дѣлается со мною? Естество мое ненасытимо подобнымъ сему, и я страдаю страстію богатлюбцевъ. Никакой предѣлъ обилія не останавливаетъ возделѣнія. Непрестанно прибывающее возбуждаетъ желаніе большаго, служа подгнетомъ къ возделѣнію большаго. Веселитъ меня видимое, восхищаюсь тѣмъ, что есть, и скорблю о томъ, чего нѣтъ; общая какая-то страсть, смѣшанная изъ противоположностей, объемлетъ душу: потому что удовольствіе срастворено съ печалію. Если обращаю взоръ къ вамъ, въ васъ успокоиваю рвеніе; если подумаю о прочемъ, нѣтъ у меня силъ оплакать бѣдствіе. Люди, оставивъ то, чтобы насладиться *Господеву* (Пса. 36, 4.) и веселиться миру Церкви, ведутъ тонкія разысканія о какихъ-то сущностяхъ, и измѣряютъ величины, измѣряя Сына сравнительно съ Отцемъ и избытокъ мѣры уступая Отцу. Кто скажетъ имъ: неколичественное не мѣряется; невидимое не оцѣнивается; безплот-

ное не взвѣшивается; безпредѣльное не сравнивается, несравнимое не допускаетъ до себя понятія о большемъ или меньшемъ, потому что большее познаемъ изъ взаимнаго сравненія вещей между собою; а у чего недосязаемъ конца, въ томъ немислимо и большее. Слышалъ я исаломъ, сообща воспѣвая который, вошли мы: *велий Господь, и велия крѣпость Его: и разума Его нѣтъ числа* (Иса. 146, 5.). Что же это значить? Исчисли сказанное, и уразумѣешь тайну. *Велий Господь*, а не сказалъ, какая Его величина; потому что невозможно было и сказать ея количества, но неопредѣленностію значенія возводитъ мысль къ безпредѣльному. А также говоритъ: *велия крѣпость Его*. Слыша о крѣпости, разумѣй силу. Христосъ же есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Но *разума Его нѣтъ числа*. Исаія ясно истолковываетъ слово: *разумъ*, говоря: *Духъ премудрости и разума* (Иса. 11, 2.). Слышу, что въ блаженствахъ убажуются *жаждущіи* (Матѳ. 5, 6.) Господа. Посему, можетъ быть, не безвременно и то, что у меня на умѣ (примите мое слово), хотя, по видимому, и нейдетъ сіе къ настоящему.

Если кто совершаетъ путь среди полдня, когда солнце знойными лучами опалаетъ голову, и жаромъ изсушаетъ все влажное въ тѣлѣ, а подъ ногами у идущаго лежитъ земля жесткая, неудобопроходивая, безводная; по-

томъ же такому человѣку встрѣтится источникъ, изъ котораго прекрасная, прозрачная, пріятная, прохлаждающая струя лѣется обильно: то ужели сядетъ онъ у воды, и начнетъ любоваться о ея естествѣ, донскиваясь, откуда она, какъ, отъ чего, и о всемъ тому подобномъ, о чемъ обычно разсуждать празднословамъ, а именно, что вѣкая влажность, распространенная въ земной глубинѣ, пробивающаяся вверхъ и сгнетаемая, дѣлается водою, или что жилы, проходящія дольными пустотами, какъ скоро отверстія ихъ дѣлаются свободными, изливаютъ воду? Или, распростившись со всеми разсужденіями, приклонить голову къ струѣ, и приложить уста, утолить жажду, прохладить языкъ, удовлетворить желанію и возблагодарить Давшаго сію благодать? Посему подражай и ты сему жаждущему. Скажи: и речено, какъ и дѣйствительно изречено: *блажени жаждущіи*, и дознавъ, какія и сколь многія блага источаетъ Святый Духъ, сдѣлай тоже, что и пророкъ, отверзи *уста твои*, и привлеки духъ (Иса. 118, 131.), *расшири уста твоя*, и исполни я (Иса. 80, 11.), имѣя власть надъ дарованіями. Хочешь ли знать, сколько благъ изливается изъ источника Духа? Безсмертіе души, вѣчность жизни, царство небесное, непрекращающееся веселіе, радость, неизмѣющая конца. Но обращая взоръ на то, что предстоитъ мнѣ, и ущербъ

въ остальномъ признаю маловажнымъ. Наполненъ у меня благами домъ, сокровищницы наполнены аравійскаго золота; а можетъ быть, скоро придутъ и послы изъ Египта, и предупредятъ вознести руки свои къ Богу, и царства земныя вмѣстѣ съ нами воспоютъ побѣдную пѣснь Призывающему всѣхъ въ царствіе Его. Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

19. С Л О В О

О БОЖЕСТВѢ СЫНА И ДУХА И ПОХВАЛА ПРАВЕДНОМУ АВРААМУ.

На многоцвѣтныхъ лугахъ съ любителями таковыхъ зрѣлищъ бываетъ, что глазъ ихъ не можетъ остановиться на чемъ нибудь одномъ изъ видимаго, по причинѣ равной красоты во всемъ, но какъ все привлекаетъ ихъ вождельніе, то при желаніи ничего не оставить неосмотрѣннымъ, они часто остаются ни при чемъ; подобное нѣчто произошло и съ моею мыслию, когда обзрѣвалъ я лугъ Писанія. Ибо разнообразіе красоты мыслей равно ко всему влечетъ душу, и дѣлаетъ, что вождельніе не останавливается по невозможности въ равноцѣнномъ легко найти предпочтительнѣйшее. Вотъ какъ блистательны цвѣты въ пророчествѣ великаго Давида! А каковъ цвѣтъ —этотъ Божественный Апостолъ, показующій

красоту дѣланія райскаго, издающіи великое Христово благоуханіе! Красоту же луговъ евангельскихъ опишетъ ли какое человѣческое слово?

Но мнѣ кажется, что хорошо при времени вспомнить приточное наставленіе (о), и подражать пчелѣ, о которой Писаніе (Сир. 11, 3.) говоритъ, что хотя и слаба она силами (пбо никогда невидано, чтобъ сорвала цѣлый цвѣтокъ и на спинѣ унесла въ улей), но, тонкую и пуху подобную пыль съ лепестковъ, по срединѣ цвѣтка стряхнувъ крыльями и собравъ къ себѣ на ноги, ими производитъ эту мудрую работу, шестью ножками воздвигаетъ впрямь такое же число угловъ, и въ срединѣ гладкостію крыльевъ, какъ бы мазями какими, наводитъ лоскъ на эти тонкія и перепончатая стѣнки (п). А чтобы и наше слово содѣлалось, какъ говоритъ Соломонъ, годнымъ *se здравіе* и царямъ и людямъ простымъ (Прит. 6, 8), молитвою привлечемъ благодать, я и вы вмѣстѣ; потому что въ этомъ общая наша польза, лучше же сказать, въ большей мѣрѣ ваша; если получить что либо хорошее гораздо выгоднѣе, нежели сообщить. Евангеліе запрещаетъ *сѣ мѣхи ветхи* вливать новое

(о) По синодальной рукописи подъ N 71. вмѣсто *επιπύστος* читается *παριπύστος*.

(п) По той же рукописи вмѣсто *σείχους* читается *τόιχους*.

вино (Матѣ. 9, 17.); загадочный смыслъ сего относится, можетъ быть, къ настоящему времени. Ибо недавно выжатое вино, по естественно происходящему воскреснѣнію влаги, полно духа, и въ слѣдствіе естественнаго движенія въ видѣ пѣны выбрасываетъ изъ себя грязную нечистоту. Это вино не иное что есть, по моему разсужденію, по ученію о Святомъ Духѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *духъомъ горяще* (Римл. 12, 11.). Его-то мѣхи, если они ветхи, протекаютъ, и обветшали отъ невѣрія, не удерживаютъ въ себѣ, но разрываются отъ величія догмата. Поэтому если сообщается имъ какая нибудь высокая мысль изъ ученія, дѣлятся они на части отъ тяжести догмата; и сами становятся бесполезными по причинѣ разрыва, и производятъ, что благодать Духа ліется напрасно. Ибо *въ злохудожену души не увидетъ премудрость*, какъ говоритъ Писаніе (Прем. 1, 4.).

Лучше же сказать, позвольте мнѣ подражать обычаю бѣдныхъ; ибо у нихъ въ обыкновеніи, если когда удостоиваются богатой трапезы, безъ стыда изъ предложеннаго имъ запасаться пищею на слѣдующій день. Поэтому и я, воспользовавшись небольшими пѣкѣнными остатками вчерашнихъ дорожныхъ припасовъ, изъ этого, по силамъ моимъ, припасу слово, многое изъ предложеннаго сего дня сберегая для гостей болѣе совершенныхъ.

Посему что́же отъ вчерашней вѣчери осталось невкушеннымъ и неупотребленнымъ въ дѣло? Исторія апостольскихъ дѣяній повѣствовала намъ о прибытіи Павла въ Лѣнны, какъ, по причинѣ неистовой преданности тамошняго народа идоламъ и привязанности къ жертвеннымъ куреніямъ, Духъ Святыи раздражался въ блаженномъ Павлѣ, подобно полноводному какому-то потоку утѣсняясь въ душѣ Апостола, и не находя себѣ выхода среди недостойныхъ. Посему Павелъ вступаетъ въ состязаніе съ стояками и епикурейцами, и ставъ на ареопагѣ, отъ обычнаго имъ возводитъ ихъ къ богопознанію; потому что для вступленія въ проповѣдь служатъ ему жертвенникъ и надпись. Но къ чему упомянулъ я объ этомъ чтеніи? Къ тому, что и нынѣ, подобно онымъ аѣнныямамъ, есть люди, *ни во что́ же ни* упражняющіеся, *развъ глаголати что́, или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Иные вчера и за день, оторвавшись отъ трудныхъ занятій, стали какими-то внезапными преподавателями богословія: иные, можетъ быть, слуги, не разъ бичеванные, бѣжавшіе отъ рабскаго служенія, съ важностію любомудрствуютъ у насъ о непостижимомъ. Вы, конечно, не знаете, кого въ виду имѣеть слово; потому что все въ городѣ наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это торгующіе платьемъ, денежные мѣнялы, продавцы съѣст-

наго. Ты спросишь объ оволахъ, а онъ лобомудрствуетъ тебѣ о Рожденномъ и Перожденномъ. Хочешь узнать о цѣнѣ хлѣба, а онъ отвѣчаетъ тебѣ, что Отець больше, а Сынъ у Него подъ рукою; если скажешь, что пригодна баня, рѣшительно говоритъ, что Сынъ изъ ничего. Не знаю, какъ надлежитъ назвать это зло, бредомъ, или сумасшествіемъ и такою повальною болѣзнію, которая производитъ помѣшательство въ разумѣ.

Поэтому говорю, что сказаніе объ Апостолахъ къ нимъ относится. Ибо что Писаніе повѣствуетъ объ аѳинянахъ, то нынѣ можно видѣть на этихъ людяхъ. Лучше сказать, если надобно говорить правду, то нынѣшніе поступаютъ неизвинительнѣе и аѳиняны. У тѣхъ душевныя очи, какъ бы гносемъ какимъ, покрыты были идольскойю прелестію, и не могли они самолично видѣть благочестивой истины о Сущемъ; впрочемъ, какъ бы осезая нѣсколько помыслами, понимали то одно, что Божество совершенно неостыжимо, и превысшее всего Существо по естеству не таково, какимъ почитаетъ Его разумокъ. Поэтому исповѣдуя, что истинный Богъ невѣдомъ, воздаютъ невѣдомому чествованіе капищемъ и надписью. Ибо что мысль ихъ обращена была къ истинно сущему Богу, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Апостоль, возвѣщая имъ того Бога,

предъ Которымъ, какъ думали они, выражали свое благочестіе чествованіемъ въ капищѣ. Посему не хуже ли сихъ упоминаемыхъ сумасбродствующихъ нынѣ? неуступающіе, что Божество выше ихъ постиженія, но хвастающіеся, что такъ знаютъ Бога, какъ каждый самаго себя? Кто оплачетъ, сколько должно, слѣпоту этихъ жалкихъ, которые, когда въ наше время свѣтъ истины цѣлую вселенную осіяваетъ благочестивою вѣрою, одни не примѣчаютъ этого сіянія (р)? Или не знаете, какой разумью свѣтъ, избилующій въ наше время? Перечтите мнѣ эти царственныя свѣтила, которыя, по числу равняясь евангельскимъ и объявъ едва не весь міръ, просвѣщаютъ миромъ и благочестіемъ,—когда Творецъ всего Богъ подражаетъ первому чудодѣйствію міробытія, не только поставивъ великое свѣтило въ начало видимаго, но присовокупивъ къ нему и свѣтило меньшее, осіявающее отеческими лучами. Потомъ, когда вообще намъ предложено столько благъ, они, какъ обезумѣвшіе подъ ударами демоновъ, безстыдно возстаютъ противъ истины догматовъ, подобно тѣмъ стойкамъ и епикурейцамъ, съ которыми состязуется Павелъ у аѳинянъ.

(р) Начиная отъ сихъ словъ до словъ: „отеческими лучами“ включительно въ рукописи не читается.

И чтобы не подумали вы, будто бы слово прибѣгаетъ къ клеветѣ, посмотримъ на самыя догматы упомянутыхъ нами. Стоики держатся той мысли, что Божество вещественно; а эти доказываютъ, что Единородный Сынъ сотворенъ; безъ сомнѣнія же, знаете, какое средство у сотвореннаго съ вещественнымъ. Опять епикурейцамъ кажется, что нѣтъ ничего высшаго надъ составомъ и распорядкомъ существъ, но все проносится случайно, безъ всякаго промысленія о томъ, что дѣлается; и чтобъ короче выразить ихъ заблужденіе, скажемъ, что догматы ихъ клонятся къ безбожію. Посмотримъ же, не подражатели ли епикурейцамъ отмещущіе Сына? Никто не возражай на сіе, что Епикуръ не зналъ Отца, и не исповѣдуетъ Его Божества: посему какъ же наравнѣ съ нимъ нечествуютъ и эти, неотрицающіе Божества во Отцѣ? Осмотрѣвшись немного, найдешь, что Аномей — новый Епикуръ. Усмотримъ же это такъ. Апостоль называлъ Сына сіяніемъ славы, образомъ уподобленія (Евр. 1, 3.), силою и премудростію Божіею (1 Кор. 1, 20.), и всѣми подобными тому именами, изъ которыхъ каждое, какъ бы состоя въ нѣкоторой необходимой связи съ другимъ, немислимо само по себѣ одно, но постигается во взаимномъ соединеніи обоихъ. Ибо сіяніе необходимо есть сіяніе чего либо, и образъ непременно чей либо. Посему, какъ

свѣтъ не будетъ сіяніемъ, если нѣтъ свѣтоносной причины. такъ и сіяющее естество не можетъ быть представлено само посебѣ безъ представляемаго съ нимъ сіянія. А подобно и образъ показываетъ вностасть, вностасть же познается по образу. Такъ и сила Божія не можетъ быть безъ Бога, и Бога неестественно представить себѣ безъ силы. Посему кто утверждаетъ, что нѣтъ чего либо одного изъ означемаго въ семь сочетаній, тотъ вмѣстѣ съ силою отрицаетъ и остальное. Но защитники нечестія говорятъ, что Сына нѣкогда не было. Поэтому, если небыло Сына, то, безъ сомнѣнія, не было и Отца. Если не было сіянія, то не было и Сіяющаго. Если не было образа, то, конечно, не было и вностасти. Если не было силы, то не было премудрости; если не было всего того, безъ чего не можетъ быть Бога, то какъ былъ сый надъ всѣми Богъ? Это ведетъ къ мысли, что нѣтъ (с) Бога; потому что невозможно представить себѣ славы, неиздающей блвстанія, вностасти, неимѣющей образа, а также премудраго безъ премудрости, сильнаго безъ силы, отца бездѣтнаго. Итакъ сказаннымъ доказывается, что отмену Сина отменитъ вмѣстѣ и Отца. А гдѣ не прославляютъ Сына, не вѣруютъ въ бытіе

(с) Такъ читается по рукописи.

Отца, тамъ вовсе отнешутъ Божество: отрицать же Божество не иному кому свойственно, какъ Епикуру.

Итакъ эпикурейцами оказались пынѣшніе преподаватели обманчиваго ученія, въ оскорбленіе Единороднаго Сына, приписывающіе преимущество Отцу и утверждающіе, что Одинъ больше, а Другой меньше, Одинъ посылаетъ, а Другой посылается; отрывая нѣсколько о семь изреченій изъ Писанія, они обращаются къ неразумнымъ (т) и говорятъ: Господь самъ исповѣдуется, что посланъ Отцемъ. Ты знаешь, что посланъ; а не слыхалъ, что съ Нимъ и Пославшій? *Пославый Мя со Мною есть*, говоритъ Онъ (Іоан. 8, 29.). И сказанное не научило тебя, что и посылается, и не отлучается? Хотя посылается по челоуѣколюбію, однакоже не отлучается по недѣлимости естества. Но еще говорятъ: Единородный исповѣдуется, что Отецъ больше Его, когда говоритъ: *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. 14, 28.). Итакъ изслѣдуемъ, братіе, ужели лжетъ Изрекшій: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мня* (Іоан. 14, 10.)? Если Отецъ больше Сына, то какъ большее вмѣщается въ меньшемъ? Если Сынъ меньше Отца, то какъ большее наполняется недостаточнымъ? Большой

(т) Въ рукописи читается: *οπαράττοιτες* и: *τοῦς ἀνοήτους*.

стѣняется, безъ сомнѣнія, въ меньшемъ, и меньшій не можетъ расширяться до того, что превосходить величиною, почему необходимо Сыну недостаточествовать во Отцѣ, и Отцу избыточествовать въ Сынѣ. И жетъ Изрекшій: *Азъ во Отцѣ* (если Онъ меньше, должно было сказать: *Азъ въ части Отца*), и *Отецъ во Мнѣ* (если Отецъ больше, справедливѣе было бы сказать: нѣкая часть Отца во Мнѣ). Если же цѣлый Отецъ въ цѣломъ Сынѣ, и цѣлый Сынъ въ цѣломъ Отцѣ, то гдѣ большее, и гдѣ недостаточное? И надобно ли говорить много, когда все ихъ пустословіе должно сдержать однимъ словомъ: *Иже во образъ Божіи сый, невосхищеніемъ нещева быти равенъ Богу* (Фил. 2, 6.). Скажи мнѣ, ужели слышишь, что равенъ, а понимаешь: неравенъ? Какое новое ученіе, въ которомъ неравное выражается словомъ равенъ! Но, можетъ быть, комунибудь изъ болѣе многосвѣдущихъ прилично отыскать сему основаніе, почему и Отецъ больше Сына, и Сынъ равенъ Отцу? Ибо кажется, что сіе какъ-то не сходится одно съ другимъ.

Итакъ, оставивъ состязаніе со многими противниками, отечески побесѣдую съ вами о подлежащемъ. Знаю, что евангельскія изреченія, которыя учатъ о Господѣ, не всѣ равносильны и не отъ одного и того же достоин-

ства заимствуютъ свои значенія. Одни велегласно проповѣдуютъ высоту Божества въ Сынѣ Божіемъ; другія же нисходятъ до смиренія естества человѣческаго. Ибо когда Господь говоритъ: *Азъ ти повелѣваю* (Мар. 9, 5); и: *хочу очистися* (Мар. 1, 41.); и: *Отецъ во Мнѣ и Азъ во Отцѣ* (Іоан. 14, 10.); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (9.); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ* (Матѹ. 11, 27.); и: *вся Моя Твоя суть, и Твоя Моя: и прославихся въ нихъ* (Іоан. 17, 10.); всѣ таковыя выраженія показываютъ силу превысшую всякаго естества и всякой власти. А когда склоняетъ рѣчь къ немощи нашего естества, тогда говоритъ слѣдующее: *прискорбна есть душа Моя* (Матѹ. 26, 38.); *аще возможно, да мимоидетъ чаша* (39.); *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ниче соже* (Іоан. 5, 19.); *Я принялъ заповѣдь, что реку, и что возлагаю* (Іоан. 12, 49.); *восхожду ко Отцу Моemu и Отцу вашему, и Богу Моemu и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Сюда отнеси и слезы о Лазарѣ, и утомленіе отъ пути, и желаніе пищи, и испрашиваніе воды, и пришествіе къ смоковницѣ, и незнаніе о безплодіи растенія, и сонъ на кораблѣ. Ибо все это и подобное сему означаетъ не достоинство въ началѣ сущаго Божія Слова, но снисхожденіе въ рабіемъ зракѣ уничижившаго Себя до немощи нашего естества.

Поэтому и сказано: *Пославшии Мя болій Мене есть* (Іоан. 14, 28.). И такъ посмотримъ, отъ Кого это слово. Какъ Онъ посланъ? Во образъ ли Божіи сый, или принявъ на Себя зракъ раба? Въ полнотѣ ли Божества, или истощивъ Себя во образъ раба? Совершенно же явно, думаю, что о Божіей силѣ и о Божіемъ ествѣ вездѣсущемъ, все проникающемъ и все объемлющемъ, и сказать несправедливо, что посылается; потому что внѣ его нѣтъ ничего новаго (у), куда бы, не бывъ тамъ прежде, оно пришло, когда послано; напротивъ того, все содержитъ своею охранительною силою, не имѣетъ, куда бы могло преселиться, само будучи полнотою всего.

Поэтому посольствомъ называется, по волѣ Отца совершенное, снисшествіе Сына Божія къ нашему смиренію и къ нашей немощи; потому что пречистаго естества преселеніе въ нашу жизнь не мѣстнымъ признается движеніемъ Господа, но показываетъ снисхожденіе съ высоты славы до смиренія плоти. По сему низошло и явилось Слово, не безъ покрова, но содѣлавшись плотію; явился образъ Божій не самъ по себѣ, но во образъ раба. И такъ вотъ Кто сказалъ, что *не можетъ о Себе тво-*

(у) Такъ читается по рукописи.

рити ничесоже, очевидно, потому, что сталь плотию; ибо не мочь свойственно немощи. Какъ свѣту противоплагается тма, жизни смерть, такъ силѣ немощь; но Христось—Божія сила и Божія Премудрость, а силѣ, конечно, не свойственно не мочь. Ибо если сила немощна; что́ будетъ мощно? Посему, когда Слово утверждаетъ, что *не можетъ творити*, тогда, очевидно, не Божеству Единороднаго приписываетъ безсиліе, но свидѣтельствуеть о невозможности для немощи нашего естества; а немощна плоть, какъ написано: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѣ. 26, 41.). Итакъ Божественное Писаніе въ томъ и другомъ случаѣ истинно, и большимъ исповѣдуя, и не отрицающая равенства. Когда Писаніе имѣеть въ виду человѣческое естество, тогда Невидимаго исповѣдуеть большимъ видимаго по плоти. А когда руководить мысль къ Божеству, тогда сравнительное это сопоставленіе большаго и меньшаго не употребляется, а вмѣсто сего проповѣдуется единство: *Азъ и Отецъ едино есма*; но различное по неравенству не можетъ бытъ однимъ.

Достаточно ли слово наше объяснило вамъ дѣло, еретическое неравенство исключивъ изъ догматовъ благочестія? Или потребуете, какъ въ судѣ, чтобы слово сіе подтверждено было большимъ числомъ свидѣтелей? Итакъ позволѣ-

те мнѣ, оставивъ попеченіе о краткости слова, свободно вспомнать объ одномъ событіи изъ древней исторіи: а можетъ быть повѣствованіе это будетъ у насъ нелишнимъ для цѣли. Выслушайте апостольское чтеніе, кратко передающее исторію Авраама гдѣ говорится: *Аврааму обѣтованъ Богъ, понеже не единьмѣ имяше бошимѣ клятися, клятися Собою, маголя* сказанное Имъ (Евр. 6, 13.).

Поелику многимъ, вѣроятно, неизвѣстно содержаніе исторіи, то перескажу вамъ, сколько можно, короче. Богъ повелѣніемъ Своимъ переселяетъ Авраама отъ близкихъ ему родныхъ и изъ мѣста рожденія; и живетъ патриархъ въ чужой землѣ, укрѣпляясь въ надеждѣ на обѣтованіе. Въ испытаніе твердости предъ Богомъ обращается мужу долговременное замедленіе уповаемаго; обѣщано же было, что Авраамъ содѣлается отцемъ народа. Много прошло времени; естество потерпѣло ему собственное, потому что возрастъ у него склонился уже къ старости, а надежда все продолжалась. Въ старости и у него и у супруги, какъ и естественно, утратилась крѣпость, нужная къ чадородію. И исторія, не стыдясь, указываетъ на сіе, говоря, что у Сарры *престаша женская* (Быт. 18, 11), при которыхъ производится зачатіе. Хотя тѣло, по минованіи молодости, уступало природѣ, и горбилось отъ старости; однако

же надежда у нихъ на Бога какъ-то не старилась, а цвѣла. Въ это время рождается у нихъ Исаакъ, чтобы видно было, что рожденіе сіе не дѣло природы, но дѣйствіе Божіей силы. Обрадованы они были, какъ и естественно, симъ даромъ Божиимъ: съ рожденіемъ сына, какъ бы расцвѣли опять ихъ сѣдины, у состарившейся по мѣрѣ потребности потекли обильные источники молока; престарѣлая подаетъ сыну полный сосецъ. Восхищалась она такимъ сверхъ-естественнымъ чудомъ, говоря: *кто возвьститъ Аврааму, яко млекома питаема отроча Сарра* (Быт. 21, 7.)? Потомъ младенецъ по немногу крѣпнетъ, поспѣшаетъ въ предшествующій отрочеству возрастъ; вотъ уже отрокъ во цвѣтѣ лѣтъ, въ свѣжей красотѣ, сладостное зрѣлище для родителей, преспѣваетъ красотою, приходитъ въ большую зрѣлость; при красотѣ тѣлесной приумножаетъ въ себѣ душевныя добродѣтели. Что естественно было чувствовать къ нему родившимъ, это, подвергнувъ собственному разсужденію, сами изслѣдуйте въ себѣ, съ какимъ расположеніемъ отецъ смотритъ, когда сынъ забавляется, принимаетъ участіе въ борьбахъ, въ дѣтскихъ играхъ, въ наукахъ, въ пріятнѣйшихъ сообществахъ съ сверстниками! Въ сіе-то время патріарху готовится испытаніе и искушеніе, чему удѣляетъ онъ больше, любви ли къ Богу, или естественной склонности. Въ содроганіе

прихожу, пересказывая только о жестокости испытанія. Снова бесѣдуетъ съ нимъ Богъ, и призываетъ его по имени. Авраамъ съ усердіемъ повинуется призванію, по прежнимъ примѣрамъ надѣясь, конечно, получить въ обращеніе новую милость. Но вотъ повелѣніе! Какое же?

Пошли сына твоего, сказано (Быт. 22, 2.). Можетъ быть, слово это не поражаетъ еще отца сердца. Ибо, конечно, отецъ разсуждаетъ что либо такое, на примѣръ дается ему повелѣніе сочетать сына бракомъ и посидѣть брачнымъ ложемъ, чтобы пришло къ своему концу благословеніе о сѣмени. Но посмотримъ, что присовокуплено къ слову; сказано: *пошли сына твоего возлюбленнаго*, единороднаго. Смотри, какія жала въ этомъ словѣ, какъ пронзаютъ отцевы внутренности, какъ разжигаютъ естественный пламень, какъ пробуждаютъ горячую любовь, называя сына и возлюбленнымъ, и единороднымъ. Такими именами сколь сильнѣйшая могла быть возжена къ нему любовь? Потому что дѣлать мнѣ съ сыномъ, пріявъ его? *Вознеси Мнѣ*, говоритъ Богъ. Не жрецомъ ли приказываешь сдѣлать, кого повелѣваешь вознести? Не жрецомъ, но жертвою и приношеніемъ всесожигаемымъ въ жертву; *вознеси Мнѣ*, сказано, *во всесожженіе на горѣ*, какую тебѣ укажу. Что чувствуете,

слушая это повѣствованіе, вы отцы, вы естественномъ наученные нѣжной любви къ дѣтямъ? Знаете, конечно, какъ отеческій слухъ принимаетъ приказаніе о закланіи однороднаго сына. Кого не поразило бы такое слово? Кто не отвратилъ бы слуха? Не лучше ли умереть при такомъ повелѣніи, нежели принять сказанное къ сердцу? Не могъ ли Авраамъ войти въ судъ съ Богомъ, въ защитника своего представивъ самую природу, говоря: для чего, Господи, приказываешь мнѣ это? Развѣ для того сдѣлалъ меня отцемъ, чтобъ сдѣлать дѣтоубійцею? Для того далъ мнѣ вкусить сладостнаго сего дара, чтобы обратить меня въ притчу міру? Своими руками предамъ закланію сына, и врозью предъ Тобою родную кровь? И Ты ли приказываешь это? Ты ли увеселяешься такими жертвами? Мнѣ убить сына, отъ котораго ожидаю я быть погребеннымъ? Такое ли ложе устрою ему? Такое ли приготовлю ему брачное веселіе? Возжгу ли для него не свѣтильникъ брачный, но погребальный огонь? Слѣдовательно этимъ буду и увѣнчанъ? Такъ сдѣлаюсь отцемъ народовъ я, которому не дано имѣть и сына? Но сказалъ ли, или подумалъ ли чтонибудь такое Авраамъ? Нѣтъ. Напротивъ того, какъ скоро узналъ цѣль повелѣнія, обративъ взоры къ Божіей любви, забылъ немедленно объ естествѣ и, какъ бы земное какое бремя, сбросивъ съ

себя страстныя расположенія естества, всецѣло предалъ себя Богу и приступилъ къ исполненію повелѣнія. И даже не сообщилъ о томъ своей супругѣ, хорошо и съ пользою для себя дѣлая, что женщину не призналъ достойною вѣроятія въ совѣтѣ: потому что и Адаму, принявшему совѣтъ Еввины, не былъ онъ полезенъ. Посему, чтобъ Сарра, сама не потерпѣла чего женскаго и материнскаго, и въ Авраамѣ не ослабила сильной и чистой любви къ Богу, рѣшился онъ утаить дѣло отъ супруги. Ибо Сарра, если бы узнала, что такое дѣлается, то, по всей вѣроятности, чего бы не надѣлала, или какъ не стала бы плакаться Аврааму? Что вытерпѣла бы она, повергшись на сына и заключивъ его въ объятія, если бы видѣла, что насильно влекутъ его на закланіе? Какихъ не употребила бы рѣчей? Пощади естество, мужъ, не дѣлайся поводомъ къ дурному разсказу въ свѣтѣ! Онъ единородный у меня сынъ, единородный по мукамъ рожденія Исаакъ, одинъ въ моихъ объятіяхъ. Онъ у меня первый и послѣдній. На кого послѣ него посмотримъ за трапезою? Кто будетъ привѣтствовать меня этимъ сладостнымъ голосомъ? Кто назоветъ меня матерью? Кто услужитъ мнѣ въ старости? Кто похоронитъ по смерти? Кто сдѣлаетъ могильную насыпь надъ тѣломъ? Видишь ли этотъ цвѣтъ юности, который, если бы кто видѣлъ и во

врагъ, конечно, сжалился бы надъ его красотою. Это—плодъ долговременной молитвы, это — отрасль преемства; это — останокъ рода, это— опора старости. Если на него занесишь ножъ; то окажи эту милость мнѣ бѣдной; на мнѣ сперва сдѣлай употребленіе этому ножу, и тогда уже, что тебѣ угодно, дѣлай надъ сыномъ, пусть общая будетъ у обонхъ могила, пусть одинъ и тотъ же прахъ покрываетъ тѣла, пусть общій надгробный памятникъ возвѣщаетъ наши страданія, пусть глазъ Сарры не увидитъ ни Авраама, который убиваетъ своего сына, ни Исаака, убиваемаго отеческими руками.

Съ такими, конечно, и подобными рѣчами обратилась бы Сарра къ Аврааму, если бы напередъ узнала, что дѣлается. Но чтобы ни въ чемъ не было препятствія предпріятію, возложивъ дрова на осла и взявъ съ собою нѣсколькихъ служителей, Авраамъ всецѣло предался Божіей волѣ. Потомъ, оставивъ служителей, чтобъ не стали совѣтовать чего либо малодушнаго и рабскаго, и не воспрепятствовали жертвоприношенію сына, его одного ведетъ съ собою, какъ имѣющаго уже по возрасту достаточныя силы и для тяжелыхъ дѣлъ. Ибо, съ ослицы переложивъ ношу на сына, его заставилъ нести связку дровъ. Голосъ сына снова уязвляетъ внутренности у отца;

вотъ другое искушеніе, ни мало не легче предыдущаго. Исаакъ называетъ отца этимъ сладкимъ именемъ, и говоритъ: *отче*. Но Авраама не задушили слезы, при мысли, что вскорѣ потомъ не услышитъ больше такого сладкаго голоса, не вздыхаетъ при этомъ словѣ, не говоритъ ничего плачевнаго и жалобнаго, но съ твердою и непоколебимою душею и сыновнее пріемлетъ слово, и свой произноситъ отвѣтъ. Ибо говоритъ ему: *что есть, чадо?* Здѣсь представь себѣ и смѣшленость и разсудительность юнаго, какъ безобидно напоминаетъ отцу, по видимому, недосмотрѣнное имъ, не укоряя отца ни въ недогадливости, ни въ забывчивости, но напоминая о семъ недосмотрѣ, подъ предлогомъ, что хочетъ только дознать. Ибо говоритъ: *се дрова, ови и ножъ, гдѣ есть жертва?* Но Авраамъ, ободряя ли сына, или, какъ пророкъ, ручаясь за будущее, говоритъ: *Богъ узритъ Себя овца во всесожжєніе, чадо*. И послѣ этого испытаніе души патриарховой еще продолжается. Достигаетъ онъ предугазаннаго ему мѣста, создаетъ Богу жертвенникъ; сынъ предложилъ отцу нужныя вещества, приготовленъ костеръ, и дѣло пока идетъ безостановочно, такъ что какой либо малодушный не можетъ сказать: если испытаніе до сего и было выдержано, то Авраамъ не остался бы такимъ же, какъ скоро болѣе этого приблизился бы къ страданію.

Послѣ сего отецъ касается сына, и природа не противится дѣлу; сынъ предаеть себя отцу, дѣлать съ нимъ все, что угодно. Кому изъ обоихъ больше подивлюсь? Тому ли, кто изъ любви къ Богу налагаетъ руки на сына, или тому, кто даже до смерти послушенъ отцу? Препираются между собою, одинъ возвышаясь надъ естествомъ, другой разсуждая, что воспротивится отцу — хуже смерти. За тѣмъ отецъ связываетъ сына сперва узами. Нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія, и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища: такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство. Исаакъ лежитъ предъ отцемъ у самаго жертвенника, припавъ на колѣно, и съ руками загнутыми назадъ; отецъ же, ставъ позади отрока (Ф) на согнутое колѣно, и лѣвою рукою отведя къ себѣ волосы сына, наклоняется къ лицу, смотрящему на него жалостно, а правую пожемъ вооруженную руку направляетъ, чтобы заклатъ сына, и остріе ножа касается уже тѣла; тогда приходитъ къ нему свыше гласъ, оставливающій дѣло.

Какой же былъ это гласъ? Ибо едва приводимъ рѣчь свою на прямой путь, какъ нѣ-

(Ф) Такъ читается по рукописи.

коего молодого коня, непослушного, необузданного, уклонившагося съ прямой дороги и многими кругами скакавшаго по сторонамъ. А предположено нами было показать свидѣтельство апостольскаго слова, что Отець не больше Сына. Ибо здѣсь Писаніе, слову Божию предпоставивъ имя Ангела, приводитъ гласъ: *и воззва ѿ Ангелъ Господень, и сказалъ: за то, что сотворилъ еси мзоль сей, и не пощадилъ еси сына твоего возлюбленнаго. Мною Самилъ кляхся* (Быт. 22, 12. 16.), исполнить все, что можно дознать и въ обѣтованіи Слова. Посему кто же бесѣдовавшій съ Авраамомъ? Ужели Отець (х)? Но не скажешь, что Отець есть чей нибудь Ангелъ. Слѣдовательно Единородный Сынъ, о Которомъ говоритъ пророкъ: *нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ* (Иса. 9, 6.). Конечно, Павелъ, въ раю посвященный въ тайны, не незнаетъ того, что клятвенное сіе обѣтованіе дано Единороднымъ. А Павелъ говоритъ, что, *Аврааму обѣтовавъ, Богъ Слово, понеже ни единъли иляше бошили клятися, клятсѣ Собою* (Евр. 6, 13.). Какъ же эти говорятъ, что Отець больше Сына, когда Павелъ утверждаетъ, что Сынъ не имѣетъ большаго?

(х) Въ рукописи частица *и* не читается.

Но возвратимся опять къ новому евангельскому вину, чтобы, при помощи ученія пріявъ въ себя воскресеніе духа, и намъ самимъ содѣлаться сосудами, годными для такого вина, такими сосудами, которые и сами не разсѣдаются, и не разливаютъ сокровенной въ нихъ благодати. Слышу псалмопѣніе, пророчествующее, какъ думаю, о настоящихъ бѣдствіяхъ; ибо говоритъ оно о грѣшникахъ: *отчуждишася грѣшницы отъ ложесянъ, заблудиша отъ чрева* (Пса. 57, 4.). Ложеснами рожденных по Богу называется, думаю, церковь; потому что, въ собственномъ чревѣ своемъ нося порождаемыхъ ею, вѣрою производитъ ихъ на свѣтъ. Но грѣшники, подобно раждаемымъ преждевременно, *отчуждишася отъ ложесянъ, и заблудиша отъ роднаго чрева*: ибо не вижу на матернемъ ложѣ отступниковъ вѣры. и утверждаю, что пророчество говоритъ о нихъ, введенныхъ въ заблужденіе обманомъ; они *заблудиша отъ чрева*, заблудились въ томъ, что *малолаша лжу*. *Ярость ихъ*, продолжаетъ пророкъ, *по подобію зміи*, не просто: подобно змію (*κατὰ τὴν ὁμοίωσιν ὄφειος*), чтобы уподобленіе было не животному; но прибавленіе члена къ слову: зміи (*τῆ ὄφειος*) загадочно указываетъ на истинное зло.

Но и намъ, можетъ быть, не пригодно вос-

поминаніе о змѣ въ обличенію дерзко отвергающихъ уста противъ Духа. Ибо думаютъ имѣть сильное возраженіе противъ Духа, именно то, что святое Писаніе не нарицаетъ Духа Богомъ (какъ они думаютъ, потому что мы не согласны съ ними),—а говорятъ: словомъ: Божество, означается естество, а какъ этого имени нигдѣ нѣтъ при имени: Духъ, то заключаемъ изъ сего, что Духъ не одного и того же естества съ Отцемъ и Сыномъ. Пусть же возмутъ они змѣя въ обвинителя безумной своей хулы. Ибо, какъ мы утверждаемъ, естество Божіе означающаго Его имени или само по себѣ не имѣетъ, или не имѣетъ для насъ; если же что и говорится о Немъ, по человѣческому ли обычаю, или и въ святомъ Писаніи, то принадлежитъ сіе къ означающему несущественныя свойства Божества: самое же естество Божіе пребываетъ неизреченнымъ и неизглаголанымъ, превышающимъ всякое словесное обозначеніе. Благовременно, думаю, предложить вамъ это мѣсто Писанія, гдѣ змѣя объясняется съ Евою, показывая ей, что имя: Божество имѣетъ значеніе зрительной дѣятельности. Ибо, совѣтуя коснуться запрещеннаго, объявляетъ имъ такую пользу сего непослушанія: *отверзутся очи ваши, и будете яко бози* (Быт. 3, 5.). Смотри и змѣи свидѣтельствуешь, что словомъ: Божество означается зрительная дѣятельность; ибо не иначе

можно что либо видѣть, какъ съ отверстыми очами. И такъ названіе Божествомъ выражаетъ не естество, но зрительную силу. Посему ужели не признають, что и Духъ Святый видѣть? Или и это будутъ оспаривать? Ибо если видѣть, то, конечно, по сему дѣйствованію имѣеть имя. Если же потребують и это дознать изъ писанія; то, хотя излишнее дѣло останавливаясь на томъ, что уже признано, однако же съ терпѣніемъ представимъ незнающимъ доказательство и сему. Кто усмотрѣлъ святотатство Ананія? Какъ узналъ Петръ, что Ананія сталъ самъ своимъ татемъ, когда татьбу произвелъ онъ въ тайнѣ одинъ съ супругою? Не Духъ ли Святый и въ Петрѣ былъ, и присутствовалъ (ц) при Ананіи? По этому Петръ говоритъ: *почто исполни сатана сердце твое, солгати Духу Святому? Не человекомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. 5, 3. 4.). По сему, какъ Тотъ, Кто говоритъ, что оскорбившій существо разумное оскорбилъ человѣка, не относитъ оскорбленія къ двоимъ, но отношеніе дѣлается къ одному лицу, познаваемому по разнымъ отличительнымъ свойствамъ; такъ и Петръ, сказавъ, что Анація солгалъ и Духу и Богу, разумѣющимъ благочестиво показываетъ,

(ц) Въ рукописи слово: *ἡ σατανᾶς* нечпщается.

что двумя этими именами означаетъ одно и то же. Но да содѣлаемся и мы способными къ прозрѣнію истины и причастниками Божества, по дару Святаго Духа о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

<i>стр. строк.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
6	13—14 нѣчто какъ разумное	какъ нѣчто разумное
35	1 сн. и воззвать	воззвать
59	13 св. починивъ	подчинивъ
71	8 — не уврачевано	уврачевано
90	8 сн. Себѣ	Себя
115	11 св. неумалыма	неумалыма
136	7 — Несущаго.	не сущаго.
139	1 сн. <i>оздавий</i>	<i>созидаий</i>
153	10 — одинаково	одинаковое
157	10 — не животное	не животное,
195	6 св. Божествъ	Божества
209	2 — Указуемаго	указуемаго
211	2 — Отъ себѣ	Отъ себя
241	7 сн. создатель	Создатель
243	2 св. не проводится	не приводится
	— 6 — таковымъ	таковыхъ
263	2 — по частностямъ	по частямъ
280	7 сн. предѣлъ	предѣлъ
290	1 св. впадаетъ	совпадаетъ
322	5 — приобрьла	приобрѣло
323	10 — Изъ сѣмени	Изъ сѣмени
338	1 сн. въ въ бытіе	въ бытіе
340	5 — въ коемъ	въ комъ
343	14 св. какъ потому	какъ тому
345	12 сн. и близокъ	близокъ

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКОВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ IV.)

	СТРАН.
10.) Большое огласительное слово, раздѣленное на сорокъ главъ.....	1
11.) Къ Авлавію, о томъ, что не три Бога.....	111
12.) Къ Симпликію о вѣрѣ.....	133
13.) Противъ ученія о судьбѣ.....	141
14.) Къ еллинамъ на основаніи общихъ понятій.....	178
15.) О чревовѣщательницѣ.....	192
16.) О душѣ и о воскресеніи.....	201
17.) О младенцахъ, преждевременно похищаемыхъ смертію.....	327
18.) На свое рукоположеніе.....	361
19.) Слово о Божествѣ Сына и Духа и похвала праведному Аврааму.....	373
